

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Ж У Р Н А Л Ъ ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловымъ.

On fait ce qu' on peut,
Et non pas ce qu' on veut.

~~~~~  
ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.  
~~~~~

.....

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ Морской Типографіи.

1821 года.

Печатать позволяется

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для досшавленія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ. Окшября 11 дня, 1821 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ОКТЯБРЬ, 1821. N° XIX и XX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ.

Жизнь пустыню проходила;
Молча, шла *Надежда* съ ней.
Съ любопытствомъ говорила
Жизнь соупшницѣ своей:

*

„Кшо ты, спшница вѣмая
Безприютной сироты?
Я иду съ тобой, не зная,
Кшо, моя подруга ты?”

*

„Помню, давнею порою
Какъ пушила я въ пущь,
Ты взялась иди со мною,
На себя не давъ взглянуть.”

*

„Съ шой поры не поднимался
На лицѣ швоемъ покровъ;
Съ шѣхъ поръ звукъ не раздавался
Ошъ себя мной жданныхъ словъ.”

*

„Разскажи, гдѣ ты родилась;
 Какъ зовушь, мой другъ, себя;
 Какъ со мной ты появилась;
 Какъ узнала про меня?

*

„Днемъ и ночью все со мною
 Въ жаръ и холодъ ты идешь:
 Нѣтъ приюшу, нѣтъ покою—
 Ты на мигъ не отдохнешь.

*

„Пожимая часто руку,
 Что-то, молча, мнѣ сулишь,
 И вздыхаешь, будто муку
 Наравнѣ со мной дѣлишь.

*

„Лишь заплачу...ты невольно
 Подъ покровомъ слезы льешь.
 И тебѣ со мною больно,
 Если слезъ ты не уймешь.

*

„Только, мнишься, забываешь.
 Ты скорѣй меня печаль,
 И съ веселіемъ зриаешь
 Въ незнакомую мнѣ даль.

*

„Что влечешь тебя къ несчастной,
 Позабытой опо всѣхъ?
 Что сулишь въ дали мнѣ ясной?
 Нѣтъ ли шайныхъ шамъ ушѣхъ?“

*

Но вопще швердипь Надеждѣ
 Жизнь: „куда она ведешъ?“
 Безошвѣшною, какъ прежде,
 Съ нею спушница идешь.

*

Пушь далекій миновался:
 Передъ ними шайный край—
 Будшо встрѣчу улыбался
 Имъ въ цвѣсахъ веселый Май.

*

Смошришь Жизнь: къ ней прилешають
 Всѣ ушѣхи давнихъ лѣшъ
 И ласкаясь, повшоряють
 Ей знакомый свой привѣшь.

*

Тлѣешъ спранницы одежда;
 Взоръ шо гаснешъ, шо горипь—
 И сопушница - Надежда
 Безъ покова съ ней споипь.

*

Жизнь съ усилиемъ желанья
 Руку спушницы взяла—
 И въ спрану очарованья
 Разодѣянна вошла.

Плетневъ.

~~~~~

ДОЧЕРИ МОЕЙ АМАЛИИ.

*въ день ея бракосотетанія 7 Октя-
бря 1821.*

Религія будь швой пушеводишель,
Какъ кормчему звѣзда на небесахъ;
Она опъ бѣдъ единый упѣшишель,
И смершному помощница въ шрудахъ!
Не позабудь, чшо Богъ явилъ въ насъ образъ
свой,
Не измѣни ему ни сердцемъ, ни душой.

*

Небесная! услышь мое моленье!
На дочь мою пролей свой кропкій свѣшь,
Да озарипъ Небесь благословенье
Ея весну и позднихъ дней разсвѣшь!
Цвѣши, о дочь моя, супругой нѣжной будь,
Родишельницы долгъ свяшый не позабудь;

*

Пусть радостно швоя весна цвѣшешъ,
Любовію супруга оживляясь;
Будь: дочь моя, душою шѣхъ бесѣдъ,
Гдѣ Испина живешъ—не удаляясь;
Гдѣ Добродѣтели курипся ейміамъ,
Гдѣ Вѣра чисшая нашла въ сердцахъ свой
храмъ!

*

А ты, мой сыяъ назначенный судьбою,
 Съ Амаліей свою жизнь раздѣлишь!
 Спеся Опца лежишь передъ побою:
 Твой долгъ ее съ любовію пройшишь.
 Такъ, юная чепа, кпо сердце Богу несъ
 Тошь удоспойшся возврѣнія Небесъ!

Сѣ Нѣл. В. Григорьевѣ.

КЪ ЛИЛЕТЪ.

Зачемъ пакъ, милая Лилеша,
 Ты шомно смопришь на меня?
 Зачемъ сидя у шуалеша
 Вздыхаешь часпо—и блѣдна?
 И шихо голову склоняя
 Едва мнѣ кажешся живешь,
 И взоры къ небу усшремляя,
 Скажи чего, Лилеша, ждешъ?
 Зачемъ прелесшна грудь вздымаясь,
 Трещешъ пакъ подъ кисеей,
 Ланишы розами сливаясь,
 Омочены швоей слезой?
 Почшо, скажи мнѣ, не плѣняешъ
 Волшебной больше насъ игрой?—
 Забыша арфа—шы мечшаешъ—
 Узнала горесши съ шоской!
 Скажи, чшо сдѣлалось съ побою?
 Скажи, прелесшный, милый другъ,

Ахъ! опкровенна будь со мною —
 Скажи, чшо швой смуцаешъ духъ?
 Но шы мнѣ вздохомъ опвѣчаешъ,
 Блеснули слезы на глазахъ,
 Ты взоръ на небо устремляешъ
 Въ унылыхъ, гореспныхъ мечпахъ. —
 Смопри: природа веселипся,
 Все нѣжипъ чувспва въ насъ души,
 Тебѣ ли, милый другъ, крушипся?—
 Смопри, какъ въ рощицѣ, въ шиши
 Древа, обнявшися вѣшвями,
 Другъ другу шепчущъ про любовь,
 И воды шумными волнами
 Плескаясь—люющя межъ береговъ;
 Взгляни, Лилеша!—вся природа
 Въ весельи—шы одна въ шоскѣ,
 Вездѣ и радость и свобода—
 А шы—какъ роза на пескѣ!
 Скажи, какія же печалд
 Тебѣ примчалъ жестокій рокъ —
 Какія горесши прервали
 Счастливой жизни мирный шокъ?
 Ты руку къ сердцу прижимаешъ,
 Колеблющъ вздохи грудь швою,
 Ты взоры шомно обращаешъ
 И шихо руку жмешъ мою. —
 Краснорѣчивое молчанье!
 Тебяль, шебяль мнѣ не поняшь?
 И полныхъ грудей шрепешанье —
 И шайной горесши печать —

Все говоришь; мой другъ Лилеша,
 Чего взоръ томный ищешь швой
 Для сердца милаго предмета
 Съ невинной—пламенной душой!
 Ахъ!—вѣришь ли, скажи, Лилеша?
 Ахъ! довѣряшь ли мнѣ мечшамъ?
 Любовь, всего царица свѣша,
 Пускай царицей будешь намъ!
 О милый другъ!—шакъ, все въ вселенной
 Пишаешь тайный огонь любви—
 Любили предки—другъ безцѣнный!
 Мой другъ!—для счастья оживи!
 Мы въ лѣпахъ юности злашья
 Уже ли сердце умершвимъ?
 Лилеша!—радости земныя
 Изчезнушь скоро шакъ, какъ дымъ.
 Доколь насъ время не забыло
 Не заблѣлися власы,
 Доколь дней старости унылой
 Не придуть скорбные часы,
 Доколь грудь швая прелесшна,
 Какъ мѣсяць полный надъ водой,
 Сияешь прелесшью небесной—
 Счастливы будемъ мы съ шбой—
 Любви пожертвуемъ сердцами,
 Дадимъ свободу мы мечшамъ,
 Подорожимъ любви годами:
 Не вѣкъ, не вѣкъ бышь юнымъ намъ!

Е. Ал.—нб.

ПРИЗНАНІЕ.

Ахъ! прежде зависти я никогда не зналъ,
 Теперь...но мнѣ ли бышь въ опвѣщѣ?
 Съ шѣхъ поръ, какъ въ первый разъ ее я
 увидалъ,

Завидую всему на свѣшѣ—
 Чшо близко къ Юліи, или прияшно ей:
 Геранію, копорый поливаєшь
 Забошливой рукой своей—
 Той шпоркѣ, коей укрываеешь
 Себя ошъ солнечныхъ лучей,
 И зеркалу шому, въ кошоромъ ошразишь
 Спанъ спройный, милый взглядъ, ея лица
 черпы,

И словомъ,—гдѣ изобразишь
 Она—какъ Ангелъ красопы!
 Завидую, и какъ завидовашь не должно—
 Роднымъ, копорымъ всякій разъ
 Свободно говоришь съ ней можно,
 И видѣшь каждый день и часъ!—
 Любви въ награду шерпѣливой,
 Когда же буду я шакъ счастливъ на земли,
 Чшобъ зависти не знаешь ревнивой,
 Но чшо бы мнѣ завидовашь могли?—

9 Маіа 1821.

Б. Федоровъ.

КЪ ПЕЧАЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Что ты милая задумалась?
 Что ты ходишь такъ не весело?
 Одинокая, скишаешься
 Въ роцѣ пемной, въ ночь шуманную?

*

Кудри русыя распущены,
 Руки бѣлыя изколопы—
 И покровъ, съ груди сорвавшійся,
 Развѣваясь, бѣгся по вѣтру!

*

Ахъ! о чемъ тебѣ кручинишься?
 Для тебя ли горе создано?
 Должноль милымъ знать красавицамъ
 Слезы горькія несчасія?

*

Или съ другомъ ты разсталася?
 Или въ чуждыхъ онъ обѣщаньяхъ
 Могъ забыть подругу юную?
 Или смерть его похишила?

*

Не перзайся такъ, красавица!
 Береги младыя прелести!
 Если онъ тебѣ невѣренъ спалъ,
 Позабудь и ты невѣрнаго.

*

Еслижь смерти спалъ онъ жершвою,
 Не смущай покой любезнаго!—
 Только счасшьемъ друга милаго
 Гънь умершаго ушѣшишся.

И. Великопольской.

П Ы С Н Я.

Веселись и пой, Дуняша,
 Другъ прелесшный, милый мой!
 Жизнь шечешъ въ весельи наша—
 Какъ я счасшливъ!—я съ шобой!

*

Веселись! ... проходишь младосшь,
 Не всегда играешъ кровь,
 И не вѣчно, жизни радосшь,
 Сердце чувшвуешъ любовь..

*

Веселись въ весенни годы,
 Безъ возвраша жизнь пройдешь:
 Ты не знаешъ непогоды...
 Будешъ время...шяжкй годъ!

*

Посмотри на чисшо поле:
 Тамъ все нѣжишся, цувѣшешъ—
 Такъ-шо младосшь на волѣ,
 Мило, весело живешъ.—

*

Но увы! какъ роза скоро
Увядаешь, лишь сорвешь—
Такъ приходишь время хворо—
Спаросью его зовешь!

*

Позабудешь время младость,
Все, чѣмъ юность такъ цвѣла,
Пролетишь мгновенно радость —
И любовь, какъ не была!

*

Кровь игрива засшудится:
И любовь исчезнешь вдругъ...
Ахъ! спѣши же веселишься,
Мой прелесный, милый другъ!

Н. Бранцеб.

~~~~~

КЪ НЕМНОГИМЪ *).

Слышали вы когда испорью объ Ослѣ?
Слышали—я увѣренъ!

Но ксташи повпорилъ намѣренъ.
Не знаю, въ нашей ли, или въ чужой землѣ,
Жилъ, былъ Осель. Изъ всей породы
Его счастливейше Осла никшо не зналъ:
Всегда почти изъ рукъ хозяина ѣдалъ,

*) Чтшано въ дружескомъ обществѣ С. Д. П. 14 ч. Ок-
шября.

Всегда рѣзвился и брыкалъ;
 Быль сущій баловень природы.

Хозяинъ объ одномъ лишь только сожалѣлъ,
 Чшо мало другъ его полсшѣлъ;
 Но и шому помочь хощѣлъ:
 Любовь на выдумки богаша!

Ослу назначена особая палаша;
 Вездѣ ковры, а на коврахъ,
 Во всѣхъ углахъ,

Гоповы ворохи ячменя и пшеницы,
 И проса и овса...И вошь Осель введень!
 Какъ былъ онъ восхищень
 Прияшностью свѣшлицы!

И вошь поворошилъ зѣницы
 На пригошовлѣнный запасъ ...
 Онъ вздрогнулъ...вскрикнулъ громогласно,
 И улыбался цѣлой часъ
 Таинственно и сладострастно.

Пошомъ онъ думалъ шакъ: „я дамъ себя узнатьъ,
 Лишь дѣло въ шомъ, съ чего начашъ,
 Все сышно и прекрасно!“

Онъ думалъ цѣлой день—напрасно!

Назавтра все еще не кончилъ разсуждашь;
 И словомъ до шого въ раздумьи испосшился,
 Чшо и съ запасами и съ жизнью простился.

*

Къ чемушь исторія разсказана была?

Увы! признашья должно,

(Какъ ушайшь чего не можно!)

Я самъ шеперь похожъ на эшого Осла!

командовать. Вчерашний день является ко мнѣ съ опчешомъ Офицеръ, командированный съ опрядомъ пропивъ неприязнеля. Донося обо всемъ подробно, сказалъ онъ мнѣ, что когда началась перестрѣлка, по осматривая свой опрядъ, примѣшилъ въ рядахъ дѣвушку пятнадцати, или шестнадцати лѣтъ, чрезвычайной красоты; что онъ хотѣлъ было удалить ее, но она никакъ не соглашалась опойти, говоря, что для нее во сто разъ лучше умереть, нежели опсавить Ла-Роза. Ла-Розъ былъ видный и прекрасный солдатъ, за которымъ она неоплучно слѣдовала.

„Хотя и занявъ я былъ—прибавилъ Офицеръ—по обязанности моего порученія, но пронувый симъ зрѣлищемъ, не могъ опказать въ участіи ея лѣпамъ, ея прелеснямъ, и время опъ времени обращалъ глаза на дѣвушку. Смпрю, чрезъ нѣсколько минушь Ла-Розъ падаетъ раненный насквозъ пулею. Красавица въ слѣзахъ бросается къ нему, силился поднять его, и такъ сказалъ опнеспи на рукахъ своихъ. Когда дѣло кончилось и неприязнель општунилъ, то я желая

узнать объ ней, послалъ за Сержанпомъ, и спросилъ его, кто она такая? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ее зовутъ Юліей, но что онъ болѣе ничего не знаетъ. Отвѣвъ сей умножилъ только мое любопытство, и я поручилъ Сержаншу поспараться узнать ея тайну и обо всемъ меня уведомить. Возвращаясь ко мнѣ сегодня утромъ, онъ донесъ, что всѣ его спаранія были тщетны; что какъ онъ ни принимался спрашивать, Ла-Розъ упорствовалъ и хранилъ молчаніе, а Юлія отвѣчала однѣми слезами; но что обоимъ они просили позволенія поговорить со мною.“—Надежда услышатъ отъ нихъ то, что мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать, и желаніе, если можно, быть имъ полезнымъ, заставили меня поспѣшить къ нимъ, и я пошелъ вмѣстѣ съ Офицеромъ. По скромности, онъ предоставилъ мнѣ войти одному. Я нашелъ Ла-Роза въ хлеву, лежащаго на солонѣ, со смертною блѣдностію на лицѣ, въ кошоромъ однакожь нельзя было не примѣнить нѣкоторыхъ приятныхъ чертъ. Юлія, на колѣняхъ подлѣ него, поддерживала одною рукою его голову, а другою по-

правляла что-то, чтобы ему покойнее было лежать. Увидя, что я вошел, она привспала: признаюсь, красота ее поразила меня, и ежели блескъ ее помраченъ былъ помножествомъ и печалію, то нельзя было не плѣниться прогашельнымъ ея видомъ. „Слава о вашей добродѣтели—сказалъ слабымъ голосомъ Ла-Розъ, обратившись ко мнѣ.—побудила меня ввѣрить вамъ шайну мою, и вручить эпощъ залогъ, который для меня тысячу разъ дороже моей жизни. Скоро навсегда буду разлученъ съ шемъ, что природа произвела всего совершеннее. Вы видите ее прелести—прибавилъ онъ указывая на Юлію; но это слабый образъ душевныхъ ея качествъ. Пагубная любовь и меня и ее привела къ пропасти. Я не произнесъ бы жалобъ, если бы долженъ былъ погибнуть одинъ; но не могу безъ ужаса помыслить о томъ, что будетъ по смерти моей съ безцѣнною Юлією.“

Слезы прервали на минушу слова его. Онъ продолжалъ: „Фамилія моя безъ сомнѣнія вамъ извѣстна. Я Маркизь де*. Опець мой, владѣтель большихъ помѣ-

спій, будучи еще молодъ, удалился въ одно имѣніе, которое отсюда не болѣе 20 миль. Наскуча свѣтомъ и должностью, вышелъ онъ въ отставку, счищая себя обойденнымъ по службѣ. Все его семейство заключалось во мнѣ. Любимая имъ супруга лишилась жизни, произведя меня на свѣтъ. Общество Графа де** вознаграждало ему нѣкоторымъ образомъ сію потерю. Узы пѣсной дружбы съ молодыхъ лѣтъ соединяли ихъ. Одинакіе почти общешельства жизни еще болѣе въ послѣдствіи ихъ сблизили. Графъ, подобно отцу моему, принужденъ былъ оставишь службу, по неблаговоленію къ нему Министра, и также прежде времени лишился жены. Она скончалась вскорѣ послѣ моей матери, давъ жизнь злополучной Юліи, которую вы видите. Графъ, снѣдаемый печалію, соскучилъ поже свѣтомъ и рѣшился удалиться въ помѣстье, прилежащее къ нашему, гдѣ отецъ мой жилъ уже въ уединеніи.

Графъ оставилъ Парижъ, взявъ съ собою Юлію еще въ колыбели, и приѣхалъ къ моему отцу наслаждаться жизнью:

евободною и спокойною. Охопа, сельскіе удовольствія, чтеніе и науки занимали все время двухъ друзей. Когда же Юлія и я достигли возраста, въ которомъ могли понимать ихъ, то они посвящали всѣ свои досуги единственно нашему воспитанію. вмѣсто того, чшобъ скрывать вещи, которыя кажутся въ нѣжныхъ лѣтахъ опасными, они раскрыли предъ нами дѣйствіе спрасшей, показывая заранѣе ихъ приманки и опасности. Давъ намъ увидѣшь все ихъ могущество, спарались вручить намъ оружіе для преодоленія оныхъ. Тщепная, предосторожность! Мѣры сіи не сохранили насъ. Назначая насъ другъ для друга, они не прошивились возраждавшейся въ насъ взаимной склонности—спарались даже возбуждать въ насъ оную, и казалось раздѣляли счастье двухъ юныхъ сердець, которыя любя другъ друга, могли въ томъ опкрываться безъ принужденія. Они научили насъ вкушать удовольствія любви съ тою нѣжностію чувствъ, которая даетъ ей всю цѣну. Желая пламенно видѣшь насъ соединенныхъ другъ съ другомъ, ожидали они

только рѣшенія Графскаго дѣла о имѣ-
 нии жены его, что бы утвердишь союзъ
 нашъ вѣчными узами и удовлетворишь
 моему намѣренію вступишь въ службу.
 Три мѣсяца тому, какъ Графъ выигравъ
 пшябу, получилъ возможность выдашь
 за мужъ Юлію и извѣспилъ меня, что
 въ скоромъ времени совершашся всѣ
 мои желанія. Радость моя была темъ
 живѣе, что Юлія раздѣляла мои воспор-
 ги. Возможно ли, казалось, быть такъ
 близко къ счастью, и не доспичь его?
 Неожиданно возникли споры между мо-
 имъ опцемъ и Графомъ о назначаемыхъ
 намъ имуществвахъ. Сперва произошла
 разнось въ мнѣніяхъ, вскорѣ вмѣш-
 лась досада, наговорили одинъ другому
 колкостей, и каждый считалъ себя темъ
 недовольнѣе, что воображалъ имѣть пра-
 во ожидать отъ другаго болѣе снисхо-
 дительности. Наконецъ они совершен-
 но разсорились. Судите, что со мною
 было, когда опецъ, позвавъ меня къ се-
 бѣ, сказалъ: „Послушокъ Графа сполько
 причинилъ мнѣ обиды, послѣ той друж-
 бы, копорую я всегда ему оказывалъ,
 что не хочу и слышать о немъ. Сынъ

мой, непременно должно опказаться опъ Юліи. Знаю, что это много будешь тебѣ споить, но я того пребую. Въ твои лѣта скоро забываюшь связи такого рода, особливо въ разлукѣ. Теперь же пошлю тебя въ Парижъ, и самъ опправляюшь въ слѣдъ за побою.

Пораженный сими словами, какъ громомъ, я опспался неподвиженъ. Опець мой вышелъ, но я долго еще былъ въ семъ положеніи. Первое, что пришло мнѣ въ мысль, было бѣжать къ Юліи. Хочу войти къ ней, но слышу, кто-то говоришь громко. Прислушавшись внимательнѣе, узнаю голосъ ея опца. „Дочь моя — говоришь онъ — я раздѣляю твою горесшь; но въ настоящихъ обспояшельствахъ не могу поступишь иначе.“ Нѣсколько сдѣланныхъ имъ шаговъ заставили меня удалиться. Опасаясь встрѣшиться съ нимъ, и не зная, почему спрашился его присушствія, я спряшался въ такое мѣсто, опкуда могъ видѣшь, не будучи самъ примѣченъ. Вскорѣ пошомъ онъ вышелъ опъ дочери. Я къ ней. Нахожу Юлію въ слезахъ, падаю къ ногамъ ея, прижимаю уста мои въ рукѣ ея. Она

молчала. Долго не могъ и я вымолвить ни слова. Наконецъ прерываю молчаніе: „Ипакъ рѣшено, Юлія! я-долженъ опъ тебя опказатьсь! Нѣжнѣйшая любовь, счасіе нашихъ дней не дѣйствуешь надъ сердцами жестокихъ родителей, ослѣпленныхъ и разсброенныхъ презрительною корыстію. Чшо будешь со мною? Чшо будешь съ тобою? Одно мгновение разрушаешь надежду сполькихъ лѣтъ и повергаешь насъ въ несчасіе, которому не будетъ конца.“—Ты видишь мои слезы, опвѣчаешь Юлія, и можешь судишь, чшо происходитъ въ душѣ моей. Опнынѣ дни мои посвящены горести. Не могу ожидать счасія, если не буду швоею. Бапюшка опнялъ у меня всю надежду. Онъ объявилъ мнѣ, чшо завтра утромъ должна я съ нимъ ѣхать и никогда не выдашься съ тобою.—При сихъ послѣднихъ словахъ Юліи, опчаяніе и ярость овладѣли мною. „Нѣтъ, сказала я, никогда не соглашусь расшаться съ тобою. Прими, Юлія, совѣтъ, внушаемый тебѣ нѣжностію и горестію моею: опспавимъ нашихъ жестокихъ родителей, убѣжимъ опсюда, скроемся въ спра-

нѣ счастливейшей; чшобъ жить другъ для друга въ безопасности и наслаждаться нашею любовію.“

Юлія устращилась и моего опчаянія и сдѣланнаго мною ей предложенія. Скромность ея, робость, ея правила прошивились моему намѣренію. Но въ чемъ не успѣешь человѣкъ, любимый пламенно, въ рѣшительную минуту, когда должно спасти, или навѣкъ погубишь его? Я воспоржеспововаль надъ ея боязнію, надъ ея сомнѣніями—и она обѣщала мнѣ съ насупленіемъ ночи бышь у воротъ звѣринца. Оставя ее, я занялся приготовлениями къ нашему побѣгу. Въ волненіи чувствъ моихъ не разбираль я послѣдствій. Одна мысль занимала меня—владѣшь Юлією. Я взялъ съ собою, сколько имѣлъ денегъ: ихъ было у меня довольно. По прѣпорученію батюшки, вель я домашній расходъ, принималь опъ управителей доходы, и даваль въ нихъ ошчетъ только ему одному.“

„Съ насупленіемъ ночи приказаль я осѣлать себѣ лошадь. Юліи еще не было въ условленномъ мѣспѣ. Она не долго оставила меня въ безпокойствѣ.

При видѣ ея сердце мое задрепетало отъ радости. Бросившись къ ней на встрѣчу, заключилъ я ее въ мои объятія; но опасаясь, чѣмъ не открыли насъ, поспѣшилъ сѣсть на лошадь и посадилъ Юлію съ собою.“

„Мы ѣхали всю ночь и очень скоро. На разсвѣтѣ увидѣли предъ собою равнину. Не зная, гдѣ мы, и боясь встрѣпиться съ кемъ нибудь, кто бы могъ узнать насъ, я предложилъ Юліи укрыться въ ближнемъ лѣсу и дожидаться пущь ночи. Она согласилась. Природа была свидѣтельницею нашихъ кляпвъ и воспорговъ. Если вы любили когда нибудь, прибавилъ Маркизь, то должны знать всю живоспъ сихъ мгновений. Не возможно ни изобразить, ни забыть ихъ. Приближающаяся ночь вывела насъ изъ очарованія, копорымъ мы были объаты. Мы сѣли оятъ на лошадь и поѣхали первую попавшеюся намъ дорогою. До сихъ поръ ни одна мысль не смущала меня. Наконецъ разсудокъ показалъ необходимость избрать что нибудь вѣрное. Съ этою мыслию предспавились мнѣ всѣ трудности, всѣ опасности нашего по-

ложенія. Въ безпокойствѣ и нерѣшимости, я погрузился въ глубокое размышленіе. Юлія примѣтивъ это, спросила меня: о чемъ я пакъ задумался? Тщепно я спарался утаишь предъ нею разстройство души моей; надлежало открышь все Юліи. „Вчера, сказала она, должны бы мы были предвидѣшь всѣ послѣдствія нашего поступка. Теперь уже не время. Намъ оспашаешь одно средство вооружись мужесствомъ противу всѣхъ ожидающихъ насъ бѣдствій. Не думаю, чшобъ моя швердось происходила опъ невѣденія будущаго. Въ предпріятіи нашемъ подвергаюсь я болѣе, нежели ты осужденію и опасностямъ. Ты предался неопределимому влеченію спрасши: вопшь въ чемъ вся вина швоя въ глазахъ свѣта. Но я пожертвовала всѣми приличіями, даже спыдливосшію моего пола. Я ослушалась и оспавила опца моего. Ему нельзя спсшишь меня. Въ шебъ все мое прибѣжище. Одно сомнѣніе въ перемѣнѣ швоихъ чувствъ ко мнѣ можешь погубишь меня. Ахъ! сполько примѣровъ непоспоянства мужчинъ, чшо и въ швоемъ про-

спешельно мнѣ усумнишься. Но не хочу оскорблять тебя. Напрошивъ мнѣ прияшно пожертвовашъ тебѣ все, зависѣшь опъ тебя одного. Не раскаяваюсь въ томъ, что я для тебя сдѣлала, и готова сдѣлать еще болѣе. Покажи и ты равное моему поспоянство; покажи мнѣ, что и я могу замѣнить для тебя все. Намъ конечно оспаешся претерпѣшь много еще несчастій; но они будутъ для насъ сносно, если мы постараемся взаимно другъ другу облегчать ихъ бремя. Человѣку твоего званія прилична одна только служба — разумѣется военная. Если причины, заставляющія насъ скрывать, не позволяють тебѣ занять одного изъ мѣстъ, предоспавленныхъ твоему роду — то постарайся отличиться и въ неизвѣстности, на которую мы осуждены судьбою. И великіе люди начинали службу солдатами. Старайся заслугами своими возвратить милость твоего отца, и заставь его признать, что онъ вель расчелы шамъ, гдѣ должно было чувствовашъ. Я не покину тебя ни въ какомъ случаѣ. Раздѣлю съ тобою труды и опасности, и не

жалуюсь на мое соспоаніе, почту себя счаспливою, будучи съ шобою всегда неразлучна и пользуясь выгодою, кошорой лишены другія женщины.“ Слова Юліи—продолжалъ Маркизь—убѣдили меня совершенно: я не могъ не удивляться благодарспву ея, чувспвованій, воспламенился ея мужеспвомъ, и шощасъ рѣшился на все предложенное ею, какъ единспвенное средство, оспавшееся мнѣ въ настоящихъ обстоятельспвахъ. Оно было всѣхъ примичнѣе и сверхъ того сообразнѣе съ моею склонностію. Въ первой, попавшейся намъ на пѹпи деревнѣ, развѣдалъ я какъ ближе было проѣхашъ въ армію, кошорая собиралась не въ дальнемъ ошпуда распояніи.

Опасаясь бышъ ошкрышы, переодѣлись мы съ Юліею въ креспьянское плашье и ошправились далѣе. Чрезъ нѣсколько часовъ встрѣчаемъ солдата полку М. вашего племянника. Спросивъ объ имени его полка, изъявилъ я ему желаніе шуда записашъся. Онъ, казалось, обрадовался моему предложенію, ожидая награды ошъ своего Капишана за приводъ на службу шакого молодца.

Наружность моя, по крайней мѣрѣ, ему понравилась. Мы пошли съ нимъ въ лагерь. Проводникъ нашъ оставилъ насъ у палатки, въ копорую вскорѣ ввелъ меня и Юлію. Капшанъ, увидя насъ, удивился. Преклонныя его лѣта, лице имѣвшее оппечашокъ кропоспи его и добродѣтели, вселили въ меня какое-то къ нему почтеніе, копорое сначала привело меня въ робость. Оправившись, сказалъ я ему, что имѣю намѣреніе служишь и считаю себя счастливымъ, что случай привелъ меня къ нему; что я не требую никакого обязательства и прошусь въ службу просшимъ солдатомъ; но жду отъ него одной только милости, имѣшь особую палатку для меня и жены моей, съ копорую не могу жишь розно. Между темъ, какъ я говорилъ, Капшанъ обращалъ глаза, то на меня, то на Юлію. Изъ сдѣланныхъ имъ намъ вопросовъ примѣшилъ я, что онъ старался проникнуть, кто мы были, не доверяя нашей одеждѣ. Но какъ я оппѣчалъ неудовлешворительно на предметы, о копорыхъ онъ меня спрашивалъ, то онъ сказалъ намъ: „Дѣпи мои!

не хочу знать вашей тайны до сих поръ, пока не заслужу отъ васъ довѣренности, а до того можете быть покойны. Я буду имѣть о васъ попеченіе, и все, что отъ меня зависишь, охотно сдѣлаю. Красота жены твоей, могла бы подвергнуть васъ большимъ опасностямъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя почти обуздать своевольства; но не бойтесь—я найду средства отъ всего предохранишь васъ.

Сказавъ это, велѣлъ онъ позвать Сержанша, и далъ ему приказаніе, сообщенное съ темъ, что обѣщаль намъ. Съ сихъ поръ жили мы покойно подъ покровительствомъ Капишана и не чувствовали неприятностей нашего положенія. Исполняя усердно свою обязанность, началъ я пользоваться въ полку нѣкошорымъ уваженіемъ. Время свободное отъ службы посвящаль единственно Юліи. Непоколебимая въ своемъ поспоянствѣ, ни въ какомъ случаѣ не измѣнила она своему выбору, и часно предупреждала меня въ трудахъ, сопряженныхъ съ нуждами нашего положенія. Мужество вознаградило въ ней слабость

силъ и нѣжность сложенія. Будучи до-вольна темъ, что живешь со мною, никогда сожалѣніемъ своимъ о потерянныхъ благахъ не возмущала она нашего согласія. И если иногда упрекала я себя въ томъ, до чего довелъ ее, представляя глазамъ ея ужасную картину ожидающихъ насъ несчастій: то она со всемъ своимъ плѣнительнымъ красно-рѣчіемъ убѣждала меня, что жребій нашъ не спошь горестень, какимъ казался мнѣ, а напрошивъ того для обоихъ насъ долженъ бышь весьма приятень. Съ какимъ искусствомъ старалась она доказывать мнѣ необходимость бышь вездѣ со мною, даже въ самыхъ опасныхъ случаяхъ! Спошь сильная привязанность ко мнѣ Юліи и ея добродѣтели умножили мою къ ней любовь и уваженіе. Я не могъ не имѣть объ ней самыхъ нѣжныхъ попеченій. Малѣйшіе мои угожденія ей всегда замѣчались и принимались опъ нее съ благодарностію. Дни наши текли въ удовольствіи, и взаимная нѣжность наша замѣняла намъ то, чего не дошавало къ совершенному нашему благополучію. Но несчастные, ко-

шорыхъ судьба преслѣдуетъ, могутъ ли долго оспаваться спокойны? Поперя Капишана, котораго смерть похишила у насъ тогда, какъ движимый благодарностию рѣшился было я во всемъ открыться ему, была предвѣспникомъ величайшаго несчастія для моей Юліи. Излишнимъ считаю описывать вамъ вчерашнее происшествіе. Сколько было свидѣтелей ея мужества и любви ко мнѣ, что слухъ о нихъ вѣроятно дошелъ и до васъ. Она заслужила полное право на удивленіе, на соспраданіе всѣхъ тѣхъ, кто ни видѣлъ вчера, сколь велики въ ней добродѣтели, неизвѣстныя ея полу. Возможно ли, чтобы ужаснѣйшей жребій былъ ея наградою? Она лишается супруга, который богопворидъ ее. По всему, что она для меня дѣлала, можете вы судить, сколь чувствительна будетъ для нее моя поперя. Вамъ ввѣрю Юлію — продолжалъ Маркизь, обращаясь ко мнѣ. — Всеобщее уваженіе къ вамъ подастъ мнѣ надежду, что вы не откажете въ вашей помощи сей несчастной. Сколько правъ она имѣетъ на ваше благородное сердце! Будете ей по-

кровишелемъ, дайше мнѣ слово, что какое ни будетъ ея намѣреніе, вы съ вашей стороны ни въ чемъ ей не воспретяществуете. Дайше мнѣ умереть съ утѣшеніемъ и увѣренностію, что она, по смерти моей, будетъ зависѣть только отъ одной себя. Вотъ прибавилъ онъ, вынувъ изъ подъ изголовья кошелекъ, наполненный золотомъ, средство, что бы Юлія никому не была въ тягоспъ.“ Онъ хотѣлъ продолжать; но долгое повѣспованіе испустило его силы, и голосъ у него прервался. Примѣпивъ большую перемену въ лицѣ его, подошелъ я къ нему подать помощь. Тупъ онъ, сдѣлавъ усиліе, просянуль руку къ Юліи и упалъ безъ чувствъ. Тотчасъ позвалъ я Офицера, дожидавшагося меня у дверей, и приказалъ ему сходить, какъ можно скорѣе, за полковымъ Лекаремъ. Полагая, что Маркизь умеръ, обратилъ я все мое вниманіе на Юлію. Она осталась, какъ была и прежде, въ безмолвномъ опчаяніи, не сводя глазъ съ шѣла своего любезнаго. Опасаясь дѣйствій на нее сего плачевнаго предмета, спарался я ошлечь ее отъ него. Нѣсколько

разъ начиналъ говоришь ей, но не получалъ отвѣща; хотѣлъ было приказать ее вывезти, но и въ этомъ успѣшь не могъ. Она оспавалась въ томъ же положеніи, не говоря ни слова, не проливая ни одной слезы. Лекаръ, явившись по моему приказанію, подошелъ къ Маркизу, и принявъ его за простаго солдата, со свойственною людямъ его званія суровоспію, сказалъ, что онъ еще не умеръ. Попомъ вынувъ изъ кармана склянку со спиртомъ, далъ понюхать Маркизу, въ кошоромъ чрезъ нѣсколько времени почно оказались знаки жизни. Сколько ни принималъ я въ судьбѣ его учаспія, но безпокоюсь объ Юліи, не терялъ и ее изъ виду. Съ первымъ движеніемъ ея супруга, казалось, и къ ней чувства возвратились. Взоры ея начали оживляться, и радость примѣшнымъ образомъ разливалась на лицѣ ея, по мѣрѣ того, какъ онъ возвращался къ жизни. Я спросилъ ее, хорошо ли перевязана рана? И когда она все подробно рассказала, то Лекаръ объявилъ, что многое еще необходимо нужное упущено. Я велѣлъ тотчасъ снѣшь перевязку, сказавъ

Лекарю, что онъ будетъ мнѣ отвѣчать за него. Тщешно я уговаривала Юлію, не бышь вторично свидѣтельницаю споль болѣзненнаго дѣйствія, увѣряя, что она можешь въ семь случаѣ на меня положишься. Я не могъ ничемъ убѣдить ее.

Лекаръ, ощутивъ глубину раны, сказалъ намъ, что хоця пуля и прошла насквозь всего шѣла, но такъ счастливо, что ничего не повредила, и рана не только не опасна, но подаетъ надежду къ скорому излеченію. Сіе неожиданное извѣстіе могло дорого стоить Юліи. Быстрый переходъ отъ ужаснаго опчаянія къ самой лѣсной надеждѣ произвелъ въ ней волненіе, котораго она не могла выдержашь. Я примѣшилъ, что она перемѣнилась въ лицѣ, и опасался, что бы это не произвело худыхъ послѣдствій въ Маркизѣ, итакъ уже ослабѣвшемъ отъ раны и отъ продолжительнаго со мною разговора. Я подошелъ къ ней, чтобъ предварить ее о томъ и убѣдить выдти. При первомъ моемъ словѣ она поняла меня, и та Юлія, которую не за долго предъ темъ нельзя было опвлечь отъ умирающаго ея супруга, показала

сшолько шверлости, что удалилась опъ него сама, когда почувспвовала, что присущствіе ея можешъ его обезпокоить. Одна шолько истинная любовь способна къ такймъ усиліямъ. Но сія любовь подкрѣпляла Юлію до той лишь минушы, пока не скрылась она совсемъ изъ глазъ своего мужа. Тогда силы ее оставили, колѣна у ней подогнулись, и я едва успѣлъ подашъ руку, чшобъ поддержать ее. Съ пособіемъ моимъ скоро она пришла въ чувспво. Не могла еще говорить, но показывала мнѣ знаками, чшобъ я возвратился къ Маркизу.

Я не рѣшался оставить ее въ такомъ положеніи; но видя, что упорствомъ моимъ могъ сдѣлать ей болѣе вреда, нежели пользы, исполнилъ ея волю. Возвратившись къ больному, шепнулъ я Офицеру такъ тихо, что никто не могъ слышать, пойми и бышь при Юліи. Какъ скоро увидѣлъ меня Маркизь, то даль знакъ подойти къ себѣ, и съ шрудомъ произнесъ имя Юліи. По безпокойству, изображавшемуся въ глазахъ его, могъ я судить о душевномъ его волненіи—и отвѣчалъ ему, что мое намѣ-

реніе бымо перенести его къ себѣ, и что Юлія, не довѣряя въ семь случаѣ никому, захопѣла сама взять нѣкоторыя предоспорожности. Онъ мнѣ повѣрилъ. Любовь легко обмануть ласкашельствомъ. Я утвердилъ его въ сей мысли, приказавъ Лекарю приготовить носилки и взять нужное число солдатъ. Вскорѣ за шемъ входилъ Юлія; радость блистала въ глазахъ ея, но нѣжная и оспорожная супруга спаралась показывать оной столько, сколько нужно было, чтобъ Маркизь успокоился совершенно на счетъ своего положенія.

Ишакъ обое они теперь у меня. Хотя отецъ Маркиза очень коротко былъ знакомъ со мною, но я находился въ величайшемъ недоумѣніи, какимъ образомъ пособить симъ несчастнымъ супругамъ и примирить ихъ съ родителями. Опасаясь въ семь дѣлѣ поступить худо, отвергалъ я все, что мнѣ ни приходило на мысль. Случай, какого я вовсе не могъ ожидать вывелъ меня изъ сомнѣнія. Вскорѣ послѣ того, какъ я взялъ Маркиза къ себѣ, получаю письмо отъ отца его. Начавъ воспоми-

наніємъ прежней нашей пріязни, онъ вкраицѣ увѣдомлялъ меня о бѣгствѣ своего сына; изъявлялъ чиспосердечное раскаяніе, что онъ и Графъ довели дѣшеи своихъ до сей послѣдней крайности; писалъ, что послѣ многихъ розысканій былъ онъ съ Графомъ шѣхъ мыслей, что Юлія и сынъ его находятся въ арміи; наконецъ просилъ унопребихъ всѣ зависящіе ошъ меня способы въ шомъ удосповѣришься, присовокупляя, что если я опыщу ихъ, шо могу объявишь имъ прощеніе родителей и сказашъ, что они неперциѣливо желаюшъ ихъ видѣшь, дабы своею нѣжностію заставишь ихъ забышъ причиненныя имъ бѣдствія. Письмо сіе меня успокоило и произвело въ супругахъ живѣйшіе восторги. Тотчасъ послалъ я нарочнаго къ опцу Маркиза съ извѣспіемъ, что сынъ его и Юлія у меня, но безъ дальнихъ подробностей, прося только его пожаловашъ вмѣспѣ съ Графомъ ко мнѣ, что бы я имѣлъ удовольствіе разсказашъ имъ все лично. Они не замедлили своимъ приѣздомъ. Могу сказашъ, что въ жизнь мою не видалъ я ничего прогашельнѣе

свиданія сихъ чепырехъ челоуѣкъ, и въ печеніи двухъ дней, какъ всѣ они вмѣспѣ, радоснѣ ихъ и ласки нисколько не уменьшаются. Я раздѣляю съ ними ихъ счаспѣе; но не долго уже мнѣ наслаждапсья онымъ. Здоровье Маркиза день опо дня поправляется, и скоро позволипсь ему возвращипсья въ его помѣспья.

Толскѣ.

А. Иллитевскій.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА: *РАЗЛУКА НА ВОСЕМЬ ДНЕЙ, ИЛИ ГОСТИННИЦА НА ГОРѢ ЦЕНИСЬ*, СОЧ. Г. С. ТОМА *).

Гостинница, 8 Маія, въ 7 часовъ утра.

Доброе утро, милая! Къ тебѣ первая моя мысль, къ тебѣ первый вздохъ мой! Я видѣлъ прелесные сны: мы были вмѣспѣ въ бесѣдкѣ изъ розъ, поме-

*) Переводчикъ *Исторіи Государства Россійскаго* Г. Августъ Сень-Тома, издавъ недавно въ Парижѣ Романъ въ письмахъ; подъ заглавиемъ: *Huit jours d'absence, ou l'hospice du Mont-Cenis*. Многіе Парижскіе литературные Журналы, въ числѣ коихъ *Revue Encyclo-*

ранцевыхъ деревьевъ и сирень; у ногъ нашихъ протекалъ широкій ручей, и сквозь чистую, прозрачную воду его видно было множество маленькихъ, красивыхъ рыбокъ съ золошою чешуею, копорыя рѣзвились и временемъ выплескивались изъ влажной своей шемницы. Все это, сколько могу припомнишь, предвѣщаетъ радость, а эта радость — близкое мое возвращеніе въ Туринъ. У меня сегодня такъ весело на сердцѣ, и я займусь такими дѣлами, копорые, надѣюсь, продолжатъ сіе чистое веселіе. Я пойду нынѣшнимъ упромъ прогуливаясь къ *мосту дикой козы*, и зайду къ тому доброму старикку, копорому мы хошимъ сдѣлать вспоможеніе въ его бѣдности.

rédiqne и Tablettes universelles, опзываются о немъ съ великою похвалою. Вотъ одинъ опривокъ изъ сего Романа, содержащій весьма занимательный эпизодъ. Романъ сей, въ чепырехъ часпяхъ, съ чепырью прекрасно гравированными карпинками по рисункамъ извѣснаго Шассела (Chasselat) продается по 15 р. у Сочинителя, живущаго въ большой Морской, въ домѣ Миллера подъ № 143, также у Сень - Флорана и у прочихъ извѣснѣйшихъ книгопродавцевъ.

Какъ мысль о добромъ дѣлѣ веселишь сердце! Не знаю, въ сію минушу удовольствіе тебя видѣшь не уступило ли бы сему чувству. Прочь, дерзкая мысль! Наслажденіе мое было бы полнѣе, когда бы вмѣстѣ съ побою я могъ сдѣлать доброе дѣло: свой нѣжный взоръ и пріятная улыбка удвоилибъ его цѣну. Это уже сіюшъ чего нибудь для несчастнаго, которому оказываешь благодѣяніе. Мы мужчины умѣемъ только дѣлать подаваніе: но сія тонкость чувства, которая щадитъ самолюбіе одолжаемаго— сіе нѣжное соспранданіе, которое опьемлешь у горести половину ея скорби и возвращаешь надежду и бодрость душѣ, угнетенной бѣдспвіемъ и печалію... нѣшь! мы въ томъ неискусны: сіи драгоценные свойства принадлежатъ женщинамъ *). Какъ они украшаютъ васъ въ глазахъ нашихъ! Какой мужчина мо-

*) Жалость въ женщинахъ снисходительнѣе, нѣжнѣе и продолжительнѣе. Къ ней присоединяется сладостное чувство доброжелательства, видѣ соучастія, которые рѣдко бывающъ вмѣстѣ съ нашею." Сен-Ламберб.

жешь хладнокровно видѣшь молодую красавицу, подающую руку помощи бѣдному, оказывающую нѣжные попеченія сироту, изпоргающую изъ опчаянїя несчастное сѣмейство? Благошворительность придаетъ чертамъ ея нѣчто божественное! Лице ея, одушевленное симъ чистѣйшимъ чувствомъ, есть образъ Ангела, и слова милосердія, ея нѣжные утѣшенія расширяютъ сердце, стѣсненное уныніемъ. Мужчина (и такихъ еще изъ насъ очень мало) бросаетъ кошелькъ свой угнетаемому судьбою сѣмейству, и уходитъ, оставя шѣхъ, которыхъ онъ помогъ, въ недоумѣніи между стыдомъ принявъ его благодареніе и воплями необходимости. Какое различіе! Ахъ! если бы женщины знали, сколько благошворительность, сіе безцѣнное чадодѣла, покоряетъ имъ сердца, какими прелестями оно ихъ окружаетъ: то изъ нихъ мало бы осталось такихъ, которыхъ бы не почувствовали, сколь скучно и утомительно время, употребляемое ими на приманки кокетства и свѣтскую суебность! Ты, которой душа есть жертвенникъ сей возвышенной добродѣ-

тели — ты, которой сострадательное и чувствительное сердце всегда открывалось при видѣ несчастныхъ — милая Эрнестина! раздѣли со мною удовольствіе, которое чувствуешь сегодня твоей

Августъ.

Гостинница. 8 Маія, въ часъ по полудни.

Я чувствовалъ напередъ, что это дѣло будетъ для меня источникомъ сладчайшихъ удовольствій. Не понимаю, какъ богатые люди могутъ отказываться отъ столь чистыхъ, столь живыхъ наслажденій?

Добрые крестьяне, съ простодушный своими выраженіями, конечно бы привлекли ихъ къ себѣ болѣе, нежели тѣ любезные и пусторѣчивые рассказчики, которые толпятся въ ихъ гостинныхъ. Еслибъ можно было, что бы свидѣтелями благодарности крестьянъ за малѣйшее одолженіе были тѣ богачи-эгоисты, тѣ холодные сердца, тѣ продажныя души, которыхъ все счастье состоитъ въ накопленіи мѣшковъ съ золотомъ, которые равнодушно оспаиваютъ гибнуть десять челоуѣкъ прежде, нежели

рѣшатся вынуть одну золотую монету изъ сундуковъ своихъ...кто знаетъ, можешь бышь, ихъ жестокосердіе смягчилось бы?... Можешь бышь, они бы подумали, что всеиспребляющее время скоро передасть алчнымъ наслѣдникамъ ключи отъ ихъ сокровищъ, и что безжалостная смерть занесла уже на нихъ свою руку. Можешь бышь наконецъ, они пожелали бы предсавить на судъ небесномъ хотя одну чершу челоуѣколюбія, хотя одно доброе дѣло, которое смягчило бы въ ихъ пользу божеское правосудіе. Сіи разсужденія, столь часто забываемые, напоминаюшь мнѣ стихи, кои я написаль, будучи еще очень молодъ, и для коихъ мысль почерпнулъ я изъ мрачнаго Юнга: чепыре изъ нихъ могли бы послужить урокомъ для скупыхъ богачей:

Міръ здѣшній—есль юдоль, шягчимая войною,
И обнесенная незыблемой спѣною.

Смерть носилъся внупри; никто не избѣ-
жищъ:

На груди жершвъ она шьмы новыхъ жершвъ
валищъ.

Они не понравятся нѣкопорымъ робкимъ душамъ, кои не могушь подумашь о смерти, или произнести ея имени не содрогнувшись, какъ будто бы они счищяють себя безсмертными; но эпо такая слабость человѣческой природы, копорую меньше всего щадить я намѣрень.

Видишь ли, какъ одно размышленіе ведешъ за собою непосредственно другое, какъ безъ всякаго намѣренія, я увлекся мрачными думами; въ семъ случаѣ, надѣюсь, я въ точности исполниль свои предписанія, давая волю разнообразнымъ моимъ мыслямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что написавши ихъ, я разорвалъ бы эпошь листь, какъ ненужное опшшуплеіе, если бы писалъ съ какою нибудь иною цѣлію; ибо оно замедляло бы ходъ сочиненія и вывелобъ изъ перпѣнія мишашеля; но здѣсь, напрошивъ того, я опшдаюсь на произволь всѣхъ минушнихъ впечатлѣній; и веселыль они, или скучны, передаю тебѣ ихъ такъ, какъ они ко мнѣ приходяшъ.

Теперь я опшдамъ тебѣ опшчешъ въ сегодняшней моей прогулкѣ. Я вышешъ

очень рано съ темъ, чтобы заспашь спараго поденьщика дома. Мнѣ казалось, что я нахожусь недалеко отъ каменистыхъ утесовъ, за копорыми стоишь его хижина: однакожь я пришелъ туда не прежде какъ чрезъ три четверти часа: чемъ ближе я къ нимъ подходилъ, темъ болѣе находился въ затрудненіи, какимъ образомъ сквозь нихъ пробраться. Они представлялись глазамъ моимъ въ видѣ огромныхъ, остроконечныхъ стѣнъ, близъ коихъ не видно было никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилища, совсемъ темъ онъ указалъ мнѣ свое жилье въ эту сторону. Подумавши нѣсколько минутъ, я рѣшаюсь продолжать мои разысканія, подхожу къ самой подошвѣ скалы и ничего не вижу. Я хотѣлъ возвратиться назадъ, какъ вдругъ усматриваю передъ собой пропину, по которой въ ту же минуту пускаюсь; въ пятидесяти шагахъ отсюда, она вела въ сторону за угломъ одной скалы, и я нахожусь въ какой-то разсѣлинѣ, шириною на пять, или на шесть шаговъ во всю высоту скалы. Я ничего не видывалъ споль чуднаго, какъ эта разсѣ-

лина, копорую конечно произвело какое нибудь попрясеніе земнаго шара; шири-на отверзстія повсюду одинакова, выдавшіеся углы одной спороны соотвѣст-ствуютъ вдавшимся угламъ спороны противоположной во всю длину сего необыкновеннаго ущелія; объ части его, совершенно равныя, неоспоримо до-казываютъ, что онѣ составляли нѣ-когда одно цѣлое, раздѣленное попомъ, вѣроятно, вулканическимъ ударомъ.

Я пошелъ по сему темному ходу: едва могъ различать предметы, и дол-женъ былъ поднимать голову, чптобъ у-видѣть свѣтъ дневной на чрезвычайной вышинѣ, и какъ бы сквозь отверзстіе печной трубы. Кусты повилики, движи-мые вѣтромъ, колебали надъ сими гра-ничными веръхами длинные свои плеше-ни, и цвѣщущій рододендронъ *) украшалъ верхніе навѣсы ущелія пурпуровыми своими киспями. По временамъ слы-шалъ я крикъ золопистаго коршуна, пустыннаго обитателя сихъ непрохо-димыхъ ущесовъ.

*) *Rhododendron ferrugineum*.

Наконецъ я примѣпилъ окончаніе сего мрачнаго хода и удвоилъ шаги, чпо бы скорѣе пройти его. Какая прошивуположность! какой яркой свѣтъ на сихъ высотахъ, покрытыхъ еще снѣгомъ! Находившись предъ пемъ въ узкомъ и шемномъ ущелии, я былъ ослѣпленъ симъ новымъ зрѣлищемъ: подошва горъ покрыва была расщѣпніями во всей ихъ силѣ, и пѣнныя воды источника, быспро спремещагося чрезъ обломки скаль, оживляли сію картину своимъ журчаніемъ. Не въ дальнемъ разспояніи увидѣль я мостъ *дикой козы* и сельское убѣжище, котораго искалъ. Это красивая хижина подъ соломенною кровлею, поспроенная на небольшемъ возвышеніи, въ пятидесяти шагахъ отъ источника. Около двѣнадцати ивъ, посаженныхъ по берегу, удерживають кряжь земли и не допускають его обрушашься; урочище, довольно хорошо обработанное и обнесенное оградю изъ зеленѣющихъ кустарниковъ, находится позади сего мирнаго жилища; яблони въ цвѣпу доставляють тамо шѣнь и наполняють воздухъ прияшнымъ запахомъ. Я былъ

очарованъ видомъ сего скромнаго убѣжища; находилъ въ немъ нѣчто романическое, это вырвало изъ груди невольный вздохъ. Волненіе мое еще удвоилось, когда подходя ближе, услышалъ я пѣсню молодаго паслуха, сидящаго на лугу, колокольчики спада его какъ будто бы впорили сей пѣсни. Надобно путешествовать въ сей странѣ, чтобы имѣть понятіе о томъ впечатлѣніи, какое производятъ простое пѣніе паслуховъ, или звуки волынки, повторяемые отголосками. Какой жистель Альповъ могъ когда либо забыть сію горную мелодію, сіи заунывные пѣсни, столь согласныя съ дикими мѣстоположеніями, посреди коихъ пропекли дни его дѣйства? Изъ сего совокупленія чисныхъ, но сильныхъ ощущеній, рождается въ немъ безмѣрная любовь къ своей родинѣ, непреодолимаѣя нужда увидѣть ее снова; толпы желаній, кошорыя привязываютъ его къ мѣстоположенію, дереву, источнику, скалѣ, къ тысячѣ мѣлочей, коихъ нельзя пересказать, но кои даже среди изобилія и выгодъ жизни слѣдуютъ за нимъ во всѣ страны міра и дѣлаютъ его несча-

спнымъ; естли онъ не можетъ опять хопя однажды взглянуть на свои долины. Сколько бы онъ ни спарался приноравливаясь къ обычаямъ большихъ городовъ, къ ихъ мѣлкимъ важносшямъ — при немъ всегда оспанулся простыя привычки человека, взрослоаго въ простопѣ естественной, и воспоминаніе прежнихъ его забавъ лучше всѣхъ уроковъ нравственной Философіи защищилъ его отъ всѣхъ опасностей, въ которыя испорченность вѣка и примѣры людей развращенныхъ могли бы его свергнуть. Онъ будетъ иногда казаться спраннымъ и грубымъ; но его всегда будутъ приводить въ примѣръ честности и прямотушія. Признаюсь, я люблю горныхъ жишелей, и увѣренъ, что если нѣкоторыя добродѣтели еще оспались между людьми, то онѣ здѣсь нашли себѣ убѣжище.

Подходя увидѣлъ я моего добраго спарика, вырывающаго негодную праву въ саду своемъ. Какъ скоро онъ меня примѣшилъ, то кинулъ свой заспунъ, перебѣжалъ чрезъ садъ и бросился на встрѣчу мнѣ съ веселымъ и довольнымъ

видомъ. „Ахъ! добрый господинъ, сказала онъ приближась, шакъ вы не забыли бѣднаго Антона?“ — Могъ ли ты это подумашь? Ты поселилъ въ меня такое участіе, доброй спарикъ, что желаніе облегчить судьбу швою не могло ослабиться. Скажи мнѣ, какова дочь швоя? — „Охъ, Боже мой! все въ одной порѣ. Я бы хошѣлъ, чшобъ Лекаръ сюда навѣдался; мы его не видѣли съ прошлой осени; а его скляночки шакже помогаютъ, какъ ешълибъ я лилъ изъ нихъ лекарства на деревяшку: но Богъ милосшивъ! да къ шомужь вошъ и весна, а Лекаръ всегда приѣзжаетъ въ горы объ это время.“ — Успокойся: провидѣніе милосердо къ добрымъ. Поведи меня къ больной. — Не смѣю, сударь! шаккой господинъ, какъ вы...а наша хижина шакая маленькая!“ — Пойдемъ, доброй спарикъ! она довольно просторна, чшо бы принять друга чешовѣческаго, кошорый хочешъ бышъ и вашимъ другомъ.—Взявъ за руку, я чшши прошивъ воли повелъ его.

Въ этой просшой хижинѣ все было чиспо и опряшно: деревянная посуда и ведра, передъ шемъ шолько вымышья въ

свѣтлой водѣ испочника, являлись при самомъ входѣ. Длинной рядъ кувшиновъ съ молокомъ распавленъ на бѣлыхъ, липовыхъ полкахъ, а большія, ивовыя корзины, въ копорыхъ можно заготовить зелени, овощей и другихъ припасовъ на цѣлую зиму, стояли кругомъ всей кухни. Въ одной впадинѣ близъ очага, я замѣшля ящикъ съ поспелью спарика: на день ящикъ сей покрывается доскою изъ прекраснаго орѣховаго дерева, и составляешь весьма красивый споль.

Я вошелъ въ другую комнату, и удивился, не найдши въ ней ни тяжелаго запаху, ничего, словомъ шакого, что бы показывало, что здѣсь есть больной. Окно было опворено; прекрасный кусть ландышей, посаженный снаружи, доставлялъ тѣнь комнатѣ и разливалъ въ ней приятный запахъ весеннихъ цвѣтовъ своихъ. Еще болѣе я удивился, увидя уборы сей маленькой комнаты, которые нимало не соотвѣшествовали прочимъ уборамъ хижины. Больная лежишь въ красивой поспелѣ съ сипцевою занавѣскою, искусно собранною, и покрыва бѣлымъ марселевымъ одѣяломъ.

У окна стоишь покойная софа: четыре стула, обитые хорошею тканью, дальше столъ и изрядное зеркало, подъ которымъ висяшь золотые часы; наконецъ, за дверью большой сундукъ, оклѣенный кожею, на коемъ выбито позолоченными гвоздями вензловое имя. Я не могъ выйши изъ недоумѣнiя! Спарикъ замѣшилъ то и сказала мнѣ. „Все это напоминаетъ намъ, очень жалкой случай: я расскажу вамъ его. Бѣдные молодые люди! они были такъ добры, такъ добры! Упокой ихъ Господи и дай имъ царство небесное!...“ Дѣвушка упи-рала слезы. „Не плачь, Марья! примолвилъ отецъ ея: они вѣрно въ раю. Мнѣ всегда Богъ посылаетъ добрыхъ людей, которые о насъ жалѣють. Посмотри: вошь одинъ изъ шѣхъ милосивыхъ господъ, которые мнѣ дали золотую монету.“

Я подошелъ къ ней, и увидѣлъ пригожую крещьянку, хотя нѣсколько блѣдную, съ прекрасными черными глазами и милымъ лицомъ. Голова ея повязана шелковымъ плашкомъ и вокругъ нее все было весьма опрятно. Она за-

краснѣлась и какъ бы застыдилась, увидѣвъ меня; хопѣла благодарить, и не находила словъ. Вошь только что я могъ разслушать: *Ахъ, сударь, вы очень милостивы!* — Я взялъ спуль и сѣлъ подлѣ нее. — Успокойся, милая Марья, сказалъ я ей, тебѣ нечего меня спыдаться: я люблю честныхъ людей и хочу бытьъ вашимъ другомъ, хочу помочь доброму швоему онцу и вылечить тебя. — *Ахъ, сударь, вы очень милостивы!* — „Видишь ли, Марья, сказалъ старикъ—не даромъ я не боялся говорить съ эшимъ добрымъ бариномъ: что онъ ни скажетъ, по все какъ-то по сердцу. Онъ не презираетъ бѣдныхъ людей, какъ пошь сердшой Офицеръ, что приѣзжалъ прошлаго года и насъ разбранилъ. Смѣлѣе, Марья! ты не глупа; поговори съ нашимъ милосшивцемъ.“ — Я ничего еще не сдѣлалъ, чемъ бы могъ заслужить это имя. Марья конечно не имѣетъ еще ко мнѣ довѣренности, но я надѣюсь ее заслужить. Скажи мнѣ, милая, гдѣ ты чувшвуешь боль? — „Вошь ужь годъ, какъ у меня болятъ ноги и бокъ. Лекаръ далъ мнѣ горшечки съ мазью, чтобъ наши-

рашь ею гдѣ болить, и еще какіе-то лекаршва; но ничто не помогло. Съ мѣсяць пому назадь начала у меня болѣть голова, день ото дня больше и больше. Хотѣлось бы, чшобъ Лекаръ опяшь приѣхалъ.“ — Будь спокойна, добрая Марья! завпра упромъ будешь къ шебѣ хорошій лекаръ.— „Не ужь ли?“ — Я писалъ въ Туринь и жду его нынѣшній вечеръ. Увѣрю, чшо эшопъ шебѣ поможетъ.— „Какое же у васъ доброе сердце! Какъ я буду молишь Бога за васъ! Вапюшка! поподчуй добраго барина молокомъ.“

Спарикъ споялъ, посреди комнашы, поднявъ глаза къ верху и сложа руки; нѣсколько слезъ блеснуло на щекахъ его; казалось, онъ былъ весь наполненъ благодарностъю. Онъ позабылъ, чшо я шупъ находился. Обнаженное чело его, длинныя клочки волосъ, разпроганный его видъ придавали его лицу нѣчто особенно выразительное, нѣчто папріаршеское. Все эшо и меня разпрогало. При послѣднихъ словахъ своей дочери онъ какъ будшо пробудился опъ сна и снова собрался съ мыслями; въ воспоргѣ бросился онъ ко мнѣ съ разпроешершыми

объятіями; но будучи удержанъ почтениемъ, остановился.—Сюда, добрый Аншонъ сказалъ я ему почирай меня не иначе какъ за своего друга—и я обнялъ его опъ всего сердца.

Онъ посшавиль тогда передо мною свой маленькій завтракъ, опъ кошораго я и не подумаль опказывашься; чрезъ шо могъ бы огорчиль сего честнаго поселанина. Я съѣлъ съ большимъ апщешіомъ чашу прекрасныхъ, гущыхъ сливокъ съ большимъ кускомъ ячменнаго хлѣба, кошорымъ спарикъ спыдился меня подчиваць и кошорый я нашель довольно вкуснымъ. Помомъ подаль онъ мнѣ шарелку орѣховъ и нѣскольکو яблочковъ, сбереженныхъ въ совершенной свѣжеспи, словомъ я очень хорошо позавтракаль. Аншонъ чрезвычайно радовался, видя, что я ѣмъ охотно. Я принудиль его завтракаць со мною; но мнѣ стоило большаго шруда къ тому его убѣдишь.

Ты видишь меня здѣсь, милая Эрнеспина и угадываешь; что въ эпу минутой я не промѣняль бы моего положенія на шо, чтобъ бышь въ самой великолѣд-

ной залѣ, за самымъ лакомымъ сполымъ!... Я чувствовалъ удовольствіе сердечное: ты и я, знаемъ оба, чего оно стоить: не доставало только къ этой проглательной сценѣ тебя, моя милая, что бы сдѣлать ее еще чувствительнѣе. Оставимъ сердца изсохшіе предаваться ихъ холоднымъ расчетамъ, ихъ холоднымъ удовольствіямъ: оставимъ ихъ мучиться своенравіемъ суетности и гордости. Есть люди, которые никогда не знаютъ наслажденій, доставляемыхъ добродѣтелью: пожалѣемъ о нихъ. Ахъ! какихъ сладостныхъ ощущеній сердца лишаются эти печальные умствователи! Они спанушъ даже смѣяшся надъ сею склонностію къ добру, которая приводитъ насъ въ жалость о судьбѣ всякаго спраждающаго существа, потому что у нихъ — все только одна собственная личность. Такъ, моя Эрнестина! пусть они умствуюшъ и безумствуюшъ, какъ хопяшъ; а мы будемъ вкушать такіе удовольствія, которыхъ никогда они не узнаюшъ.

Уполивъ мой голодь, надобно было также уполивъ мое любопытство на

счесть уборовъ маленькой комнапы. Я напомнилъ Аншону его обѣщаніе; онъ не заставилъ долго себя упрашивать.— „Извольше, сударь: вошь; что я вамъ скажу...но напередъ надобно вамъ показашь кое-что“ — и взявъ за руку, вывелъ меня изъ хижины. „Видите ли: тамъ вверхъ по ручью эту купу лисшвяницъ и кипарисовъ?“ спросилъ онъ. — Я вынулъ зришельную шрубку и навелъ ее на то мѣсто, которое онъ указывалъ.— Вижу, Аншонъ, и примѣчаю между эшими деревьями маленькое возвышеніе изъ дерну, большой деревянный крестъ и другой подлѣ него поменѣе.—Такъ точно, сударь. Теперь я вамъ скажу...да послушайте: Марья вамъ лучше это расскажешь, нежели я. Охъ! куда грустно, какъ вспомнишь! Марья всегда опъ это го плачетъ. Мы вошли въ хижину; я просилъ дѣвушку рассказашь мнѣ повѣсть о добрыхъ молодыхъ людяхъ; она начала ее такимъ образомъ:

„Это было въ Маршѣ мѣсяцъ, три года тому назадъ: я распилала полошно прошивъ солнца; коровы наши пались шодальше на лугу. Вдругъ вижу на

моему *дикой козы*, какъ разъ прошивъ нашей хижины, пригожаго молодого господина, который показался мнѣ очень задумчивъ, очень грустенъ: онъ смотрѣлъ по на воду, по на небо: я пощасъ догадалась, что у него есть горе. Я побѣжала еказать о томъ бапюшкѣ, а бапюшка сказалъ мнѣ: *надобно идти къ нему, Марья, и позвать его отдохнуть у насъ; ночь скоро настанетъ, онъ можетъ забрести Богъ вѣсть куда. Побѣги-ка.*—Я мигомъ къ нему добѣжала. Это былъ прекрасной молодець лѣтъ двадцати пяти; видъ его былъ такой шихой, но замѣшно было что онъ посковаль. Видно было также, что онъ плакаль, пошому что глаза у него опъ слезъ покраснѣли. Я поклонилась ему и молвила: честной господинъ! бапюшка мой проситъ васъ зайти къ намъ. Скоро ночь, а въ здѣшнихъ горахъ легко сбихься съ дороги; да вошь и снѣгъ идешъ; пожалѣйте своего здоровья. Когда онъ услышалъ меня, по будно опъ сна пробудился — вынулъ часы, шѣ самые, что вы видите вонъ шамъ у зеркала; послѣ того сказалъ мнѣ шихимъ голо-

сомъ: „твоя правда, милое дитя; я было позабылъ время; принимаю ласковое твое приглашеніе, но боюсь васъ обезпокоить.“—Не бойшесь ничего, я пошчасъ ему молвила. Это право ошъ добраго сердца, и вы очень обрадуете спарого Аншона, моего бапюшку. — „Хорошо, душа моя, иду за побою.—„Бапюшка сказаль ему, подошедши: *добро пожаловать, сударь!* развель большой огонь, пошому чшо вечеръ былъ холоденъ. Я подала го-сюю мою скамейку; онъ сълъ на ней въ углу камина. Казалось, будто онъ успокойля.—Видно вы очень любите горы, сказаль ему бапюшка, когда приѣхали къ намъ сюда объ эшу пору. А кажешся еще не много зелени: гулять въ шакое время не очень весело.—„Эшопъ печальный видъ природы, опвѣчалъ незнакомецъ, сходень съ соспоянїемъ моего сердца; зрѣлище обнаженныхъ ушесовъ приашиѣ для несчастныхъ, нежели садъ, украшенный цвѣтами.“ — Такъ у васъ ешъ горе, сударь? — „И. большое, другъ мой, но я надѣюсь скоро ошъ него избавишься.“—Не думайше, сударь, объ эшомъ; вы еще шакъ молоды! Смершь

опъ васъ еще далеко. Поручите себя Господу Богу, онъ васъ ушѣшитъ. Посмотрите, сударь, на меня: я спарь, бѣдень; Богъ посѣпиль меня горемъ, когда я похоронилъ бѣдную мою Шарлотту и двойхъ дѣпей; а со всемъ шемъ, коли сердце у меня заноешь, то я начну молишься, чипаю молишвы объ усопшихъ и чувствую, что мнѣ спановишься легче. Это какъ-то придаетъ силы въ работѣ. Дѣлайте поже; увидите, что вамъ будетъ лучше.—Незнакомецъ вздохнулъ и ничего не опвѣчалъ.—Похлопочи-ка, Марья, сказала бапюшка, да пригошовъ намъ ужинашь; господинъ-то чай голодень.—„Да, я очень голодень, опвѣчалъ молодой человекъ, я ничего не ѣлъ со вчерашняго дня.“—Маши Божія! вскликнула я, развѣ вы хошите уморить себя?—И мигомъ сварила яиць и каршофелю, подала ему молока и сыру. Онъ ѣлъ съ жадностью все, что я передъ него ни спавила; но я очень видѣла, что онъ не думалъ о шомъ, что дѣлалъ. Мнѣ какъ-то совѣстно было сказашь ему, чтобъ онъ ѣлъ не шакъ скоро; онъ могъ бы подумашь, что это опъ ску-

поспи. На ночь мы опдали ему нашу комнату, а я съ сестрою легли спать на сѣнѣ. Бѣдняжка не спалъ во всю ночь, и бапюшка слышалъ, какъ онъ вздыхалъ и посковалъ до самаго разсвѣша.

Поупру онъ сказалъ намъ: „вы добрые люди; эши дикіе мѣста мнѣ нравятся; если хошите, я оспанусь на нѣсколько времени у васъ.“ — Милоспи просимъ, опвѣчалъ бапюшка; все, что ни ешь у насъ, къ вашимъ услугамъ. — „Принимаю, только съ условіемъ, безъ кошораго не соглашусь жить у васъ. Я вамъ буду давать по шести франковъ на день.“ — Да какъ, сударь! эпо было бы васъ грабишь. — „Нисколько; не вы опшь меня пребуеште, а я самъ назначаю эшу цѣну; если вы опкажешесь, то я сей же часъ уйду.“ — Бапюшка увидѣлъ, что онъ его огорчишь, если опкажешь, и пощому сказалъ: не уѣзжайте, добрый господинъ! Извольте давать что вамъ угодно. — Такъ и положили, чтобы онъ у насъ осшался: онъ взялъ съ насъ обѣщаніе не разпрацивать его и опсавимъ его уходишь и приходишь, какъ ему вздумается. Мы сказали ему, что онъ

власшенъ дѣлашь все по своей волѣ; а онъ намъ сказаль, что его зовушь Эдмондомъ.“

„Каждое утро бѣдной молодой чело-
вѣкъ вспаваль съ разсвѣшомъ и уходиль
къ высокимъ утесамъ. Онъ лазиль по
такимъ мѣстамъ, куда и сами охот-
ники не могушь взобраться. Наши па-
стухи видали его по цѣлымъ часамъ съ
лицемъ, закрытымъ руками. Въ иное
время ходиль онъ очень скоро по берегу
ручья, безъ шляпы и безъ галсука.
Сначала маленькіе пастухи пряпались,
завидя его; а онъ ихъ подзываль, ласкаль,
даваль имъ всегда серебряныя деньги,
послѣ того они уже не боялись; но вся-
кой, кто его ни встрѣчаль, говорилъ:
бѣдной молодой челоувѣкъ! Часно при-
ходиль онъ домой очень поздно и какъ
онъ ничего не ѣль во весь день, шо
быль блѣдень, слабъ. Я всегда говари-
вала: *ужь быть ему больнымъ!* Намъ
было горько смотрѣшь на него: онъ
быль такъ смирень, что никогда не
жаловался, а шолько спановился со дня
на день печальнѣ.“

„Однажды вечеромъ мы очень ис-

пугались; ночь уже давно наступила, а его не было. Бапюшка сказалъ мнѣ: Марья! не случилось ли чего худаго съ нашимъ поспояльцемъ? Зажги-ка пуки лучины, да пойдѣмъ его искапъ.“—Мигомъ, бапюшка, опвѣчала я, и топчасъ взяла шри, или чешыре пучка сосновой лучины; она свѣшипль очень ярко, шакъ чшо огонь издали увидишь. Я зажгла шакже многія вязанки соломы на мосту. Послѣ шого пошла внизъ по рѣчкѣ Лисшвянницѣ, а бапюшка пошелъ вверхъ рѣки къ высокимъ ушесамъ. Мы кликали его изо всѣхъ силъ: *Господинъ Эдмондъ! господинъ Эдмондъ!*... Никакого опвѣша!—Господи! спаси его! Какъ я не могла опыскапъ его и пошла домой, шо увидѣла на мосту двухъ чедовѣкъ съ зажженнымъ пукомъ лучины: эшо были бапюшка и онъ. Я шакъ обрадовалась, чшо подбѣжала и обняла его: онъ шихонько опшполкнулъ меня. Я сказала: какъ вы насъ перепугали, Г. Эдмондъ! мы васъ вездѣ искали.—„Благодарю, душа моя, опвѣчалъ онъ; я усшалъ и заснулъ.“ — Да, примолвилъ бапюшка, въ шаккой холодъ. Посмошри какъ онъ блѣ-

день! Онъ лежалъ подъ навѣсомъ высокихъ утесовъ. Эдакъ не диво и умереть! Ахъ! господинъ Эдмондъ, вы не любите бѣднаго Антона и дѣшей его. — „Нѣтъ, друзья мои, опѣвчалъ онъ, я васъ очень люблю: но я очень несчастливъ!...“ — Въ одну минуту согрѣла я молока и поставила передъ него съ кускомъ солонины и салатомъ.“

„Пужинавъ, сѣлъ онъ въ свой уголь, опуся голову на грудь; казалось, что онъ задыхается. Бапюшкѣ такъ было грустно видѣть его въ этомъ положеніи, такъ грустно, что онъ утиралъ слезы. Я бы лучше хотѣла, чтобъ и посмоялецъ нашъ плакалъ, нежели видѣть его такимъ утрюмымъ — потому что когда въ горѣ плачешь, то это какъ будто помогаетъ. Вошь бапюшка спавишся на колѣни и говоришь мнѣ: „спанемъ за него молишся, Марья.“ — Опо всего сердца бапюшка — и я также спала на колѣни. — „Господи милосердый! говорилъ онъ, сжался надъ этимъ бѣднымъ молодымъ человекомъ. Дай ему силу перенести его горести!“ После того онъ прочелъ *пошлилуй мя, Боже*, я по-

впоряла за нимъ эпу молишву. Постоялецъ нашъ услышавъ эпо, вышелъ изъ задумчивоспи, подошелъ къ намъ и бросился самъ на колѣни. Онъ поднялъ руки къ небу и говорилъ: *Боже! низпосли ей счастье и подай несчастному Эдмонду силу сносить терпѣливо жизнь свою!..* Послѣ такой молишвы плакалъ онъ почти на взрыдъ и очень долго. Хорошо, думала я; эпо ему поможешъ. Онъ спалъ нѣсколько часовъ въ эпу ночь и на другой день вышелъ попозже обыкновеннаго: я положила ему въ карманъ кусокъ мяса и хлѣба, чшобъ онъ не проголодался во время своей прогулки. Вечеромъ онъ мнѣ показался спокойнѣе; но все еще очень печалень.“

„Однажды какъ онъ сидѣлъ на скалѣ, свѣсившейся до половины въ воду, я сказала сама себѣ: *смѣлѣе, Марья! поди поговори съ нимъ*—и сѣла близъ него на скалѣ. Онъ молвилъ мнѣ съ усмѣшкой: „здравствуй, Марьюшка! какъ ты хороша сегодня! Эпошь рашиновой корсетъ очень шебѣ къ лицу.“—Благодарю за ласку, Г. Эдмондъ! Видите ли нынче праздникъ. Да чшо вы здѣсь дѣлаете, глядя

безпреспанно въ воду? Для чего бы не придти поговорить съ нами? Мы хоть люди простые, ума не имѣемъ; а все бы по крайней мѣрѣ сполько же васъ упѣшили, какъ и эти большіе камни, что у васъ передъ глазами. — „Милая Марья, ошвѣчалъ онъ, для меня нѣтъ больше праздниковъ: счастье мое протекло быстрѣе, нежели воды этого ручья.“ — Не говорите этого, Г. Эдмондъ! Не хорошо такъ опчаяваться и грустить безпреспанно.... да, Боже мой! что такое вамъ сдѣлали? — Когда я ему это сказала, то онъ посмотрѣлъ на меня приспально; краска бросилась ему въ лице; я щопчасъ примѣшила, что я разстрогала его боль сердечную. — Виновапа, Г. Эдмондъ! я не думала васъ огорчить. — Онъ взялъ меня за руку и сказалъ: „нѣтъ, добрая Марья, ты меня не огорчила, но напомнила мнѣ причину моихъ спраданій. Послушай, Марья: ты добрая дѣвушка; я хочу доказатьъ тебѣ мою довѣренность: я все тебѣ расскажу. Я поклялся умереть, не произнося ея имени; но для тебя нѣтъ у меня больше никакой тайны. Это облегчить

мое сердце. Приходи завтра поутру къ высокимъ утесамъ; тамъ ты узнаешь мои бѣдствія.“ — Хорошо, Г. Эдмондъ, молвила я: расскажите мнѣ все, я постараюсь утѣшить васъ... Можно ли сказать батюшкѣ, что вы будете ждать меня близъ утесовъ?— „Какъ ты хочешь, Марья.“ — Я отвѣчала ему, что очень этому рада, потому что я ничего не дѣлаю, о чемъ бы не зналъ батюшка. — Онъ былъ этимъ доволенъ.— „Поди, Марья: сказалъ онъ, постарайся утѣшить этого бѣднаго молодого человѣка. Если онъ не запретитъ тебѣ пересказать свою повѣсть, то я очень охотно буду ее слушать; а ежели это ему нелюбо, такъ не говори мнѣ о ней ни слова: я не хочу тогда знать ее.“

„На другой день, въ шесть часовъ утра, побѣжала я къ утесамъ; Г. Эдмондъ ждалъ меня, сидя пропивъ солнца на большомъ камнѣ. Онъ держалъ въ рукахъ письмо и маленькую коробочку, которую цѣловалъ время отъ времени.— „Ты держишь свое слово, любезная Марья“ — кричалъ онъ мнѣ издали, а я ему: да мнѣ очень хочется узнать что

за причина этой сильной горести для
 шакого добраго молодаго челоуѣка, какъ
 вы.—,Сядь подлѣ меня, шы все узнаешь.
 —Послѣ попросила я его написашь для
 меня свою повѣсть, шакъ какъ онъ мнѣ
 ее разсказываль; онъ по доброшѣ своей
 это и сдѣлаль. Я вамъ дамъ ее, продол-
 жала Марья. — Она опперла маленькой
 ящичекъ и вынула изъ него нѣсколько
 писанныхъ листовъ, кошорые я пере-
 писалъ для себя: воть что они содер-
 жашь.

(оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

НОЧЬ ВЪ ПАРИЖѢ.

Duplex libelli dos est: quòd risem movet
 Et quòd prudenti vitam consilio monet.

Phèdre.

Въ сочиненіяхъ моихъ я предполагаю
 себѣ двоякуюцѣль: забавляшь и исправляшь.

Федръ.

Въ прошедшій понедѣльникъ ночь
 была прекрасная, воздухъ сáмый прияш-
 ный, и луна капилась шихо по безоб-
 лачному небу. Сидя подѣ окномъ, вку-
 шаль я одно изъ шѣхъ невинныхъ удо-

вольсшвій, коими наслаждаются, равно какъ и многими другими, не давая себѣ никогда въ нихъ ошчета: я курилъ *сигарку* и забавлялся, преслѣдуя глазами въ воздухѣ шабашные облака, выпускаемые мною съ важностію *Гренингенскаго* Бургомиспра; я не видалъ ничего, не слыхальъ ничего, не думаль ни о чемъ. Окончивъ мою сигарку, возвратился я снова въ гражданскій и политическій міръ, оставленный мною за четверть часа передъ темъ, и разумъ мой снова принялся за работу. Пробѣгая глазами эту опустѣвшую улицу, на которой за нѣсколько часовъ предъ темъ двигалось, толпилось сполько людей, привелъ я себѣ на память нѣкоторыя черпы изъ довольно худаго описанія *Парижской ноги*, сдѣланнаго Ренифъ де ла Бретономъ въ предисловіи къ его *Современникамъ*. Мнѣ пришло въ голову начертать самому подобную картину; случай былъ удобный: время превосходное; всѣ мои домашніе спали, а я не имѣлъ нималѣйшаго расположенія ко сну. Я вышелъ украдкою, вспомнивъ со вздохомъ о времени; когда такія предосторожности

имѣли совершенно другую побудительную причину, и пришелъ къ уличнымъ ворошамъ. Великаго пруда споило мнѣ заспавишь ихъ опворить. Приврашница, принужденная вспать со своего ложа

. dans le simple appareil
D'une beauté qu'on vient d'arracher au sommeil,

поворачивая одною рукою огромный ключъ, а другою прикрывая свои поблекшія прелести, опъ коихъ со всею скромностію отвращалъ я мои взоры, ворчала сквозь зубы: чершь ли ходишь въ эшу пору со двора!...Всѣ шеперь давно спашь.. развѣ только...“

Вошь я и на улицѣ. Не успѣвъ сдѣлать пятидесяти шаговъ, началъ уже я раскаяваться въ моемъ предпріятіи: но какимъ образомъ возвратишься? Я не чувствовалъ въ себѣ довольно силы прошивостояшь вшорично гнѣву приврашницы.

У меня не было никакого опредѣленнаго намѣренія; слѣдовательно для меня равно было идти пою, или другою дорогою; я пошелъ впередъ, не зная самъ куда. Дойдя до конца улицы de Provence

и не вспрѣшя ни одного человѣка, начиналъ уже я опасаться, что моя ночная прогулка не представитъ мнѣ никакого другаго предмета для наблюденій, кромѣ меня самаго, какъ вдругъ слышался мнѣ шумъ многихъ смѣшанныхъ голосовъ; я обратилъ шаги свои въ ту сторону. Это была ссора между кучерами фіакровъ. Одинъ изъ нихъ вздумалъ кормить своихъ лошадей на счесть лошадей своихъ товарищей. Пользуясь ихъ сномъ, или роздыхомъ въ шинкѣ, присвоивалъ онъ себѣ понѣскольку пригоршенъ корму отъ cadaго изъ нихъ, и такимъ образомъ составлялъ экономическій запасъ для своихъ лошадей, который однако сдѣлалъ на счесть своему хозяину. Сей хищникъ, пойманный на мѣстѣ преслѣжденія, не разквитался нѣсколькими ударами бича, полученными имъ отъ раздраженныхъ его сопотарищей; ему надлежало еще предстать предъ судъ сосѣдняго лабазника, котораго лавка не была еще заперта. Судя, сидя съ важностію на мѣстѣ овса, выслушалъ доносъ; оцѣнилъ убытокъ, исчислилъ основательно причитающіе-

ся на весь упраченный капиталъ проценты, и весьма справедливо опредѣлили вознагражденіе, на которое имѣли право просителі, выговоря впрочемъ и себѣ мѣрку водки за издержки судопроизводства. Прекрасный судъ! сказалъ я самъ себѣ, продолжая мою прогулку, если бы это дѣло о снѣ представлено было въ судебное мѣсто, сколько бы взовъ съѣли Судьи, Прокуроры и Спиряпчіе!

На поворотѣ улицы de l'Arbre Sec, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колодца встрѣшилъ я дозоръ, который будилъ человека, распянувшагося подъ ворошами одного дома шакъ спокойно, какъ будто бы онъ никогда не имѣлъ другаго жилища. Онъ якоказался весьма недовольнымъ, что такимъ образомъ осмѣлились нарушить его сонъ. Спросили о его имени.— „Меня зовутъ Ларифардьеръ (опивчалъ онъ съ гордоспїю, приподнявшись и сидя прямо) я арпистъ, и что еще болѣе Поэпъ; живу здѣсь потому, что предпочитаю Парижъ всѣмъ прочимъ городамъ, и потому, что нѣтъ закона, запрещающаго гражданину спать на улицѣ; слѣдовательно по силѣ 5 го параграфа допол-

нипельнаго Акпа. обезпечивающаго всякому Французу личную его свободу, имѣю право продолжашь мой сонъ. И онъ улегся снова. Я присоединился къ дозору, и сказалаь этому Арписсту-Поэту, что онъ уснетъ гораздо спокойнѣе на походной постелѣ въ кордегардіи.— „Что? Вы хошите употребить насиліе?“—воскликнулъ онъ пономъ Мирабо, гремящаго съ каедры.— „Протешую прошивъ самовольнаго ареста *и объявляю вамъ, что не пойду отсюда, если только не принудите меня къ тому вашими штыками.*“—Капраль, командовавшій дозоромъ, честный купецъ изъ мѣлочной лавки въ улицѣ Montorgueil, считая, что онъ находится въ случаѣ, предусмотрѣнномъ нашею Конституціею, касательнаго ошвѣтсшвенности публичныхъ чиновниковъ, не осмѣдился ничего взявъ на себя и оставилъ новаго Діогена храпѣшь по волѣ, на чистомъ воздухѣ.

Въ улицѣ de Rouliers, полспый челоуѣкъ остановился предъ домомъ въ семь, или восемь этажей, въ который не могъ войши. Я подошелъ къ нему и пошчасъ увидѣль, что онъ весьма хорошо

поужиналъ и что ему нужно было добраться поскорѣе до своей постели. Я узналъ ошъ него, что онъ приходскій органистъ и пришелъ домой съ именинъ ошъ приятелиа своего Изидора. Съ роду моего не видалъ я человекъ, который бы сердился такъ смѣшно, какъ эшопъ. Мысль—провести ночь подъ чиснымъ небомъ—ужасала его до безконечности. Онъ спучалъ въ ворота молоткомъ, ногами и руками изо всей силы; но шщещно: спухъ сей не могъ, дойши до приврашницы, живущей въ шестомъ эшажѣ, кошорую позабылъ онъ предувѣдомить о поздномъ своемъ возвращеніи. Эшопъ человекъ, въ величайшемъ опчаяніи, ходилъ взадъ и впередъ, вершѣлся и кричалъ изо всей мочи, перебирая всѣхъ жильцовъ поимянно. Наконецъ сіи поелдніе услышали его и выспавились въ окна; одни смѣялись, другіе бранились; вскорѣ вся улица встревожилась: ругапельшва пробужденныхъ супруговъ, крикъ Органиста, соединенный съ лаемъ собакъ цѣлаго кваршала, увеличивали шумъ и напослѣдокъ разбудили приврашницу, кошорая отперла ворота, посы-

лая въ адъ всѣхъ органистовъ въ свѣтѣ. Мало помалу все въ улицѣ de Rouliers пришло въ порядокъ, и я не слыхалъ болѣе ничего, кромѣ ропота полсшаго челоуѣка, котораго голосъ нечувствитель-но перялся въ высонѣ и наконецъ исчезъ около шестаго этажа.

Я находилса уже передъ Орапоріею, какъ старуха, вышедшая изъ ближняго переулка, попросила меня показатъ ей, гдѣ живешъ Апшекаръ. Мы были недалеко опъ апшеки Г. Кадеша. Я повель ее шуда и узналъ дорогою, что господинъ ея служилъ при генеральномъ опкушѣ; что онъ челоуѣкъ весьма досшашочной, но крайнѣ слабаго здоровья, и что по сей причинѣ двое его племянниковъ переѣхали къ нему жишъ. Апоплексическій ударъ угрожалъ въ сію минушу жизни старика, малѣйшее замедлѣніе въ употребленіи нужныхъ лекарствъ долженствовало причинитъ больному смерть, и она, она, обремененная лѣшами и немощами—она, едва могущая ходитъ, была послана забошливными племянниками, занимавшимися уже раздѣломъ наслѣдства умирающаго

дяди, для снисканія ему помощи. Я ввѣриль добрую старушку стараніямъ любимца Ескулапова и удалился съ искреннимъ желаніемъ, чшобъ они не были безуспѣшны.

На поворотѣ улицы Croix de Petits Champs увидѣль я человекъ, въ колпакѣ и халатѣ, разсмащривающаго при свѣпѣ луны нумера домовъ. Сей честный гражданинъ, котораго спранный фигурѣ ни въ какомъ другомъ городѣ не найдете подобной, искаль повивальную бабуку, въ коей молодая его супруга, какъ онъ сказалъ мнѣ, имѣла необходимую нужду. Видъ, съ какимъ объявилъ онъ мнѣ, что скоро будетъ ошцемъ, показываль небольшое шщеславіе и припомъ нѣчно, похожее на удивленіе. Я помогъ ему опыскивать и скоро нашли мы колокольчикъ бабушки, которая не заставила насъ дожиданься болѣе десяти минушь. Добрый мужъ не находиль словъ для изъявленія мнѣ своей благодарности и едва не позваль меня на креспины. Мы шли нѣсколько минушь вмѣстѣ и въ самое время, какъ онъ со всею поспѣшностію возвращался къ своей супругѣ,

ведя подъ руку Парижскую Луцину, спаруха, оставленная мною у Аптекаря, тащилась домой съ мальчикомъ, навьюченнымъ преспращною ношею лекарствъ. Они встрѣпили на одномъ и томъ же мѣстѣ двухъ нарочныхъ, отправленныхъ къ нимъ съ разными извѣстіями: одинъ поздравилъ мужа съ новорожденнымъ наследникомъ; а другой (племянникъ, пославшій спаруху къ Аптекарю) бѣжалъ самъ, что бы отвратишь ущербъ, могущій послѣдовать наследству отъ издержекъ, кошорья смерть его дяди дѣлала уже ненужными.

Я подошеть къ аркадамъ Пале-Рояля, гдѣ раздавался еще звукъ оркестра на балу иноспранцевъ, неумѣренный смѣхъ танцующихъ и проклятія игроковъ. Нѣкошорые изъ часовыхъ ходили ровными шагами по сѣмъ длиннымъ галлереймъ, считая четверти ударяемыхъ часами, между темъ, какъ другіе караульные, не споль почтеннаго званія, прогуливались шайнспивенно и замѣчали все, что видѣли и даже то, чего не видали, дабы распроспранить завпращній, свой рапорть. Вдругъ раздался ужасный крикъ.

Иду на шумъ и вижу двухъ молодыхъ людей, вступившихъ въ ручной бой за одну Елену, которая спокойно ожидала окончанія битвы, что бы слѣдовать за побѣдителемъ. Спража, пришедшая въ одно почти время со мною на поле сраженія, прекратила оное, схвативъ и уведя съ собою красавицу, бывшую причиною ссоры между двумя пылкими юношами.

Я вышелъ изъ Пале-Рояля и блуждалъ около получаса по ближнимъ улицамъ, не встрѣпивъ ни одного живаго существа. Когда приближился я къ площади Побѣдъ, часовой, стоящій у Банка, ввѣреннаго народной спражѣ, закричалъ мнѣ еще издали, какъ только услышалъ шорохъ шаговъ моихъ: *кто идетъ?* Ответъ: *другъ гражданинъ!* не былъ для него удовлетворителенъ и онъ приказалъ мнѣ идти въ караульню. Зная какое уваженіе и покорность должно имѣть къ караульнымъ, повиновался я безпрекословно и вошелъ въ кордегардію. Десять, или двѣнадцать Егерей второго Легіона были расположены группами вокругъ стола и оканчивали чашу

пунша. Начальникъ караула, спавшій на лавкѣ, вспаль, чшобъ сдѣлашь мнѣ допросъ. Онъ спросиль у меня, для чего шатаюсь я въ два часа ушра по улицамъ Парижа? — Я отвѣчалъ, чшо отработываю одну спашью журнала. Эша испина имѣла видъ дурной шупки, шакъ чшо начальникъ далъ было уже приказаніе опвеспи меня въ Префектуру Полиціи; къ счасію моему былъ я узнанъ моимъ поршнимъ, кошпорый шолько чшо смѣнилсѣ съ караула, и меня оппустили.

Продолжая свой пущь, искренно радовался я усердію и спрогоспи, употребляемой Національною Гвардію для обезпеченія безопасности гражданъ, какъ на углу улицы de Clergу два человекъ, весьма подозрительнаго вида, кошѣли было принудить меня поворошпть въ другую спорону. Я спросиль у нихъ, какое право имѣють они предписывашь мнѣ дорѳгу? Одинъ изъ нихъ показаль мнѣ ппшолѣшы. Не удовольшшовавшпсь споль худымъ доказательспвомъ, закричалъ я: *воры!* Въ поже самое мгновѣніе эши два бездѣльника дали знакъ шоварищамъ своимъ, занимавшимсѣ *обра-*

ботываниель (*à travailler*) лавки ювелира въ нѣкоторомъ опшуда разспояніи, и вся шайка обрапилась въ бѣгство. Орудія ихъ ремесла: ломъ, связка ключей и пошайной фонарь оспались на мѣстѣ пресшупленія; я почель долгомъ предувѣдомить хозяина объ опасости, коей онъ подвергался; въ одну минушу весь домъ былъ на ногахъ; послали и скашь Коммисара, но я не счель нужнымъ его дожидаться.

Направя путь по дорогѣ, копорую взяли воры, я встрѣпилъ въ началѣ улицы *Montmartre* собирашеля вѣшошекъ (*un chiffonnier*), копорый насвисывая пѣсню, съ фонаремъ въ рукѣ, копался въ ручьѣ, слѣдуя по его печенію. Я спросиль у него, не видаль ли онъ мошениковъ, копорымъ я помѣшалъ исполнить ихъ предпріятіе. — „Эшо не мое дѣло, отвѣчалъ онъ рѣшишельнымъ пономъ; я доспаю себѣ хлѣбъ своимъ ремесломъ, а другіе пусть доспають, какъ умѣють.“ — Твое ремесло, другъ мой, вѣрно не такъ-шо прибышочно? — „Миѣ уже, баринъ, шесшдесять лѣтъ, и вы видите, что можно жить и эшимъ ремесломъ.

Правда, что я сверхъ того нанимаюсь носильщикомъ; спросите обо мнѣ на углу предмѣстія Montmartre No 2077“— И ты никогда не занимался ничемъ другимъ? — „Нѣтъ, когда былъ помоложе, то носилъ ливрею; но соспарѣвшись, почувствовалъ достоинство человѣка и необходимость независимости.“— Ты сполько бѣденъ, что не можешь быть свободнымъ.— „Много ли вы знаете богатыхъ, свободнѣе меня? Съ шемъ и другимъ ремесломъ половина моего времени принадлежитъ мнѣ; доспавши чтонибудь днемъ, опдыхаю ночью; нашедши чтонибудь ночью, гуляю цѣлый день.— Но что ты можешь доспавать, копаясь въ канавкахъ? „Иногда больше, иногда меньше: одну или двѣ монеты, маленькую вещицу, кольцо, браслешку: всегда можно найти чтонибудь, надобно только искать...“

Разставаясь съ эшимъ уличнымъ Философомъ, который позабавилъ меня своими рассказами, наградилъ я его за время, пошерянное имъ въ разговорѣ со мною.

Уже звѣзды блѣднѣли и скрывались при появленіи зари; мѣлочные продавцы открывали свои лавки и пригошов-

ляли пише изъ черной смородины для упренныхъ работниковъ. Последнее приключеніе остановило меня еще на минушу на Ипаліанскомъ бульварѣ, на углу улицы ... (Здѣсь нужна скромность.) Я замѣнилъ молодого человѣка, который перелѣзалъ черезъ садовую стѣну; не могу сказать утвердительно, чшобъ это былъ воръ; во всякомъ случаѣ долженъ онъ имѣть какое нибудь знакомство въ домѣ, потому чшо я очень явственно видѣлъ прекрасную, маленькую ручку, которую пропьянули ему чрезъ стѣну и которую онъ поцѣловалъ весьма почтительно. Кабриолетъ ожидалъ его на углу улицы Neuve-le-Pelletier; по сонливому виду слуги, по неперѣливости лошади, заключилъ я, чшо ночь показалась имъ гораздо длиннѣе, нежели ихъ господину.

Я пришелъ домой на разсвѣтѣ и заставилъ дожидаться себя къ завтраку. Молчаніе и подозрительные взоры Госпожи Гильомъ увѣрили меня при первомъ взглядѣ, чшо ночное путешествіе мое ей извѣстно. Я не почелъ за нужное изясняться съ нею; но завтра постараюсь

прочестъ ей эту сшапью въ печати,
чшобъ успокоить ее касашельно моихъ
похожденій въ ночь съ 15 на 16 число
Маія 1815 года.

Ю — къ .

~~~~~  
 ~~~~~  
 Т Е А Т Р Ъ .
 ~~~~~

*Фингалъ , Трагедія въ трехъ
дѣйствіяхъ, соч. Озерова и Сужена-
го конемъ не оббвдешъ, или нѣтъ
худа безъ добра, Опера Водевиль
въ одномъ дѣйстви, взятая съ Фр.
представленныя на Маломъ Теа-
трѣ 7 Октября.*

Театральное представленіе не мо-
жешъ имѣшь на зришелей полного влія-
нія, если піеса надлежащимъ образомъ
не обспавлена. Не довольно игры одно-
го Актера, что бы обворожить меня,
что бы засшавить забыть, что я въ
театрѣ; для сего необходимо нужно,
что бы всѣ играли хорошо и что бы
костюмы, декорации и проч. сошвѣш-

символами временамъ и народамъ, изображеннымъ въ Трагедіи. Я говорю въ Трагедіи потому, что все это несравненно нужнѣе тамъ, гдѣ должно разстрогать, нежели въ Комедіи, гдѣ нужно только разсмѣшить; а одно другаго пруднѣе; хотя большая часть жизни нашей состоить изъ горестей; но несмотря на это гораздо легче возбудишь смѣхъ, нежели извлечь слезы.

Мы не имѣемъ почти ни одной Трагедіи, гдѣ бы всѣ играли сносно; одинъ, два человека прогаютъ, а другіе смѣшашь—и цѣлая пѣса нисколько не дѣйствуетъ на сердце зрителя. Это происходитъ не только отъ недостатка въ служителяхъ Мельпомены, сколько отъ того, что всѣ почти наши Г.Г. Актеры хотяишь непременно занимають *первыя* роли; а если имъ дадутъ вторую, то они играютъ безъ всякаго старанія, какъ будто бы для нихъ постыдно хорошо играть маловажную роль; мнѣ кажется, что напрошивъ самолюбіе ихъ должно состоять въ томъ, что бы изъ незначительнаго лица сдѣлать нѣчто замѣтельное: по крайней мѣрѣ

тогда бы увидѣли, что они не испор-
 шяпъ и лучшихъ ролей.

У насъ совершенно не заботятся
 объ исполненіи вѣселаго условія, какъ
 бы костюмы и проч. были вещи совер-
 шенно поспороннія и ненужныя; опъ
 чего весь эффектъ Трагедіи совершенно
 теряется. Напримѣръ, читая Фингала
 подумаешь, что пѣса сія на сценѣ долж-
 на бытъ весьма великолѣпна; но посмо-
 тришь ее у насъ на театрѣ — и пожа-
 лѣешь о сочинителѣ. Бѣдной Озеровъ!
 вѣрно нѣжное, пламенное сердце швое
 обливалось кровію при видѣ изуродован-
 наго швоего произведенія!—Трагедія сія
 шакъ дурно нынче у насъ обставлена,
 что она не шолько не прогашельна, но
 даже смѣшна: я бы радъ заплакать, слу-
 шая вопли Мойны; но взгляну на Барда,
 на Жреца — и невольно захохочу. Фин-
 галь одѣшь въ зашрапезную эпанчу, Кол-
 лу нарядили въ красный колпакъ, Мои-
 на сидишь въ первомъ явленіи на позо-
 лоченныхъ, обшитыхъ бархатомъ кре-
 слахъ, а на арфѣ Уллина навязаны шесшь
 нитокъ—при красныхъ, при синихъ, изъ
 которыхъ однѣ оборваны, другія слу-

спились! Мы ничего не знаемъ о костюмахъ древнихъ Скандинавовъ; а пошому можно одѣшь ихъ, какъ хочешь. Фингаль жилъ въ такое время, когда Каледоняне вели уже войну съ Царями Мира *) и слѣдственно могли доспавать ошь изнѣженныхъ Римлянъ и золото и драгоценныя шкани; но можно побиться объ закладъ, что въ домѣ Спарна не было позолоченныхъ кресель, пошому, что богатое плашье они могли получашь въ добычу; домашніе же приборы должны были дѣлашь сами; а изъ сочиненій Оссіановыхъ (главнѣйшаго источника, изъ коего мы можемъ почерпашь свѣденія о древнихъ жипеляхъ Брипаніи) не видно, что бы у нихъ были художники, занимавшіеся украшеніемъ жилищъ.

Спарнъ, который у Озерова часто говоритъ о своей спароспи—на шапрѣ молодой человекъ; Фингалу, кажешся, лѣшь осмнадцать, а Уллинъ, котораго Владыка Морвена прислалъ во званьи мирнаго и мудраго Посла—реб-

---

*) Такъ Оссіанъ называешъ Римскихъ Императоровъ.

нокъ. Гну Брянскому, по моему мнѣнію, должно бы дать сѣдой парикъ и сѣдую бороду; Гну Карапыгину тоже бороду (разумѣется не сѣдую) потому, что Фингаль, побѣдивъ Спарна и возвращаясь въ другой разъ въ его землю для того, что бы жениться на Моинѣ, не былъ уже такъ молодъ, какъ Г. Карапыгинъ, и вѣрно не брился. Г. Шемаевъ совершенно не годится для роли Уллина: ни фигура, ни голосъ его не соотвѣтствуютъ представляемому лицу; припомъ же онъ играетъ весьма неудачно: первые стихи проговорилъ очень скоро, пѣль не хорошо, а шарады свои читалъ несносно.

Г. Брянскій, или былъ въ эпопѣй разъ не здоровъ, или въ самомъ дѣлѣ *отдыхаетъ на лаврахъ, не весьма завидныхъ*, какъ сказала кто-то въ одной изъ книжекъ *Сынъ Отечества*, прошедшаго года; но скорѣе можно подумать, что онъ дѣйствительно не хотѣлъ играть потому, что я очень видѣлъ, какъ въ 3 мѣ дѣйствіи Спарна опворощился и вмѣсто того, что бы примѣчанъ за Фингаломъ, спокойно разговаривалъ съ быв-

шими за кулисами. Онъ даже коверкаль нѣкошорые слова, напрымѣрь: вмѣсто: *Ты въ областяхъ моихъ*, говорилъ: *Ты въ областяхъ моихъ*, и не только не превзошелъ, но даже и не исполниль моего ожиданія; а пошому надѣясь, что онъ можешъ сыграшь лучше, я не буду теперь разбирашь игры его въ подробностяхи, а поговорю только о Гжѣ Колосовой и Гнѣ Каратыгинѣ.

Гжа Колосова очень хорошо поняла прекрасную роль свою: она была нѣжная дочь и сшрасшная любовница; чувствива шой и другой выражала какъ должно. Замѣшимъ нѣсколько стиховъ.

Желаю я, Улинь, что бы мнѣ цѣлый
свѣшь
Въщаль, гласиль, швердиль объ имени
Фингада.

Фигуру напряженія во шпоромъ стихъ, она прочла какъ нельзя лучше: при каждомъ словѣ возвышала голосъ и усиливала выраженіе; любовь была у ней во взорахъ, любовь въ голосъ, любовь въ шѣлодвиженіяхъ!

Мгновенно сердца мнѣ прервалися биеніи;
Какъ венря дикаго его спрашिलाсь зрѣшь;

Опчаянна, блѣдна, желала умереть ....
 Но очи юношу прекраснаго узрѣли;
 Хошѣла укоряшь.... усща мои нѣмѣли.

Всѣ сіи спихи, а особенно послѣд-
 ній, она произнесла прекрасно.

Изъясненіе Моины съ Фингаломъ,
 Гжа Колосова прочла не еспешивенно и
 даже, какъ говоряшь у насъ, *выгурно*
 (manière) напимѣрь въ спихахъ:

Тамъ каждый валъ въ дали, мнѣ пѣною
своею

Казался парусомъ, надеждою моею;
 Но шяжко опускашь къ глубокому песку,
 По сердцу разливалъ мнѣ мрачную шоску.

она слишкомъ спаралась выразишь па-
 деніе вала; а подражаешь звуками дѣй-
 ствіямъ природы, ешь, по моему мнѣ-
 нію, и въ музыкѣ и въ декламаціи—шар-
 лашанство.

Съ какимъ нѣжнымъ упрекомъ ска-
 зала она:

Ты жизнью хошѣлъ пожертвовашь Моинѣ,
 И самолюбіемъ не жертвуешь мнѣ нынѣ!

При спихѣ: *Моя рука въ сей день награ-
 дой снизхожденью*, она попушила глаза
 понизила шонь и произнесла его почпи
 дрожащимъ голосомъ, съ прелестною
 скромношю. —

Фингаль опвѣчаетъ: *Меня ли привести ты хочеть къ униженью?* Мойна обижаешся, сердится, упрекаетъ Фингала—но она его любитъ; повелѣваетъ ему удалиться—но хотѣла бы удержатъ его. Все это Гжа Колосова выразила прекрасно.

Весьма хорошо сыграла она и эту сцену, въ которой Уллинъ уведомляетъ ее о преступныхъ намѣреніяхъ Спарна. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что она дурно выговариваетъ всѣ слова, кончащіяся на *е*; на примѣръ, вмѣсто *мрагное*, она говоритъ почти *мрагна*; это не проспишительно и въ обыкновенномъ разговорѣ, не только въ декламаци.

Вообще можно сказать, что Гжа Колосова была бы прекрасною Актрисою, если бы оставила свою просяжную дикцію. Я не могу вообразить причинъ, которыя бы оправдывали такое произношеніе. Въ Трагедіи, въ Комедіи, во всякомъ театральномъ представленіи я хочу видѣть природу; но мы не найдемъ ни одного человѣка, который бы говорилъ такимъ образомъ, какъ говоритъ она въ Трагедіяхъ. Опера не пролетитъ

меня никогда потому, что я не могу представить себя людей, поющих ошь горесни; равнымъ образомъ и въ Трагедіи: если я слышу, что Актеръ разпягиваетъ, или размѣриваетъ слова, то я увѣренъ, что онъ не чувствуетъ; а когда Актеръ не пронуть, тогда и сердце зрищеля — молчитъ. Доказательствомъ сего можетъ служить и то, что сама Колосова забываетъ принужденную свою дикцію, какъ скоро начнетъ увлекаться жаромъ игры. Впрочемъ я не думаю, что бы должно было читать точно такъ, какъ иногда читаетъ Г. Карапыгинъ. Слишкомъ желая быть натуральнымъ, онъ также дѣлается принужденнымъ: каждое слово произноситъ отдѣльно, безъ связи съ другими, и всѣ стихи читаетъ равномерно; но подобно Гжѣ Колосовой онъ забываетъ свою дикцію, какъ скоро даетъ волю чувствамъ пламенной души своей. Самая правильная декламация есть, по моему мнѣнію, декламация Г. Брянскаго: онъ не поетъ, не размѣряетъ словъ, но говоритъ скоро, или тихо, смотря по спрашиваемъ, его волнующимъ.

Г. Карашыгинъ споль хорошо игралъ Фингала, что я не замѣнилъ ни одного стиха, которой бы онъ прочелъ не шакъ, какъ должно; не замѣнилъ даже ни одного, которой бы онъ прочелъ лучше другихъ потому, что онъ вездѣ былъ превосходенъ. Въ немъ видны были: кипящее мужество Фингала, его благородная гордость, его пламенная любовь. Онъ врѣзалъ въ сердца наши черпы, которыми Озеровъ изобразилъ сѣвернаго Ахилла; онъ понялъ, онъ одушевилъ всѣ его мысли; постигъ малѣйшія ихъ опѣнки и выразивъ ихъ совершенно—всѣ чувства свои перелилъ въ душу восхищеннаго зрителя!

Что бы дать поняшіе объ игрѣ его, возьмемъ въ примѣръ нѣсколько стиховъ.

Но вошь она   Какихъ желѣсъхъ кляшехъ
и словъ?

Ахъ! взгляды ея, луны полночныя свѣшлѣе,
Для сердца въ вѣрности всѣхъ бляшвѣ
моихъ сильнѣе.

Эти слова, равно какъ и всю шираду, въ которой Фингаль изъясняетъ Моинѣ любовь свою, онъ произнесъ съ неизъяснимою нѣжноспію.

Если бы Первосвященникъ имѣлъ нѣсколько благородной гордости, то бы Фингаль подавилъ его своимъ презрѣніемъ: съ какимъ взглядомъ, съ какимъ выраженіемъ Г. Карапыгина сказалъ:

Оставь всѣ хитроспи, жрецовъ обычны
свойства.

и особенно:

Но чуждо для жрецовъ высокое поль
чувство,
Раздоръ возпламеняшь ихъ главное ис-
кусство!

Въ брани Спарна съ Фингаломъ, во храмѣ онъ, былъ гордъ — какъ величественный сынъ лѣсовъ Сѣвера, грозень — какъ бурные вихри опечесства Фингалова: глаза его сверкали, голосъ ошь яроспи дрожаль .... можешь бышь, многіе не довѣряшь похвадамъ моимъ; но ~~куешь~~ посмотришь эту Трагедію и погда вѣрно со мною согласяшся.

Но — кто безъ недоспашковъ? Восхищаясь чувствами Г. Карапыгина, я не могу похвалишь его жестовъ и особенно не нравишся мнѣ, когда онъ складываешь руки креспомъ на грудь: эшопъ жестъ совершенно неприличень и прищомъ поршишь фигуру. —

Перейдемъ къ Водевилю. Вошь его содержаніе. Эрнстъ, молодой Гусарской Офицеръ, ѣдетъ въ Парижъ; у него ломается коляска и онъ принужденъ остано- новившись въ ближнемъ замкѣ. Входишь и невидишь никого; посылаешь гусара развѣдывать мѣсто, а самъ восхищаешь- ся будущимъ своимъ жипьемъ, будущи- ми побѣдами; наконецъ засыпаешь. Яв- ляется управительница, будишь его, бранишься съ нимъ и хочешь его выгнать; мужъ поспѣваетъ къ ней на помощь; сначала мирись ихъ, потомъ также сердись и объявляешь Эрнсту войну. Сей послѣдній узнаешь отъ Розы, доче- ри садовника, что хозяинъ замка въ оп- усущеніи, что сестра его и дочь скоро будутъ и ожидають жениха. Управи- тель Гримардо входишь, предводитель- ствуя войскомъ, состоящимъ изъ нова- ра, ключника и кучера. Эрнстъ и гусаръ его Брантъ двумя холостыми выстрѣ- лами побѣждаютъ прусливыхъ своихъ неприятелей, и по праву войны, посы- лають Г. Гримардо на чердакъ, а жену его на голубяшню. Лора, дочь хозяина, и Гжа Валькуръ, сестра его приѣзжаютъ

и принимающъ Офицера за жениха, котораго ожидали; Эрнстъ влюбляется и уходитъ за ними въ ихъ комнату. Между темъ являея и самъ владѣтель замка; входитъ и видитъ гусара, которой завладѣвъ погребомъ, напился пьянъ и сидитъ въ креслахъ; спрашиваетъ его: кто онъ такой? чего ему надобно?—Шампанскаго! самого лучшаго Шампанскаго! V C. P со звѣздочкой! — ошѣщаетъ Бранца. Въ хозяйствѣ дома Эрнстъ узнаетъ прежняго своего начальника и благодѣтеля Барона Дорсана. Водевиль — какъ и всѣ Водевильи — кончился свадьбою и куплевами, изъ которыхъ я запомнилъ одинъ послѣдній. Роза (Гжа Дюрова) подходитъ къ аван-сценѣ и поетъ:

Я въ очередь свою куплевымъ
 Хочу здѣсь зрителей просить,
 Чтобы предъ моднымъ вашимъ свѣтомъ
 За Водевильи съ не бранить.
 Пѣса наша—всякой знаешь—
 Есть вздоръ веселаго пера;
 Но эщось вздоръ васъ забавляетъ—
 И такъ нѣтъ худа безъ добра.

Содержаніе Водевилья забавно; шутки въ немъ острья, ариіи прекрасныя; музыка

Гна Маурера превосходна. Г. Величкинъ, Гжа Ежова и Г. Рамазановъ, предспавлявшіе Гримардо, жену его и Бранша, играли, какъ всегда—неподражаемо. Гжа Дюрова, прелестью игры и лица изпоргла безпрерывные — и можно сказать — всегда заслуженные рукоплесканія Публики. Жаль, что для роли Эрнста у насъ нѣтъ другаго Актера, кромѣ Г. Шемаева: у него несчастная фигура и слабый голосъ; припомъ же, какъ замѣтилъ я выше, поешъ онъ не хорошо. Роли Г. Борцакаго (Дорсана), Гжи Ольгиной (Валькуръ, сестры Барона) и Гжи Монруа (Лоры) такъ маловажны, что о нихъ нечего говорить. Вообще можно сказать, что эпошъ Водевиль пріятели всѣхъ прочихъ на нашемъ театрѣ: прекрасный самъ по себѣ, онъ сверхъ того прекрасно разыгранъ.

Любитель Театра.

Съ большимъ удовольствіемъ любители опечественной сцены видѣли 11 ч. Ноября вторый дебютъ молодой воспитанницы Театральнаго Училища Гжи *Азаревитовой* м. Она предспавляла роль

Лизы въ Комедіи: *Шалости влюбленнаго*.
 Милая, выразипельная наружность, острота и ловкость; свойственныя характеру проворной служанки; правильное произношеніе стиховъ и приятный органъ ручающся намъ, что приобретаемъ въ ней и очень скоро хорошую Актрису. Не знаемъ, кого мы должны благодарить за начальное основаніе ея декламаций, за вѣрную дикцію дебютантки... Опнесемъ также къ достоинствамъ Гжи *Азаревитовой* и то, что она никакъ не занята собою, не дожидается, однихъ послѣднихъ репликовъ дѣйствующихъ лицъ и не бываетъ ни на минушу въ отсутствіи оны сцены, что нерѣдко случается съ нѣкоторыми Актрисами, но принимаетъ участіе въ другихъ роляхъ своею искусною паншоминною игрою, не полагаясь на рукоплесканія, которыя по справедливости всегда заслуживаетъ. Мы можемъ смѣло сказать, что ничего не упущено, чтобъ сія молодая Актриса занимала въ нашей Комедіи прудный характеръ служанки; пожелаемъ съ шемъ вмѣстѣ, чтобъ два ея дебюта не были послѣдними.

 С М Ъ С Ъ .

Ваганьковское Кладбище .

(Отрывокъ изъ письма.)

„Зачемъ я здѣсь? Какъ зашелъ сюда?“ спросилъ я самого себя, очутившись за городомъ, на кладбищѣ.— Душа невольно содрагается.... Воспоминаніе о потерѣ любимыхъ сердцу изпоргаетъ слезы умиленія.... Ахъ! я искалъ разсѣянія, которое шакъ нужно въ леперешнемъ моемъ соспояніи — а меня занесло въ мѣсто скорби и опчаянія!

Мой другъ! ты скажешь съ опшмиспами: *все къ лучшему!*... Совершенно угадалъ. Чудная судьба моя привела меня къ могиламъ—и фізіономія нѣкоторыхъ памяшниковъ, изобрѣшенія и работы натуральнаго ума брадапыхъ камносѣщевъ, удивительно повеселила меня. Эпа фигура Смерти съ росписными, терными бровали и распущенными волосали *)—имѣемъ что-то забавное...

---

*) Такихъ памяшниковъ много .

Это дерновое возвышеніе, покрывающее родипельскій прахъ, надъ копорымъ скорбныя сироты распиваютъ чашу горести, растворенную *зеленымъ виномъ*—взываетъ къ жизни и веселію. — Я видѣлъ, какъ у нѣкоторыхъ посѣщителей Бахусъ сгонялъ съ измятаго лица морщины, преждевременно наведенныя на нихъ страхомъ могильныхъ приключеній, и оставлялъ небольшія только впадинки (*милѣе, ямокки*) на щекахъ для приюта рѣзвыхъ смѣховъ. Но всего интереснѣе—надробныя надписи. Ахъ! зачѣмъ тебя здѣсь нѣтъ, мой любезной? Я раздѣлилъ бы съ тобою удовольствіе посмѣяться на могилахъ, шакъ какъ ты возилъ меня въ театръ плакать въ Комедіяхъ N. N. Посылаю къ тебѣ образчики нѣкоторыхъ надгробій, списанныхъ мною *слово въ слово*:

Вошь вѣрный супругъ .... неуспѣшно рыдающій надъ прахомъ милой супруги, упрасиваешь шѣнь ея—успокойсь въ могилѣ, а самъ грозился жить до *страшнаго суда*; онъ поржесшвенно взываетъ:

„Покойся, мила шѣнь, до спрашнаго суда,
Тогда .... Ахъ! и за мной погда придетъ
чреда.“

Здѣсь нѣжнѣйшій родитель .... оплакиваетъ судьбу пшеницъ своихъ, въ цвѣшѣ лѣшѣ оставившихъ мѣръ сей. Огорченный безвременною разлукою, онъ плачетъ и скорбитъ; зачемъ дѣши *такъ рано* умерли? Зачемъ *такъ скоро* .... Но прочши списки:

„Взглянули вы на свѣшъ, улыбкою поль-
спили ...

Зачемъ шакъ рано вы, о дѣши милы,
Въ безвѣшную сщрапу ошсюда удали-
лись,

Ошъ *бѣдствій* жизни сей шакъ спѣшно
уфлонились.“

Зачемъ-де (прошолковалъ мнѣ вшарожилъ кладбищенской) лишили вы меня удовольствія видѣшъ васъ, о дѣши милы, напрымѣръ въ бѣдности, въ болѣзни, въ несчастіи . Ахъ! зачемъ *отъ бѣдствій* жизни *такъ спѣшно* удалились? —Признаюсь, эшо *ужасно* прогашельная сцена!

Далѣе, памятникъ женѣ ... Лекаря..
воздвигнушый нѣжнымъ супругомъ ея:

„Се. жертва мужняя!...“

Довольно!—Остальная часть надгробия какъ ни хороша, но лучше этого начала придумать ничего не можно. Какое счастливое выражение скорби *врага и мужа!* Вопль истинно сердечное излияние чувствований!

А эшошь камень, обвалившійся въ яму, чьи останки сокрываетъ? На передней части высѣчены слова:

„Здѣсь покоится шѣло Раба Божія Андрея, служителя * * * житія его было 78 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.“

На правой споронѣ, слова опъ имени господина:

„Сей памятникъ въ знакъ благодарности господина къ вѣрному слугѣ“

На лѣвой споронѣ, слова опъ имени усопшаго:

„*Нынѣ* оппущаеши, владыко, раба швоего.“

Вѣроятно, эшо сдѣлалось безъ намѣренія; но выраженія благодарности барина — высказка лѣтъ усопшаго и его воззваніе...право, мнѣ кажется, что одна спорона памятника смѣшоя другой.

Я радъ бы выписатьъ еще болѣе для тебя, но оспавляю до другаго раза.

13 Ноября.

.... вѣ.

Шарады .

1.

Мое *начальное* во лбу;
Вторымъ зовемъ судьбу;
 А *цѣлое* мое въ спранѣ богашой, Русской
 Намъ служить сышною закуской.

2.

Начало въ Греческомъ найдете алфавитѣ;
Второе нужно для псарей;
 А *цѣлое* мое со щами вы ѣдите.
 По опытамъ моимъ, его въ столицѣ сей,
 Иль лучше въ сѣверной Пальмирѣ,
 Гошоващъ хорошио въ купеческомъ шракширѣ.

Петръ Сукни.

3.

Мой *первый* слогъ естъ крикъ извѣсп-
 ныхъ пшиць;
Вторый—спариннаго Царя названье;
 А *все*...Писатели! скорѣй, скорѣй признанье!
 И съ Драммami въ рукахъ предъ нимъ па-
 дите ниць.

С. л. з. р. вб.

Анаграммы.

1.

Я городомъ въ Италіи зовусь;
 Но въ рыбу обращаюсь,
 Когда перевернусь.

А...а Ч...а.

2.

Таскаясь по полямъ, я землю разрываю
 И ниву дикую къ посѣву удобряю;
 Перемѣшай слова и выйдешъ венегрешъ,
 Иль сочинишелю приличный эпипешъ.

6 Ноября, 1821. К. Д.   Борисъ Дагаевъ.

~~~~~

Изъ помѣщенныхъ въ XVII и XVIII N°
 Шарадъ первая значить: *раз-боръ*, вторая
ероб-Ница, третья *лей-ка* и четвертая *Кит-*
ай.

~

~

ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ XIX и XX № БЛАГОНАМЪРЕННАГО.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

По опредѣленію Россійской Академіи напечатаны: 1) *Рѣчь о образованіи и существѣ языковъ Г. Гулянова* (1821. въ 8. стр. 27. Въ Академической типографіи), и 2) *Отрывокъ изъ IX пѣсни Илиады, переведенный съ Греческаго языка на Россійскій Н. Гнѣдичемъ и читанный въ торжественное годовое собраніе ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи 5 го Февраля 1821 года, (Тамже стр. 20).* Масперское перо почтеннаго Поэта нашего Н. И. Гнѣдича видно и въ семь оприваѣ, какъ и въ прежнихъ.

*

Новая книжка: *Взятіе Масседы, или копѣцъ войны Іудейской* (М. Въ шип. С. Селивановскаго. 1821. въ 8. стр. 32. Съ эпиграфомъ „*Не Атдетовы силы, но любовь къ Опечесшву дѣлающъ воиновъ непобѣдимыми.*“ *Каралзинъ.*) написана довольно чистымъ, но нѣсколько напыщеннымъ слогомъ.

*

Сочиненіе *А. А. Бестужева: Побѣдка въ Ревель* (С. П. б. 1821. Въ шип. А. Плюшара, въ 8, 150 стр.) извѣстно уже Публикъ по

*

отрѣвкамъ, напечатаннымъ изъ него въ разныхъ Журналахъ. Надобно опддать справедливосшь Авшору въ помъ, что онъ имѣеть особенную способносшь наблюдать и приятно, умно и остро разсказывать замѣченное имъ. Жаль только, что иногда встрѣчающся выраженія слишкомъ выисканные, мешафоры слишкомъ смѣлыя; но мы думаемъ, что они вкрались въ прекрасный разсказъ Г. Беспужева только ошь влїянїя нынѣ царствующей моды, и что онъ увидя самъ неумѣснносшь и неприличїе такихъ оборотовъ, будешь впередъ ошь нихъ остерегашься.

Г. П. Афанасьевъ, издавшїй *Хронологическое обозрѣнїе Россїйской Исторїи* (М. въ шип. Ав. Семена. 1821. въ гв. 146 стр.) имѣль хорошую цѣль, но не совсемъ доспигъ оной. По нашему мнѣнїю, такїе обозрѣнїя лучше всего дѣлашь въ таблицахъ, чпобъ однимъ взглядомъ обняшь все, а не рысься въ книжкѣ, пока найдешь чего хочешь. Припомъ же нѣкоторыя замѣчанїя его слишкомъ крапки. Кшо напримѣръ; прочишавъ подъ 1807 годомъ имена: *Бенигсенъ*, *Херасковъ*, догадается что хошѣль Авшоръ сказать о сихъ особахъ и почему именно посшавиль онъ ихъ подъ симъ, а не подъ другимъ какимъ нибудъ годомъ?— При семъ случаѣ съ удовольсшвїемъ и благодарносшию вспоминаемъ о *Хронологическихъ*

Русскихъ таблицъ бывшаго Профессора Казанскаго Университета *И. О. Яковкина*, таблицахъ, и по нынѣ съ большею пользою употребляемыхъ.

*

Къ систематической росписи книгамъ Библиотеки Плавильщикова вышло *Прибавленіе*, содержащее въ себѣ реэспрѣ книгъ, изданныхъ въ 1820 году, а съ шемъ вмѣстѣ *Указатель Россійскихъ и Иностранныхъ писателей, коихъ сочиненія и переводы на Россійскій языкъ въ свѣтъ изданныя показаны въ сей росписи, съ означеніемъ номера каждой книги.* Полезное предпріятіе, дѣлающее особенную честь Г. Плавильщику и заслуживающее одобреніе всѣхъ благомыслящихъ людей, шемъ болѣе, что его роспись есть первый опытъ систематической классификаціи Россійскихъ книгъ.

*

Г. Кокоскинъ написалъ небольшіе стихи на празднество открытія и иллюминацію новаго сада у Кремлевской стѣны, въ день *Гезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА*, въ Москвѣ, 30 Августа 1821 года. (Въ шил. П. Кузнецова.)

*

Для экономовъ конечно не неприятно будетъ узнать о новой книгѣ: *Описаніе и изображеніе новаго рода ригъ, болѣе соответствующу-*

щихъ цѣли своей, нежели обыкновенныя. Изобрѣтеннаго Профессоромъ Шлецеромъ, гленомъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго и Восточно-Прусскаго Обществъ Сельскаго Хозяйства. (М. Въ шип. Рѣшешникова. 1821. Въ 12. стр. 75. Съ чершежемъ.)

*

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ любознательную по нынѣшнимъ обшюйпельсшвамъ книжку: *Взглядъ на Константинополь, Оракійскій Босфоръ и Дарданеллы, въ топографическомъ, политическомъ и военномъ отношеніи. Съ Французскаго. (С. П. б. 1821. въ шип. Шнора, въ 8. стр. 44.)* Переводъ очень хорошъ.

*

По Высочайшему повелѣнію напечатано *Описаніе новоизобрѣтенной машины, служащей для стриженія сукна и другихъ шерстяныхъ издѣлій. Съ Нѣм. С. Колядинъ. Съ присоединеніемъ тертежей (С. П. б. Въ шип. Шнора. 1821. въ 8. стр. 24).* Изобрѣшатель сей машины, Стефанъ Призъ пдлучилъ на нее въ 1815 году привилегію. Она сшрижешъ сукно безъ останошки по длинѣ опъ одного конца до другаго.

*

Въ типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Восшишательнаго Дома оппечатана книжка: *О составѣхъ увеселительныхъ огней. (стр. II и 129).* Присшрасшіе къ фейерверкамъ, кажеш-

ся, годъ ошъ году увеличивается; а попому пояеденіе этой книжки вѣроятно будетъ пріяшно многимъ.

*

Наконецъ мы имѣемъ удовольствіе извѣстнѣе почтенную Публику и объ Италіянской книгѣ, напечатанной въ нашемъ опечествѣ: *Raccolta di poche rime fatte nel Nord da N. M. pe di pistoja nel 1819, 1820 e 1821. (S. Pietroburgo, nella Stamperia di A. Pluchart. 1821. in 8. p. 34.)* Это собраніе стихотвореній, о достоинствѣ которыхъ мы судить не можемъ.

*

Издаются Карманныя таблицы путешественниковъ или подробный сухопутный дорожникъ Россійской Имперіи, показывающій, кромѣ станцій, всѣ вообще города, укрѣпленія, монастыри, мѣстечки, слободы, пристани, таможи, важнѣйшія селенія и деревни, вдоль поттовыхъ, большихъ и проселотныхъ дорогъ лежащія, разстояніе каждаго изъ сихъ мѣстъ отъ другаго, сообщенія между дорогами, а равно мѣрно большія и малыя рѣки, ихъ пресѣкающія. Отд. I. N^o I. вышель и содержишь таблицу главной поттовой дороги изъ С. П. б. въ Москву. (С. П. б. 1821. Въ шип. Особ. Канц. Мин. внутр. д. въ 8. спр. 7.)

*

Для дѣшей издана книжка: *Путь къ блаженравію, или нравоучительные прилѣбы въ пользу и удовольствіе дѣтей*. Петролѣ Бланшардолѣ. Предложенныя въ новѣйшихъ повѣстяхъ на Россійсколѣ и Французсколѣ языкахъ Н. В. (М. Въ тип. А. Семена. Въ 12. стр. 311. съ карш., изъ которыхъ нѣкоторыя весьма не дурно выгравированы.) Заглавіе довольно нескладно; на переводъ такъ же не совѣшаемъ много полагашься. Г. Н. В. напримѣръ переводилъ (стр. 186—187): *l'animal passe par un trou de la haie*—звѣрокъ перескакиваетъ *черезъ стогъ сѣна* *). Подобныхъ неисправностей мы много замѣшили.

*

О вышедшей недавно 2 части *Прогулки за границу*. (С. П. б. 1821. Въ шип. Дец. Нар. Просв. въ 8. стр. 446) скажемъ поже, что и о первой. Въ доказательство же приведемъ наудачу нѣсколько періодовъ. (Стр. 400—401.)
 Однако нахмуренная атмосфера иногда казала веселую улыбку. Девятое Ноября вся опушка Елисейскихъ полей еще зеленѣла, тогда какъ въ Тюльери большая часть деревьевъ стояла обнаженною. Женскій полъ, осматривая въ немъ осиротѣлую роцу, засѣдалъ въ

*) Г. Переводчикъ вѣроятно принялъ Французское *haie* за Нѣмецкое *Heu*.

хорошіе дни уже на терассѣ аиx Feuillans.— Показывался снѣгъ на крышахъ, на фіакрахъ, подавалъ слабое о себѣ понятіе, и къ вечеру, или черезъ сущки исчезалъ. Морозы не превышали 4 градусовъ.—Грязь, дожди, сырые вѣтры ознаменовавъ Декабрь, продолжались недѣли двѣ, и послѣдовалъ весенній перерывъ. Солнце сіяло при шепломъ дуновеніи, поблекшія часпички коврисшыхъ лужковъ въ садахъ опдохнули, показались вновь посаженные цвѣты, и вспорхнули спаи шляпокъ, перьевъ. Какое преимущество здѣшнихъ обитателей!“ и проч.

*

Новѣйшій Самоучитель Французскаго языка и пр. и пр. и пр., напечатанъ шестымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ (С. П. б. 1821. Въ шип. Деп. Внѣш. шор. въ 8. III. и 296 стр.). Какъ не пожалѣшь о томъ, когда опытемъ дознано, что эпи самоучители не выучивающъ, а разучивающъ!

*

Безцѣнный подарокъ дѣтямъ или новѣйшая Россійская Азбука, содержащая въ себѣ всѣ нужныя и полезныя познанія для дѣтей, (Изданіе второе. М. Въ шип. С. Селивановскаго. 1821. въ 8. стр. 107. съ весьма плохими картинками.) есть книга самая обыкновенная и такая, какихъ у насъ сошни. Въ ней найдешь много того, чего бы никому и въ голову не

пришло искать въ *Азбуку*; за то съ другой стороны недоспаешь много существеннаго и необходимаго. Стыдно сказать, а должно признаться, что мы еще весьма нуждаемся въ хорошихъ *Азбукахъ*.

*

Собрание Нѣмецкихъ вокабулъ и разговоровъ издано подъ названіемъ: *Первоначальная учебная книга Нѣмецкаго языка, содержащая въ себѣ правила тѣня и произношенія, съ собраніемъ нужнѣйшихъ словъ и реченій. Полнѣйшій Словарь и Грамматика составленная В. Кряжевымъ* (М. 1821. въ Унив. шип. въ 8. стр. 224.). Помѣщенные въ ней Нѣмецкіе слова съ переводомъ (въ которомъ хотя изрѣдка, а встрѣчающся невѣрности) находящіяся во всѣхъ, а не въ однихъ лучшихъ словаряхъ. Что же касается до Грамматикъ, то мы даже и изъ худшихъ не нашли ни одного правила. Даже и названія ихъ нигдѣ, кромѣ заглавнаго листа, не встрѣчается. Г. Кряжевъ издалъ подъ такимъ же точно названіемъ и вокабулы Англинскаго языка *).

*

Новые Календари: 1) *Mitauischer Kalender auf das Jahr nach Christi Geburt 1822. Berechnet für den Horizont von Mitau in Kurland*

*) М. Въ шип. А. Семена. 1821 въ 8. стр. 315.

wie in den angränzenden Provinzen mit Nutzen zu gebrauchen. (Mitau. 1821. Bei Steffenhagen und Sohn. in 4. $5\frac{1}{2}$ Bogen.) и 2) *Энциклопедическій и экономическій Календарь и полный христіанскій мѣсяцословъ, собранный и сочиненный А. И.* (Иждивеніемъ А. Кузнецова. Харьковъ. Въ Унив. шип. 1821. въ больш. 8. стр. 315).

*

Въ Дерптѣ напечатано: *Описаніе Святогорскаго Успенскаго Монастыря.* (1821. въ 8. стр. 8.)

*

Изъ духовныхъ сочиненій вновь вышли:

1) *Поучительныя слова, говоренныя Вологодской Семинаріи Ректоромъ, Вологодскаго же Второкласнаго Спасоприлуцкаго монастыря Архимандритомъ Гавріиломъ.* (С. П. б. 1821. При Акад. Наукъ. въ 8. стр. 71.)

2) *Пребываніе Божіе въ теловѣкъ Христіанинъ.* (С. П. б. 1821. въ шип. Іоаннесова въ 8. стр. 34.)

3) Сочиненія Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго: а) *Полезное наставленіе о страстѣ Божіи;* б) *о любви къ ближнему;* в) *Упованіе о надеждѣ;* г) *Весѣды о молитвѣ;* д) *Размысленіе о презрѣннѣи и отрицаннѣи міра;* е) *Разсужденіе о смиреннѣи;* ж) *Познаніе о любви Божіей;* з) *О отпущеннѣи совершеннѣи ближнему;* і) *Чувствова-*

ніе о благодареніи Богу; и) О любви ко врагамъ.

4) Надеробная рѣчь Блаженному Константинопольскому Патріарху Григорію. Произнесенная при отпѣваніи тѣла его въ Одесской соборной Греко-Россійской Преображенской церкви Священникомъ Константиномъ Економосомъ. На новогреческомъ языкѣ. Перевелъ Константинъ Артиновъ. (М. Въ шип. Ав. Семена. 1821. въ 12. стр. 96. съ Греческаго подлинника.)

5) Мысли при чтеніи Посланія Святаго Апостола Павла къ Ефесеемъ, изложенныя въ Харьковскомъ Духовномъ Коллегіумъ по воскреснымъ днямъ въ публичномъ собраніи учащихъ и разнаго званія слушателей Ректоромъ Коллегіума и Богословскихъ наукъ Профессоромъ Протоіереемъ и кавалеромъ Андреемъ Прокоповичемъ. (С. П. б. въ шип. Ю. Іоаннесова. 1821. въ 8. Ч. I. 265 стр.)

6) Таблица, въ которой всѣмъ истиннымъ Христіанамъ безъ всякаго разлитія состояній, напоминается о должностяхъ ихъ. (С. П. б. въ шип. Іоаннесова. 1821.)

7) Истинное теловѣкъ зеркало, въ коемъ ясно видѣть можно свойство теловѣка, уже тѣмъ да разумѣетъ. Матѣ. XXIV. 15. Лук. XVIII. 9—14. Съ Нѣм. (С. П. б. въ шип. Плавильщикова. 1821.)

8) Преложеніе стихиръ, воспѣваемыхъ Православною церковію въ честь Божіей мате-

ри. Кн. С. Щихматова. (С. П. б. Въ шип. Рос. Ак. въ 8. 17 стр.).

9) Христiанская рутная книжка, или краткое руководство, какъ долженъ Христiанинъ весь день съ Богомъ своимъ ходить. Пер. съ Нѣм. (С. П. б. 1821. въ шип. Деп. Нар. Пр. въ 12. стр. 84.)

10) Священная Исторiя Ветхаго и Новаго Заветъ, съ выбранными изъ святыхъ отцевъ истолкованiями, къ исправленiю нравовъ каждаго Христiанина полезнѣйшими. Съ Грег. С. Писаревъ. (С. П. б. 1821. въ шип. И. Глазунова. въ 8. стр. XIII и 364.)

*

Издаваемый въ Пешербургѣ Новѣйшей Статистики Европейскихъ Государствъ появилась вшорая часть, содержащая Россiйское Государство, описанное въ нынѣшнемъ его состоянiи, съ присовокупленiемъ Статистическаго описанiя Китая и Союзныхъ Американскихъ областей. С. П. б. въ шип. Карла Крайя. 1821. въ 8 ку 161 стр. Въ Москвѣ напечатанъ Опытъ натертанiя Статистики главнѣйшихъ государствъ по нынѣшнему ихъ состоянiю. Съ эпиграфомъ: Ad consilium de republica dandum caput est nosse rempublicam. Cic. Часть первая, содержащая Статистику Россiйской и Австрiйской Имперiй, Французскаго, Великобританскаго и Прусскаго Государствъ. М. въ Унив. шип. 1821. въ бол. 8 ку, 465 стр. Пред-

мешъ Спашисшики споль важень для каждаго гражданина и подданнаго, что мы радуемся приумноженію свѣденій по сей часпи болѣе, нежели по какой либо другой, и жемъ съ бѳльшимъ удовольствіемъ извѣщаемъ нашихъ читашелей о появленіи означенныхъ книгъ, что онѣ заслуживающъ полное ихъ вниманіе. Особенно по изданной въ Москвѣ Спашисшикѣ видно, что она обработана рукою достойнаго ученика Шлецера, котораго угадашь не шрудно. Цѣль сего изданія есть та, что бы доставишь пригото-вляющимся къ экзамену чиновникамъ досташочные спашическіе свѣденія. Ихъ найдуть въ сей книгѣ не только готовящіяся заняшь государшвенныя должности, но и шѣ, которые, занимая ихъ, испытали всю надобность познаній по сей часпи и умѣли уже пособишь себѣ въ эшомъ. Какимъ образомъ раздѣляетъ Авторъ свою Спашисшику, можно видѣшь изъ приложенной при книгѣ спашисшической таблицы. По нашему мнѣнію, эшо раздѣленіе весьма хорошо и удобно для учащихся. Въ началѣ книги Авторъ предлагаешъ предварительныя правила Спашисшики, какъ *Введеніе* въ оную. Не имѣя возможности, по малымъ предѣламъ нашихъ извѣстшій, заняшья разсмотрѣніемъ какъ сего Введенія, шакъ и самой Спашисшики, мы ждали бы увидѣшь оное въ одномъ изъ ожи-

даемыхъ на будущій 1822 годъ новыхъ Журналовъ, въ который, какъ извѣстно, будетъ преимущественно входить часть Спашиспическая. Авторъ самъ изъявляетъ желаніе суда безприспѣраспнаго. Да позволено намъ будетъ только основаніе на опредѣленіи Спашиспика, которое Авторъ дѣлаетъ такъ: „Спашиспика есть основательное познаніе дѣйствительныхъ достопримѣчательностей какого-нибудь Государства.“ Въ выноску при томъ онъ предлагаетъ еще нѣсколько опредѣленій извѣстныхъ ученыхъ, которые болѣе, или менѣе сходны съ упомянутымъ. Но намъ кажется гораздо ближайшимъ къ существу предмета новѣйшее опредѣленіе Нѣмецкихъ Спашиспиковъ, именно слѣдующее: Спашиспика, или Государство-познаніе есть наука, доставляющая свѣденія о внутреннихъ и внешнихъ отношеніяхъ одного, или нѣсколькихъ государствъ въ одно известное теченіе времени.“ Почему весьма натурально основываютъ на семъ различіе Спашиспика съ Исторіею въ томъ, что первая ограничивается простымъ описаніемъ положенія одного, или нѣсколькихъ государствъ въ одно известное время, а Исторія напрошивъ изслѣдываетъ и показываетъ причины, обстоятельство и происшествія, посредствомъ коихъ государство пришло въ сіе положеніе. На этомъ основываясь, можно заключить

пакже, и кажеться справедливо, что какъ бывають Исторія Мореплаванія, Финансовъ и пр. и пр. пакже почно можеть бытъ и Спашисшика Мореплаванія, Финансовъ и даже изящныхъ искусствъ, Лишперашуры и пр. Но мы слишкомъ увлеклись. Скажемъ о второй часпи вышедшей въ Пешербургъ Спашисшики, что она пакже имѣеть свое достоинство. Только спраннымъ показалось намъ чипашъ въ Заглавіи: *съ присовокупленіемъ Статистическаго описанія Китая и Союзныхъ Американскихъ областей*, когда въ этой часпи вовсе нѣтъ сего присовокупленія. Развъ появившя оно особо; но все довѣренность чипашелей къ заглавію сей второй часпи уже не оправдаеться.

О подпискѣ на Журналы на 1822 г.

1.

Для Сибирскаго Вѣстника на будущій 1822 годъ предназначены слѣдующіе отдѣленія.

I. Сибирскія древности и достопамятности.

Изысканія касательно Сибирскихъ древностей; извѣстія о древнихъ надписяхъ и начертаніяхъ; выписки изъ Лѣтописей, и проч.

II. *Изображеніе обитателей Сибири.*

Описаніе нѣкопрыхъ-коренныхъ, или первобытныхъ жителей Сибири.

III. *Путешествія по Сибири.*

Новѣйшіе ученые и живописные путешествія по Сибири.

IV. *Собраніе свѣдѣній о Сибири и странахъ, съ нею сопредѣльныхъ.*

Прежніе путешествія по Сибири и спра-
намъ, съ нею сопредѣльнымъ; посольства;
Историческіе, Топографическіе, Спашиспиче-
скіе и другіе свѣдѣнія о Сибири, Кишаѣ, Бу-
харіи, Монголіи, и проч.

V. *Жизнеописанія знаменитыхъ въ Сибири мужей.*

Сибирь имѣетъ своихъ отличныхъ му-
жей духовныхъ и свѣшскихъ, жизнь и под-
виги ихъ досшойны сохранены бытъ ошъ
забвенія.

VI. *Горные извѣстія.*

Описаніе Сибирскихъ и Уральскихъ Гор-
ныхъ заведеній; новости и достопамяности
Изкопаемаго царства и Горной промышлен-
ности, и проч.

VII. *Собраніе свѣдѣній по части на- укъ, искусствъ и ремеслъ.*

Сочиненія и переводы ученаго содержанія, и въ особенності полезныя для путешествующихъ по Сибири и тамошнихъ жителей; извѣстія о новыхъ открытіяхъ, почерпнутыя большею частію изъ иностранныхъ Журналовъ. По обоимъ послѣднимъ отдѣленіямъ Издашель имѣеть соудрниковъ.

VIII. Слѣсь.

Сіе отдѣленіе назначается для извѣстій, какіе будущъ доходить до Издашеля, о происшествіяхъ въ Сибири и сопредѣльныхъ съ нею спранахъ, и для спашей, кошорыя по какимъ нибудь причинамъ не могушь войши ни въ одно изъ предъидущихъ отдѣлений.

Къ нѣкошорымъ спашьямъ, по принадлежности приобщаемы будущъ географическія карты, портреты, древнія надписи, либо инныя гравированныя и липографическія изображенія.

Каждый мѣсяць выдееть одна книжка: три пакія книжки соспаянть часпъ, а чешыре часпи годовое изданіе. Издашель не приминеть, по мѣрѣ возможности, увеличивать въ книжкахъ число печашныхъ лисповъ и рисунковъ.

Подписка на *Сибирскій Вѣстникъ* принимается въ С. Цешербургѣ у самаго Издашеля Бергмейспера 8 го класса Григорья Иванова Спасскаго, живущаго у Владимірской

церкви по Грязной улицѣ, въ домѣ купеческой жены Красноглазовой подь № 729; въ библиошкѣ для чшенія В. А. Плавильщикова; въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ опноситься или къ самому Издашелю, или въ Газешныя Экспедиціи С. Пешербургскаго и Московскаго Почшамшовъ и во всѣ Почшовыя Коншоры.

Цѣна годовому изданію 25 рублей, а съ доставленіемъ на домъ и съ пересылкою во всѣ Россійскіе города 30 рублей ассигнаціями: на полгода же 15, съ доставленіемъ 18 р.

Желающіе получить *Сибирскій Вѣстникъ* за 1818, 1819, 1820 и 1821 годы могутъ адресоваться только къ самому Издашелю, съ плашою за каждый годъ порознь вышеозначенной суммы, а за всѣ чешыре года 80 руб.

Г. Спасскій.

2.

Вѣстникъ Европы; сосшавляемый *Михаиломъ Катеновскимъ*, Ординарнымъ Профессоромъ, Докшоромъ Философіи, Членомъ Императорской Россійской Академіи и другихъ ученыхъ Общешствъ. Въ семь, уже многіе годы безосшановочно продолжающемся и благосклоннаго вниманія Публики удосшоенномъ Журналѣ, будущъ помѣщаемы, съ наблюдени-

емъ опчасу болѣ строгато выбора, изъ равныхъ изданій переводимыя спашы, соопшвѣшсшвующія ожиданію благомыслящихъ любительей чпенія приятнаго и полезнаго. Впрочемъ изъ *Вѣстника Европы* не исключаются и Русскіе сочиненія.

Вниманіе Редактора будетъ обращено на предметы, любезные Папріопу, на спарину опечеспвенную, на Испорію Россійскаго и прочихъ Славянскихъ языковъ, на дѣянія, обычаи и Словесность народовъ, намъ соплеменныхъ. Сверхъ того Редакторъ поспавишъ себѣ долгомъ, по мѣрѣ возможности, сообщать Публикѣ любопытныя свѣдѣнія о состояніи Липшерашуры у другихъ народовъ Европы и о новыхъ произведеніяхъ извѣстнѣйшихъ Авторовъ. На сей конецъ выписывается доспашочное количество иностранныхъ и внутреннихъ періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, и предназначается немалая сумма на покупку новѣйшихъ книгъ, для извлеченія изъ нихъ того, что будетъ признано за лучшее. Типографія принимаетъ на себя издержки на изготовленіе гравированныхъ карпинокъ, или вмѣсто ихъ опшисковъ съ ножами, чершежами, изображеніями рѣдкихъ предметовъ нашуры и искусствва; ихъ находисься будетъ при годовомъ изданіи не менѣ шесши, полагая по одной карпинкѣ на каждую часть *Вѣстника*

Европы. Нумеръ, или книжка, будетъ состоять изъ чепырехъ Опдѣлений, кои суть слѣдующія: I. Изящная Словесность. (*Проза: Рѣчи, повѣсти, разговоры, описанія, историческіе сочиненія, ошрывки, письма, харакшеры; Стихи: Оды, посланія, басни, пѣсни, элегіи, эклоги, эпиграмы, ошрывки.*) II. Изящныя Искусства, Науки и Литтература. (Сочиненія, до изящныхъ искусствъ, до свободныхъ и словесныхъ наукъ относящіяся и содержащія въ себѣ новыя открытія, наблюденія, правила, или наконецъ критическіе замѣчанія о предметахъ Словесности и Художествъ.) III. Современная Исторія и Политика Европы. (Описанія происшествій, посредственно, или непосредственно относящихся къ нынѣшнему времени, разсужденія, замѣчанія, узаконенія, акты и проч.) Въ выборѣ спашей для сего Опдѣленія предположено всячески избѣгать повпореній того, что помѣщается въ другихъ изданіяхъ. IV. Смѣсь. (Любопытныя, или забавныя анекдоты, остроумныя изреченія, мысли и прочія мѣлкія сочиненія, записки, внутренніе и заграничныя извѣстія о политическихъ и другихъ происшествіяхъ, выписки, извѣстія и замѣчанія.) И въ семь Опдѣленій равнымъ образомъ предположено избѣгать длинныхъ, утомительныхъ повпореній о событіяхъ, невлекущихъ за собой никакихъ послѣдствій историческихъ, а темъ еще болѣе о маловаж-

ныхъ предметахъ. Въ мѣсяцъ выходитъ два нумера, не менѣе 80 страницъ каждый; четыре нумера составляютъ часть, а шесть частей годовое изданіе.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ Университетской Типографіи, на валу между Дмиспровкою и Пешковкой, также въ Почтѣ-Амбахъ и въ Почтовыхъ Конторахъ. Цѣна за годовое изданіе 20 р. а съ пересылкою въ другіе города 23 рубли.

3.

Ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ: Христианское Чтеніе, при С. П. бургской Духовной Академіи, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1822 году

Въ началѣ каждого мѣсяца попрежнему будетъ выходить книжка, содержащая въ себѣ не менѣе 7 печатныхъ листовъ на чистой бумагѣ.

Цѣлю сего изданія полагается также— Христианское просвѣщеніе и Христианская жизнь.

Въ составъ онаго будутъ входить тѣ же предметы:

1) Писанія Св. Отцевъ: изъ нихъ будутъ представляемы на Русскомъ нарѣчїи или цѣлыя сочиненія, или отрывки, по содержанию своему способные питать не только умъ, но въ то же время, и преимущественно сердце,

2) *Изысканіе и разсужденія касательно Христіанской Религіи.* Именно о ея существѣ, Божественности, благошворности и основаніи, по ея книгахъ Ветхаго и Новаго Завета во всѣхъ отношеніяхъ.

3) *Христіанское ученіе,* или изъясненіе предметовъ Христіанскаго просвѣщенія и правилъ Христіанской жизни.

4) *Церковное Краснорѣчіе,* какъ по: духовные назидательные слова и бесѣды.

5) *Духовная Исторія,* какъ по: жизнеописанія Святыхъ, также достопримѣчательные обращенія къ Богу и пути Провидѣнія въ жизни нѣкоторыхъ людей въ новѣйшіе времена, и проч.

6) *Назидательные размышленія* о различныхъ предметахъ, или на нѣкоторые опредѣленные случаи.

7) *Христіанская Библіографія,* опечеспвленная и внѣшняя.

Не въ каждой книжкѣ представляюща всѣ означенные здѣсь предметы и не всегда въ порядкѣ, здѣсь показанномъ. Впрочемъ по принимается правиломъ, что бы каждая книжка начиналась спашью изъ писаній Св. Опцевъ, или жизнеописаніемъ Святаго.

Все изданіе будетъ расположено такъ, что при книжки составяшь одну часть, для копорой на концѣ припечатанъ будетъ общій указатель спашей, во всѣхъ шрехъ книжкахъ заключающихся.

Держась твердо главной цѣли изданія своего, Издашели поспавляющъ непремѣннымъ себѣ долгомъ удовлетворить, по возможности, есѣмъ благочесшивымъ требова- нїямъ, копорые въ продолженїи сего года они получали опъ чипашелей своихъ изъ разныхъ мѣспъ и разныхъ соспоянїй.

Цѣна за изданїе во весь годъ, или 12 книжекъ, полагаешся прежняя: п. е. 20 р. а съ пересылкою во всѣ города Россїйской Имперїи 25 р.

Въ благодарность чипашелямъ за благо- склонное принятїе *Христїанскаго Чтенїя* въ наспоящемъ году, Издашели положили каждую изъ чешырехъ часшей будущаго изданїя украсить гравированною каршинкою.

Подписка принимаешся здѣсь въ *Санкт-петербургѣ* въ Правленїи Духовной Академіи и въ книжныхъ лавкахъ Леоншья Свѣшниковъ, въ *Москвѣ* у Книгопродавца Іосифа Свѣшникова, а по *другимъ городамъ* въ Духовныхъ Училищныхъ Правленїяхъ.

Особы, живущїя въ другихъ городахъ, могушь адресовашся въ Правленїе Санкшпешербургской Духовной Академіи къ помянушымъ Книгопродавцамъ и въ Газетную Экспедицію Санкшпешербургскаго Почшамша.

За доспавленїе на домъ здѣсь въ Санкшпешербургѣ прилагаешся 3 рубль въ годъ.

Разныя Извѣстія.

Пѣснь о Богданѣ Хмельницкомѣ, Освободителѣ Малороссіи, напечатанная въ XIV N^o *Благонамѣреннаго* нынѣшняго года (спран. 76 и 77) переведена Г. Сень-Тома (S. Thomas) на Французскій языкъ. Переводъ очень хорошъ и довольно близокъ. Мы помѣщаемъ здѣсь оный для любительей Французской Поэзіи.

CHANT UKRAINIEN

Sur les exploits de Khmelnitzky, Libérateur de l' Ukraine.

Khmelnitzzy.

Aux armes, compagnons de gloire et de travaux!..
Partagez ma fureur, secondez ma vengeance,
Déployons en ce jour l' étendart des héros.
Digne et noble soutien de notre indépendance.
De la Patrie, hélas! contemplez les malheurs...
Vos guérets dévastés, vos familles en pleurs!
Nous avons tout perdu... mais aux champs du car-
nage

DIEU, mon glaive et votre courage
D'un joug honteux sauront nous affranchir:
Près du Torrent allons vaincre, ou mourir!

Un Soldat.

Lá nous attend une foule ennemie
Que le Destin dans nos champs a vomie;

Effroi du Nord, soldat terrible et fier,
 Le Polonais, sous un rempart de fer,
 Vole au combat, ambitieux de gloire.

Khmelnitzky.

Qui défend son pays, enchaîne la victoire!
 Amis, suivez mes pas, et, guidés par l'honneur,
 Dans les rangs Polonais répandant la terreur,
 Venez placer vos noms au temple de mémoire.

L'ennemi cependant s'avance à grands pas,
 Semblable au tourbillon, précurseur de l'orage,
 Et des traits acérés messagers du trépas
 Ont atrosé de sang les rochers du rivage.
 Parmi les escadrons égale est la valeur:
 Au combat acharné le Sarmate intrépide
 Sème de tout côté l'épouvante et l'horreur;
 Enflammé de courroux, comme un aigle rapide
 Le Cosaque détruit son farouche oppresseur.
 Au milieu du torrent des cadavres livides
 Roulent amoncelés; et les cris du vautour,
 Les hurlements des loups, de dépouilles avides,
 Epouvantent l'écho des vallons d'alentour.
 Malheureux Polonais!.. funeste destinée...
 Aux douceurs de l'hymen va succéder le deuil;
 La mère au désespoir, l'épouse abandonnée
 Descendront avec eux dans la nuit du cercueil.

Изъ Москвы пишутъ, что тамъ при взрыпнн около Кремля земли, для уравненія поверхности, нашли желъзную рѣшетку, весьма спаринной работы. Что-то скажутъ объ ней наши Анпикварн?

*

Почтеннаго Поэта нашего *Василн Андрѣевича Жуковскаго* ожидають въ скоромъ времени въ Санктпешербургѣ. По послѣднимъ письмамъ, онъ былъ уже въ Веймарѣ. Публика конечно съ неперпннємъ будешь ожидать плодовъ его путешествнн.

*

Въ собраннн Общества Любншелей Словесности, Наукъ и Художествъ 3 числа Ноября одинъ изъ членовъ читалъ весьма хорошую повѣсть подъ названнємъ: *Лоттѣрея, или не знаешь гдѣ найдешь*. Она написана по случаю разыгрываемой нынѣ лоттшерей и предназначена для *Литтературныхъ Прибавленнн къ Сыну Отечества* на будущнй годъ. Здѣсь въ Пешербургѣ приннато съ большимъ одобреннємъ предпрнннше Гг. Издашелей *Сына Отечества*, присовокупншь къ нхъ Журналу снн *Литтературные Прибавленнн*, которые будешь содержать въ себѣ собраннн отборнншнхъ Повѣстей и Анекдотовъ, а также иногда и отрывки изъ большихъ Романовъ, Трагеднн и вообще легкнн и для прннншнаго препровожд-

денія времени служащіе сочиненія и переводы. Въ изданіи семь участвуютъ многіе изъ нашихъ лицѣсператоровъ. Время опъ времени будущъ прилагаемы и каршинки. Скольکو намъ извѣспно, по въ самомъ началѣ наспуающаго года будущъ въ нихъ между прочимъ помѣщены слѣдующія повѣспи: *Подарокъ на новъй годъ*, *Святотное гаданіе*, *Лоттерея*, *Ужасная ноть*, *Любовь въ Спартѣ*, *Обручальное кольцо*, *Чернокнижникъ*, *Кранзакскій постояльй домъ*, *Жаркій день*, и пр. Довѣренность, какую приобрѣли себѣ въ продолженіе девашилѣспъ Издашели *Сына Отечества* исправноспію и изыщеспвомъ ихъ Журнала заспавляесп надѣяшсь, что Публика не оспавишъ безъ ободренія и сего новаго ихъ предпріяшя. Желая ему съ своей спороны полнаго успѣха, мы упоминаемъ здѣсп еще, что для шѣхъ, кто подпишешся на *Литтературные Прибавленія* безъ *Сына Отечества*, на условіяхъ, объявленныхъ въ прошедшей книжкѣ *Благонамѣреннаго*, при концѣ года выданы будущъ особые заглавные листы и оглавленія, шакъ что съ ними сіи Прибавленія сосшавяшъ совершенно особую и къ *Сыну Отечества* не принадлежащую книгу.

*

Въ Галлѣ ошпечашана недавно *Наука о финансахъ Государства* извѣспнаго и въ Россіи Л. Г. Якоба (*Die Staatsfinanzwissenschaft*).

2. Theile). Многие иностранные Журналы отзываясь объ ней съ особенною похвалою.

*

Генераль - Маіору *Понсонби*, который убишь въ сраженіи при *Ваперлоо*, воздвигнушь въ *Лондонѣ* въ церкви *Св. Павла* превосходный памятникъ.

*

19 (31 н. с.) Октября происходило въ *Вишпенбергѣ* торжественное освященіе памятника, воздвигнутаго тамъ въ честь Доктора *Люпера*. Съ раннимъ утромъ раздался по городу звонъ всѣхъ колоколовъ, а съ вершины соборной церкви сопровождаемое духовыми инструментами пѣніе: *Eine feste Burg ist unser Gott.*—Въ 8 часовъ началась литургія въ соборной, а въ 10 часовъ въ церкви *Замка*, куда собрались всѣ принадлежащія къ церемоніи особы. Въ 12 часовъ началось шествіе къ памятнику. Когда все вокругъ него спало въ надлежащій порядокъ, снова началось вышеупомянутое пѣніе, сопровождаемое всѣми присутствовавшими. Это пѣніе произвело удивительное дѣйствіе. Все вокругъ было шакъ тихо, что когда оканчивался стихъ, то по близъ лежащимъ улицамъ слышно было эхо. Послѣ того *Суперинтендентъ Докторъ Ничъ* говорилъ личную рѣчь, по окончаніи которой, по данному знаку, вдругъ спалъ покровъ, облекав-

шій памятникъ . Многіе изъ народа, пораженные зрѣлищемъ великолѣпнаго памятника, пали ницъ . Еще большее дѣйствіе произвело случайное обстоятельство , что въ то время, когда памятникъ открылся, солнце освѣтило его, покрывъ подножіе и всѣхъ присутствующихъ тѣнью ошъ домовъ . Торжествó заключено было торжественнымъ прочтеніемъ молитвы: *Отче нашъ* и пѣніемъ: *Der Gott erschien und gab sein Werk durch seinen Knecht uns wieder*, въ которомъ участвовала весь народъ .

■■■■■

О подпискѣ на новую книгу.

Ободренный успѣхами Ошечественнаго Слова въ дѣлѣ Церковнаго Краснорѣчія, много зависящими ошъ переводовъ на оный образцовыхъ въ семь родѣ иностранныхъ сочиненій, перевелъ я съ Французскаго на Россійскій языкъ *Надеробные Слова Флещіера Епископа Низлскаго*, знаменипаго Французскаго Проповѣдника . Сей трудъ, въ часы досуга соспаждалъ приятнѣйшее мое занятіе, какъ по важности предметовъ, шакъ и пошому, что оные слова суть плодъ Генія, можетъ бышь, единственнаго въ своемъ родѣ . При чтеніи оныхъ представляешя, будшо ходишь среди печальныхъ кипарисовъ,

напоминающихъ о плѣнности всего земнаго, и поселяющихъ въ сердце нѣкопорую мрачную грусть, изъ подъ которыхъ впрочемъ всегда просіяваетъ радостное безсмертіе.

Не осмѣливаясь опредѣлять достоинства сего шворенія близорукимъ моимъ взоромъ, удовольствуюсь краткимъ, но выразительнымъ отзывомъ Г. Монженя, который въ одномъ изъ Академическихкихъ своихъ разсужденій говоритъ о Флешіерѣ такъ:

„Надгробное слово до Г. Флешіера со-
 „стояло въ искусствѣ прелестныхъ вымы-
 „словъ; оно было совершенно *свѣтское* искус-
 „ство, которому, не имѣя въ виду ни Ис-
 „пины, ни Религіи, писатели сего рода по-
 „свящали ложныя добродѣтели великихъ лю-
 „дей, и — часто самое величіе. Но мудрый
 „Флешіеръ похваляя умершихъ, думалъ един-
 „ственно о томъ, что бы давалъ уроки жи-
 „вымъ и оплакивалъ величіе человѣческое,
 „по причинѣ сопровождающей оное суебны,
 „или смерти оное разрушающей. Мало было
 „имѣть знатную породу, обладать великими
 „почестіями, или предложить великія награ-
 „ды, дабы занять мѣсто между безсмерт-
 „ными Ироями. Дабы не обмануть Испину,
 „онъ хвалилъ одну добродѣтель; дабы не
 „льстивъ изображаемымъ лицамъ, онъ ста-
 „рался снимать свои картины съ одной и-
 „стиннѣйшей природы; всѣ его Ирои суть

„Ирои образцовые, шакъ какъ и всѣ Его со-
 „чменія. Посему ты изумляешься, видя въ
 „душѣ одного человѣка всецѣлую душу мно-
 „гихъ великихъ мужей—душу Завоевателя,
 „Мудреца, великаго Градоначальника и искус-
 „наго Полищика. Флешіеръ возвыщенъ, раз-
 „нообразенъ, обиленъ и принимаетъ всѣ раз-
 „личные виды людей даровитыхъ и добро-
 „дѣшельныхъ. Обольщеніе споль у него силь-
 „но, что думается, будшо дѣйствительно
 „видишь все то, что шолько чипаешь, или
 „слушаешь. Съ книгою въ рукахъ ты пере-
 „носишься къ осадѣ городовъ и сраженіямъ.
 „Тебя плѣняетъ Орапоръ—и ты заняшь од-
 „нимъ Ироемъ; говоришь Флешіеръ — и ты
 „видишь одного Тюрленя. Искусство совсемъ
 „закрываетъ Орапора, и выказываетъ шоль-
 „ко великаго Градоначальника, или великаго
 „Полководца.“ *)

Книга сія соспоятъ будетъ изъ 8 над-
 гробныхъ словъ, и сосшавишь въ переводѣ
 не менѣ десяти печатныхъ листовъ. Въ
 началѣ оной предложены будущъ нѣкоторыя
 обспоятельствва, опносящіеся къ Біографіи
 Г. Флешіера. Подписка на сію книгу при-
 нимается здѣсь въ С. П. бургѣ въ книж-

*) По сему образчику можно судить и о
 переводѣ *Надгробныхъ Словъ Флешіера*, Изд.

выхъ лавкахъ Леоншья Л. Свѣщникова, и въ Москвѣ у Юсифа Л. Свѣщникова. Жители получаютъ сію книгу за нижеозначенную ли сей столицы могутъ также въ свое время и ошъ самаго Переводчика, Духовной Академіи Профессора Иродіона Яковлевича Вѣшринскаго, живущаго Рож. часп. 1 квар. въ домѣ Губернской Секретарши Комаровой подь № 56. По прошествіи 4 мѣсяцевъ, начиная съ текущаго Ноября, приступлено будетъ къ печатанію самой книги. Цѣна экземпляру въ бумажкѣ пять рублей; съ пересылкою въ другіе города шесть рублей.

12 Ноября 1821.

И. В.

Издашель сочиненій знаменишаго Проповѣдника Леванды, поспѣшаетъ извѣститъ почтенную Публику, что прешья и послѣдняя часть сихъ сочиненій, къ удовольствію просвѣщенныхъ любителей Христіанскаго чшенія и опечеспвѣнной Словесности, уже оппечатана и раздаешя Гг. благоволившимъ подписаться на оныя.

Въ сей послѣдней часпи содержащя Рѣчи, говоренныя Левандою при разныхъ случаяхъ. Крапкось и сила слѣжатъ опличительною ихъ чершою, главнымъ ихъ достоинствомъ. Авторъ нигдѣ не опшоцаешъ своего предмета; часшо говоришь онъ одно

только слово, но оно открываетъ уму вашему обширное поле размышленій, важныхъ для человѣка, еще важнѣйшихъ для Христіанина.

Бесѣды его съ Архипастырями Кіевскими умилишельны: въ нихъ вездѣ найдете вы простое, теплое чувство привязанности и покорности дѣйской, которое невольно напоминаетъ вамъ вѣкъ Папріарховъ — напоминаетъ и первые времена божественной нашей Вѣры.

Въ прекрасныхъ Рѣчахъ, говоренныхъ Особамъ Царской Фамиліи, является во всемъ блескъ своемъ и достоинствѣ благородная преданность къ Государямъ, пылкая любовь къ опечесству, пламенное желаніе блага общественнаго.

Леванда вездѣ говоритъ, какъ сказать, ошъ избытка сердца: нигдѣ не примѣчаете вы искусства, нигдѣ не показываетъ онъ, что хочетъ убѣдить васъ, но повсюду возбуждаетъ ваше вниманіе, прогаетъ, увлекаетъ за собою, и всегда оставляетъ въ васъ глубокіе и приятные впечатлѣнія.

Отдавая въ сихъ краткихъ словахъ должную справедливость изящнымъ его твореніямъ, Издашель оныхъ живо чувствуетъ, что слава сего Проповѣдника не имѣетъ нужды въ похвалахъ: общее мнѣніе уже давно оцѣнило достоинство Леванды, и нынѣ, при

появленіи въ свѣтъ полныхъ его сочиненій, гласъ просвѣщенной Публики конечно подтвердитъ лестные шѣ объ оныхъ опъзызы, кои въ разные времена являлись въ опличнѣйшихъ опечественныхъ нашихъ журналахъ.

Изданіе сіе можно покуцать, на бѣлой бумагѣ, въ цвѣтной оберпкѣ по 20 руб. за экземпляръ въ Типографіи Императорскихъ Театровъ, соспоющей въ Офицерской улицѣ, близъ большаго Театра, въ домѣ купца Голлидая, подъ N° 199.

Н. П.

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ.

Липейной части, 4 квартала, въ Басковой улицѣ, въ домѣ Маіора Волкова подъ N° 434, живеть бѣдная вдова Региспратора Моландеръ съ пятью малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ старшей дочери 13 а младшему 6 лѣтъ. Сія несчастная женщина, несмотря на слабосщъ своего здоровья, шрудится день и ночь съ старшею своею дочерью; но иногда не вырабатываютъ и столько денегъ, сколько нужно на покупку хлѣба. Бѣдныя малюпки не имѣють почти ни плащя, ни обуви, перпящъ часно холодъ, а нерѣдко и самый голодъ. Благоворипеди человѣчества! помогите сему несчастному и честному сѣмейству.

И,

Благотворенія.

Издашель *Благонамѣреннаго* получилъ 14 Октября отъ неизвѣснаго благотворителя двадцать пять рублей для доставленія опшавному, преспарѣлому и больному Гофъ-фурьеру М., лишившемуся отъ пожара всего имущества. (см. Прибав. къ XVII и XVIII N°).—*Доставлены.*

И.

~~~~~

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Журналь: *Благонамѣренный* издавашься будещь и въ слѣдующемъ 1822 году.

Въ сосшавъ онаго входящъ:

I. *Изящная Словесность.*

Стихотворенія, какъ шо: *Оды, Посланія, Элегіи, Идилліи, Сказки, Басни, Пѣсни, Эпиграммы* и стихопворные опривки. *Проза*: *Рѣчи, Повѣспи, Разговоры, небольшія Комедіи, живописные Пупшешествія, опривки изъ Романовъ, и проч.*

II. *Литтература, Науки и Художества.*

Теорія Словесности, Наукъ и Художествъ—Разсужденія о разныхъ предметахъ

III. КРИТИКА.

Разборъ нѣкопрыхъ новыхъ книгъ и образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ.

IV. ТЕАТРЪ.

Разсмотрѣнiе нѣкопрыхъ новыхъ театральныхъ пiесъ и замѣчанiя на игру актеровъ.

V. СМѢСЬ.

Бiографiи знаменитыхъ мужей. — Интересныя и ошечественныя анекдоты. — Нравоучительныя мысли и разныя замѣчанiя. — Извѣстiя о новыхъ важнѣйшихъ открышiяхъ въ ученомъ свѣтѣ, также о новыхъ иностранныхъ и Русскихъ книгахъ, съ крашками на нѣкопрыхъ изъ оныхъ замѣчанiями. — Разныя любопытныя новости. — Благошворенiя. — Загадки, Шарады, Логогрифы, Омонимы, Анаграммы, и проч.

Въ трудахъ Издашеля обѣщались участвовать многiе извѣстные Литтераторы. Онъ употребилъ всевозможныя съ своей стороны способы сдѣлать Журналь свой сколь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе. Преимущественнѣе предъ прочимъ намѣренъ онъ заняться *благонаибренною* критикою и будетъ несравненно спроче цротивъ прежняго въ выборѣ пiесъ, особенно стихопворенiй, доставляемыхъ къ нему для помѣщенiя въ его изданiй.

Хотя Издашель, благодаря почтеннымъ своимъ соудружникамъ, не имѣеть недоспапка въ машериалахъ для Журнала; но съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщать будеть въ ономъ доставляемые къ нему опъ поспороннихъ озовъ, сочищенія и переводы, если только найдеть ихъ по содержанію и по слогу соудвѣспивующими плану его изданія. Впрочемъ онъ не принимаетъ на себя заудружншельной обязанности перѣсылать обратнѣ къ Г. г. Сочинищелямъ и Переводчицамъ ихъ піэсъ, если, по какимъ бы по ни было причинамъ, нельзя будеть ихъ напечатать.

Каждую недѣлю въ Понедѣльникъ выходишь будеть одинъ номеръ (опъ двухъ съ половиною до шрехъ печатныхъ лисповъ); двѣнадцать, или тринадцать номеровъ—составляють часнь, а чепыре часни годовое изданіе. При нѣкоторыхъ книжкахъ приложены будуть гравированные: изображенія, какъ то: чершежи, виды и ш.ц.

Подписка на Журналъ *Влагодѣльбренный*; принимается въ Санктпетербургѣ: въ Газетной Санктпетербургскаго Почштампа Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ; у Издашеля Кол. Сов. *Александра Ефиловича Измайлова*, живущаго на Пескахъ противъ Бассейна въ

каменномъ прехъэшажномъ домѣ Моденова подѣ № 283; у Коммиссіонеровъ его: въ бумажномъ магазинѣ фабрики покойнаго Коммерціи Совѣтника Ольхина подѣ № 4, что въ Нирембергскихъ лавкахъ, въ домѣ Капюлической церкви и въ фарфоровомъ магазинѣ Красноглазова въ домѣ Купца Меншикова, подѣ № 15, прошивъ Аничковскаго дворца; и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ; а въ *Москвѣ* у содержателя Университетской типографіи А. С. Ширяева. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 52 книжки, здѣсь въ Санктпетербургѣ 50 р. за полугодное же, или 26 книжекъ 15 р. за пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 7 р. а за полгода 3 р. 50 к. Иногородные благоволяшъ относиться не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашелю, или въ Газетную Санктпетербургскаго Почтамта Экспедицію. Желающіе получаютъ Журналъ сей на Любской бумагѣ, благоволяшъ сверхъ вышеозначенной цѣны прилагать на годъ 5 р и подписаться заблаговременно, ш. е. въ печеніи нынѣшняго 1821 года. Первая книжка *Благоналюбреннаго* на 1822 годъ раздаваться будетъ 1 ч. Января.

У Издашеля же Журнала: *Благоналюбренный* и во всѣхъ вышеозначенныхъ мѣстахъ продаются слѣдующія новыя книги:

- 1) *Басни и Сказки Александра Измайлова.*

Издание четвертое, вновь исправленное и умноженное. Часъ I и II. Съ виньешою. Цѣна въ бум. 8 р. Съ пересылкою же въ другіе города 10 р.

2) *Идилліи Гладиліра Панаева*. Съ виньешою и премоя искусно гравированными каршинками. ц. 10 р.

3) *Стихотворенія Александра Востокова*. Съ премоя гравюрами. ц. 10 р.

4) *Словарь Древней и Новой Поэзіи*, составленный *Николаемъ Остолоповымъ*, Дѣйствительнымъ и Почетнымъ Членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ. Въ трехъ томахъ. ц. 35 р. За пересылку прилагается въсовыхъ денегъ на пять фуншовъ.

5) *Тассовы Метанія (Le veglie di Tasso)*. Пер. съ Италіянскаго *Н. Остолопова*. Съ Италіянскимъ шекспомъ, съ виньешою и чешырмя искусно гравированными каршинками. ц. 10 р.

6) *Жилбазъ де Сантиллана. Сочиненіе Лесажа* въ 8 часпяхъ. Новой переводъ *А. Никольскаго*. Съ поршрепомъ Сочинителя и съ гравированными каршинками при каждой часпи, ц. 25 р. а съ пересылкою 30 р.

7) *Опытъ о Русскоиъ Стихосложеніи* соч. *Александромъ Востоковымъ*, Членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ. Изданіе второе, значительно пополненное и исправленное. ц. 5 р.

8) *Подарокъ на Святки*, или описаніе раз-

ныхъ новыхъ святочныхъ игръ, разыгрышей фаншовъ, съ присовокупленіемъ разныхъ загадокъ, шарадъ, омонимовъ, анаграммъ и логгрифовъ.

9) Журналь *Благонамбранный* на 1818, 1819, 1820, 1821 годы, каждый годъ по 30 р. Для подписавшихся въ будущемъ 1822 году и для казенныхъ училищъ дѣлается опъ каждого годового экземпляра уступки 15 р. если обращаясь съ требованіемъ къ самому Изда-телю. На пересылку прилагается за каждый годъ по 5 р.

~~~~~

XXI, XXII, XXIII и XXIV N^o *Благона-мбранныя* за нынѣшній 1821 годъ печатающа-ся и выдушъ въ непродолжительномъ вре-мени.

~~~~~

(30 Ноября.)

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

НОЯБРЬ, 1821. № XXI и XXII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КЪ Р... ЧУ.

Утѣшься, милый другъ, почшо вздыхашь на-
прасно

О томъ, что возврашшь нельзя? Почшожь
всечасно

Себя печалю средь юности помить?

Твой спонь родишедя не можешь воскресить!

Не слышашь души насъ, на небо вознесенны!

Ихъ чувствія не къ намъ, но въ вѣчность
устремленны.

Я самъ, во цвѣшѣ лѣшѣ, недавно порой

Прахъ машери кропилъ горячею слезой;

Но щещень плачь мой былъ! она мнѣ не
внимала—

И къ горестнымъ слезамъ спокойна пребы-
вала!

Къ ней сына шажкій спонь во гробъ не до-
ходилъ —

Лишь буйный вѣспрь его въ долину разно-
силъ.

Ктожь можешь грусть пвою меня цѣнить
сроднѣ:

Несчастному и вздохъ несчастнаго слышнѣ!

О другъ мой! знаю я, сколь горько по те-
ряшь,

Въ чемъ видишь счастье дней. Ахъ! легче
жизнь скончать,

Хоть рано, самому, чемъ въ младости ли-
шишься

Того, кого любилъ; но должно укрѣпиться.

И щепко не помилъ поскокой души своей.

Не мни чрезъ по склонилъ къ себѣ сердца
людей:

Ихъ много здѣсь-вездѣ все люди обипають;

Но горестей другихъ они цѣнить не знаютъ.

Не мни, чшобъ гордый Крезъ, средь нѣги
на шебя

Вниманье обратилъ: ему лишь до себя!

Онъ гордостью своей и счастьемъ пресы-
щенный,

Душою спилъ всегда, не зная, что есть бѣд-
ный;

Его и слухъ залилъ весь златомъ и сре-
бромъ,

Такъ можешь ли сей Крезъ бытъ съ жа-
лостью знакомъ?

Не внемлетъ спону онъ невинно угнетенныхъ,

Безпомощныхъ дѣшей, сиротъ, опцовъ ли-
шенныхъ;

Онъ жалости въ душѣ во вѣкъ не ощущалъ;

Въ немъ сердце твердо такъ, какъ пагуб-
 ный металлъ,
 Надъ коимъ онъ дрожа жизнь въ спрахъ
 провождаетъ —
 Чувствительность въ сердцахъ лишь доб-
 рыхъ обитаетъ!
 Не пронешь никого ты гореснью своей:

.
 Одинъ оспался намъ въ сей жизни Покро-
 витель:

Онъ слышитъ сирыхъ стонъ — по нашихъ
 дней блюститель!

Онъ всѣхъ несчастливыхъ принявъ къ себѣ
 гошовъ;

Онъ слабому всегда защита и покровъ.

Къ нему спремь свои усердные моленья:

Услышитъ Богъ тебя — и сладость утѣшенья.

На сердце, грустно помимое, прольешь;

И радость оживитъ — другой надежды нѣтъ! —

Москва, 1815.

Д. Редлинъ.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Рѣзвись, дѣти! будешь время —

И вы замолкнете, какъ я;

И вы узнаете, друзья,

Подобно мнѣ, печали бремя.

Теперь вамъ въ юности своей

Ничто не можешь быть укорой —

Рѣзвѣшесь, дѣши! скоро, скоро
 Проходишь прелестъ юныхъ дней!

*

Спѣшише жить, пока кручина
 Въ младую грудь не залѣгла:
 Ахъ, юность мчишься, какъ спрѣла—
 И съ нею радости кончина!—
 Малышки милыя, скорѣй
 Цвѣтны веселія срывайше;
 И наслаждаешься поспѣвайше
 Незнаньемъ свѣта и людей.

*

И я былъ счастливъ въ юны годы!
 И я, подобно вамъ, порхалъ,
 И съ чистой радостью взиралъ,
 Какъ вы, на красоты природы
 Но ахъ! шѣ годы ужъ прошли—
 И радость съ ними улѣшла,
 Душа моя осирошѣла,
 И розы счастья опцвѣли.

*

Для васъ еще весны начало —
 Мояжъ весна давно прошла!
 На сердце горестъ налегла —
 И въ немъ веселія не сшало!
 Такъ опышь милыя мечты
 У насъ всечасно похищаешь,
 И съ каждымъ шагомъ испребляешь,
 Жестокій, жизни красоты.

С. Григорьевское 1821.

М. Хрулевъ.

РОМАНСЪ.

(Подражаніе Французскому *).

Скажи мнѣ опъ чего въ груди моей волненье,
И робость, и воспоргъ, когда я предъ шобой?
Краснью, препену, душа моя въ смященъ..
Хопъль бы говоришь—языкъ нѣмѣешь мой!

*

Боязнію помимъ—надеждою ласкаясь —
Хочу себя забышь—и все еще люблю!
Хочу бѣжашь себя — и вспрѣшишься спша-
раюсь;
Увижусь ли съ шобой — въ воспоргъ слезы
люю!..

*

Но горе, горе мнѣ, коль презрѣнь я шобою!
Подъ шяжесшю золь мои увянушъ дни.
Когда же я умру, сраженный злой шоскою,
На гробъ шы моемъ хопъ разъ одинъ вздохни.

Владимірѣ 1820.

М. Хрулевѣ.

~~~~~

---

*) Dis moi ce que je sens en approchant de toi.

МОИ УМЪРЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ.

Меня злой демонъ обольщаетъ,
 И я стихи берусь писатьъ;
 Но счастливъ, впо науку знаетъ
 Желаньямъ мѣру полагаешь.
 Своимъ я мѣру назначаю
 И очень малаго желаю:
 Я буду радъ, когда меня
 Хвалами въ свѣтѣ не оспаиваешь—
 Съ *Державнымъ* въ ряду поспаваяешь:
 Вошь все, чего желаю я!

*

О, я въ своихъ желаньяхъ скромень!
 Не знаю право, какъ иной
 Ничемъ не можетъ быть доволенъ;
 Родясь съ жадною душой,
 Онъ бѣдноспію лицемѣришь,
 Когда мѣшками деньги мѣришь.
 Спрась гнусная—клянущь себя!
 Моя мечта другаго рода:
 Мнѣ тысячь сто бы въ годъ дохода—
 Вошь все, чего желаю я!

*

Какъ многіе себя перзаюшь,
 Желая къ браку присшупишь—
 Испышываюшь, избираюшь,
 Не смѣюшь участи рѣшишь!
 Какъ можно много шакъ крушишься!
 Когда я вздумаю женишься,
 Не спшану мучишь шакъ себя:

Была бы дѣвушка согласна—
Умна, воспишана, прекрасна:
Вошь все чего желаю я!

*

Я ненавижу пресыщенье
Пировъ, гдѣ время не лепишь,
Гдѣ въ помѣ находяшь наслажденье,
Что всякой слишкомъ пьютъ и сытъ.
Пускай на сноликѣ опряжномъ
Во вкусъ спавяшь мнѣ приятномъ
Блюдь шестъ—довольно для меня!
А что бы вкусъ понѣжишь долще,
Бургонскаго—его побольше!—
Вошь все, чего желаю я!

*

Боясья смерти—мысль смѣшная!
Я весело свершаю путь,
Пока минуца роковая
Заспавишь въ гробѣ отдохнушь.
Лишь, шолькобъ послужило счастье
Провесшь всю жизнь мнѣ безъ ненастья,
Бѣда не знала чтобъ меця,
Чтобъ жишь могъ по своей я волѣ;
Къ тому же—сопню лѣшь—не болѣ—
Вошь все, чего желаю я!

Н. Княжевичъ.

В . . . . .

(при посылкѣ ей двухъ листовъ бумаги.)

Чшобъ описашь, какъ вы прелестны;
 Чшобъ изъяснишь, какъ вы любезны;
 Чшобъ расскажашь, какъ вы добры;
 Чшобъ перечешь всѣ шѣ дары,
 Кошорыми въ укоръ забвенья
 Фортуны въшренной, слѣпой,
 Природа щедрою рукой
 Васъ одарила опъ рожденья—
 Не говоря уже о помъ,
 Чшо къ выраженьюбъ словъ не спало;
 Чшо чувшва бѣдны языкомъ—
 Бумагибъ эпой не доспало.
 Но чшобъ счастливица сдѣлашь вамъ,
 Дашь милымъ сущесшво мечпамъ
 И наградишь любовь доспойно—
 Довольно почерка руки,
 Довольно вашей лишь строки—
 И слова одного—довольно.

Б. Федоровъ.

~~~~~

ЕЙ ЖЕ.

(при посылкѣ книги, соч. Бульи, подъ
названіемъ: *Совѣты моей дочери.*)

Цѣлующихъ дней въ счастливы лѣпы
Не вамъ совѣшы принимаешь;
Но должно брашь ошъ васъ совѣшы,
Какъ всѣхъ любезностью плѣняешь.

Б. Федоровъ.

~~~~~

ПЪТУХЪ И АЛМАЗЪ.

Басня *).

Пѣтухъ въ сору однажды рылся,
Какъ вдругъ нашедъ алмазь, сказалъ:
„Что еслибъ масперъ шупъ случился?
Алмазь ему бы пригодился;
Его бы съ радостью онъ взялъ.
А мнѣ бы лучше во спо разъ,
Когда бы вмѣсто я его
Нашелъ ячменное зерно:
Зерно полезно для желудка —
Пущаяжъ веиць сія для глазъ.

*

Вошъ шакъ почи всегда мы судимъ:
Чего не знаемъ, шо и хулимъ.

Алексаша Лиц...евъ.

~~~~~

*) Написанная девятилѣпнымъ стихошворцемъ и,
какъ увѣряли Изд. *Благ.*, никемъ непоправленная.

НАДГРОБІЯ.

1.

И. А. Дмитревскому.

Подъ камнемъ симъ лежишь Дмитрев-
 скій, нашъ Лекень;
 Лишь Музамъ возсіялъ въ Россіи свѣшлый
 день,
 Мгновенно овладѣвъ кинжаломъ Мельпомены,
 Спаль украшеіемъ великолѣпной сцены;
 Любимецъ славы онъ и въ некоропкій вѣкъ,
 Былъ обожашель Музь и чеспный челоувѣкъ.

Гр. Хвостовъ.

2.

М. В. Милонову.

Милоновъ, здѣсь лежишь: сей юноша лю-
 безпый
 Окончилъ рано дни, дни горькіе и слезны;
 Сынъ вдохновенія, поклонникъ Музь и жрецъ,
 Успѣлъ онъ ошъ Харись безсмертъя взяшь
 вѣнецъ.

Гр. Хвостовъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПИСЕМЪ КЪ М. И. Г. О
ЛУНЪ.

Письмо IV

Кажешся, что мечты рождаются для услажденія горестной жизни человека. И подлинно что можешь быть ушѣшительнѣе ихъ? Чемъ бы пишали горделивые люди свое чесполобіе? Чемъ бы ушѣшались несчастные Поэты, нѣжные родищели сонетовъ, мадригаловъ и слезливыхъ бездѣлокъ? Чемъ бы дышали спрашнные любовники?

Въ разлукѣ съ вами я помлюся,
Противно все, несносенъ свѣшь;
Но лишь мечтанью предаюся,
То вижу милый мой предметъ.
Въ мечтаньи васъ воображаю;
Какъ вы сидите у окна,
За спуломъ вашимъ я вздыхаю—
Украдкой смотришь къ намъ Луна,
Зефиръ на васъ съ улыбкой дуешь,
Плашочикъ газовой дрожишь,
Какъ будто вашу грудь цѣлуешь,
То нѣжно къ ней прильнуешь лежишь.

Часто прислуживаю я вамъ при вашемъ шуалешѣ — даже послѣдній разъ, когда вы сбирались на балъ:

Я виль вамъ локоны прелестны,
 И ихъ цвѣтами украшалъ,
 И ваши прелести небесны
 Убродкой жадный взоръ ласкалъ.

Простите, чпо я съ вами говорю
 нѣсколько опкровенно; увѣрень, чпо не
 разсердишесь, разсудивъ, могу ли я у-
 правлять мечтаніями?

И если я пишу къ вамъ смѣло,
 Коль вамъ не нравился шонъ мой—
 О! эшо не мое ужъ дѣло—
 Извольше вѣдашься съ мечпой.

Съ нѣкошораго времени мечпаю я
 всегда объ одномъ и шомъ же, и вы—вы
 внушили мнѣ эшо единообразіе. — Сидя
 ввечеру въ моемъ кабинетѣ и разбирая
 ваши милые письма, дружусь я съ кры-
 лацою мечпою. Воображеніе предспав-
 ляешъ мнѣ какимъ образомъ я буду рас-
 полагашь время, соединясь съ вами.

Лишь шолько чпо начнешъ Аврора
 По небу розы разсыпашъ
 И опъ ея прелестна взора
 Природа спанешъ воскресашъ,
 Я ложе нѣги покидаю,
 На васъ въ молчаніи гляжу,
 Вашъ образъ взорами ласкаю
 И въ сердцѣ спрасшномъ уношу.

Кончивъ мои занятія, кошорыхъ прудность услаждаеися мыслію, что я все это дѣлаю для нашего счастья, возвращаюсь въ объятія моей безцѣнной М...; мы садимся за обѣдъ, кошорый одушевляете вы вашимъ разговоромъ.

Попомъ мы съ вами пробѣгаемъ
 Делиля и Карамзина,
 Природу съ ними созерцаемъ—
 Ахъ! какъ для насъ мила она!
 Когда и на берегу пустынномъ
 Прельщаетъ всѣхъ красой своей,
 То какъ подъ нашимъ кровомъ мирнымъ
 Намъ съ вами не прельщаетъ ей?

Вечеру, когда Луна прольетъ свой
 слабый свѣтъ на землю и спруи ручей-
 ка осребрятся мелаихолическимъ ея
 сіяніемъ —

Вы нѣжный звукъ соедините
 Съ приятнымъ шорохомъ вѣшвей,
 И спрасный духъ мой восхитите
 Прелестной нѣснiю своей.
 Быть можете, по саду гуляя,
 Я пришаюся у окна,
 И спрунъ гармонiи внимая,
 Скажу: прелестна какъ она!—
 Тупъ вы къ окошку подойдете,
 Луна цвѣтникъ вамъ освѣтитъ;

Вы, на нее взглянувъ, вздохнете,
 И вздохъ ко мнѣ вашъ долешишь.
 И миршы спящіе, качнувшисьъ,
 Посыплюшъ росу, какъ жемчугъ.
 И кушъ ихъ, шихо развернувшисьъ,
 Покажешъ вамъ, что вашъ супругъ,
 Супругой нѣжною пылая,
 При сѣшѣ страстныхъ Луны,
 И звукамъ сладостнымъ внимаю,
 Металъ во мракъ пишины.

Вл. Дмитриевъ.

~~~~~

СОФРОНИМЪ.

Повѣсть Грецеская.

Надобно быть Грекомъ не такимъ
 какъ я, чтобы осмѣлишься говорить о
 Грекахъ: я удивляюсь ихъ швореніямъ,
 но читаю ихъ только въ переводѣ. Илли-
 ада, и еще болѣе Одиссея, меня восхи-
 щаютъ. Не могу, безъ слезъ, читать
 сцены Улисса съ Евмеемъ, съ Еврикле-
 ею, съ Пенелопею. Какъ зналъ природу
 писатель, который въ Эпической Поэ-
 мѣ говоритъ объ Аргусѣ, доброй, вѣр-
 ной собакѣ, лежащей у дверей дворца и
 умирающей отъ радости, при видѣ сво-
 его господина!

Нынѣшніе Греки не пишушь болѣ такихъ прекрасныхъ сказокъ; а слѣдующая повѣсть естъ, къ несчастію, произведеніе Грека нынѣшняго.

Софронимъ родился въ *Фивахъ*: отецъ его, происходившій опъ древней *Коринтской* фамиліи, жилъ въ столицѣ *Віопіи*. Онъ умеръ; жена его скоро за нимъ послѣдовала—и двѣнадцатилѣтній *Софронимъ* остался безъ родныхъ, безъ имѣнія, безъ покровителей.

Онъ не имѣлъ ничего, но жалѣлъ только объ опцѣ и матери. Поплакавъ поутру, на ихъ могилѣ, несчастный ребенокъ пишался хлѣбомъ, который давалъ ему изъ милости одинъ жрецъ *Минервы*.

Заблудившись однажды въ городѣ, *Софронимъ* вошелъ въ рабочую *Праксипелю*. Онъ запрепепалъ невольнымъ образомъ при видѣ изящныхъ произведеній искусства; смотришь, удивляется и обращаясь къ *Праксипелю*, говоритъ ему съ шюю прелестію и смѣлостію, которыя свойственны одному дѣтшшву: „Отецъ мой! дай мнѣ рѣзецъ и сдѣлай меня такимъ же великимъ че-

ловѣкомъ, какъ ты.“ Праксисель сморилъ на прекраснаго опрока, удивляется огню, блистающему у него въ глазахъ, обнимаетъ его съ нѣжностію и говоритъ ему: „Такъ, я буду твоимъ учителемъ, останься здѣсь, и я надѣюсь, что ты со временемъ превзойдешь меня.“

Юный Софронимъ, счастливый и благодарный, не покидалъ болѣе Праксиселя — и природныя дарованія его образовались: осмнадцать лѣтъ дѣлалъ онъ статуи, которыя учитель его не постыдился бы признасть своими.

Къ несчастію въ это время Праксисель умеръ и оставилъ довольно значительную сумму въ наслѣдство любимому ученику своему. Софронимъ былъ въ опчаяніи: пребываніе въ Фивахъ сдѣлалось для него несноснымъ; онъ оставилъ отечество, и даръ своего благодѣтеля употребилъ на то, что бы объѣхать всю Грецію.

Повсюду носилъ онъ съ собою любовь ко всему изящному и желаніе учиться, которыя воспаляли его въ младенчествѣ, а потому съ каждымъ

днемъ становился ученѣе, и каждое видѣнное имъ отличное произведеніе увеличивало его познанія. Желаніе нравиться усовершило его характеръ, образовало разсудокъ; и двадцатилѣтній Софронимъ былъ уже искуснѣйшимъ и любезнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ; но скромность его увеличивалась по мѣрѣ учености: онъ думалъ только о томъ, чего ему недоспавало, а не о томъ, что приобрѣшалъ.

Рѣшившись поселиться въ какомъ нибудь большомъ городѣ, избралъ онъ для сего Милешъ, Греческую колонію на берегахъ Іонійскихъ; купилъ себѣ домикъ, мрамору и кормился работою рукъ своихъ.

Извѣстность, медлѣнно иногда слѣдующая за дарованіями, скоро возвѣсшила о достоинствахъ Софронима. Всѣ его уважали, всѣ говорили объ его произведеніяхъ; но юный Фивянинъ не ослѣплялся похвалами, а старался заслужить ихъ еще болѣе. Одинъ въ своей рабочей, посвящалъ онъ день трудамъ, а вечеромъ отдыхалъ, читая Гомера: это полезное удовольствіе возвышало

его душу и внушало новыя идеи его гению. Довольный днем пропекшимъ, готовый къ будущему, онъ благодарилъ боговъ и ложился спать.

Но счастье его продолжалось не долго: единственный неприятель, могущій похитить спокойствіе у добродѣтели, не забылъ посѣтить и Софронима. Карипа, дочь Аристейя, Градоначальника Милетскаго, пришла однажды съ ошцемъ своимъ въ его рабочую.

Карипа затмѣвала собою всѣхъ красавицъ Іонійскихъ, но душа ея была еще прекраснѣе лица. Отецъ ея Аристей, богатѣйшій изъ Милетянъ, посвятилъ себя совершенно образованію дочери. Съ помощію природы и сокровищъ, легко ему было заставить ея полюбить добродѣтель и украсить разсудокъ ея всѣми полезными познаніями. Шестнадцатилѣтняя Карипа, остроумная, нѣжная, прелестная, мыслила, какъ Платонъ, и цѣла, какъ Орфей.

При видѣ ея Софронимъ почувствовалъ шрепешъ и смущеніе, дополнивъ ему неизвѣстные; пощупилъ глаза и молчалъ. Аристей, думая, что такое смущеніе

происходить отъ уваженія къ его сану, старался ободрить художника ласковыми словами. „Покажи намъ, сказалъ онъ ему, лучшую изъ твоихъ спашуй: всѣ хвалятъ твои дарованія.“ — Ахъ! опивчаль Софронимъ, я осмѣлился сдѣлать изображеніе Венеры, кошорымъ до сихъ поръ былъ доволенъ; но теперь вижу, что надобно его передѣлать.—При сихъ словахъ открылъ онъ свою Венеру и взглянулъ на Карипу. Карипа поняла слова его, сморгла на спашую и думала о художникѣ.

Полюбовавшись произведеніями рѣзца Софронимова, Аристей вышелъ и обѣщаль придти къ нему въ другой разъ. Карипа поклонилась ему съ прелестною улыбкою, и бѣдный Софронимъ въ первый разъ еще замѣшилъ, что онъ остаещя одинъ.

Въ эпошъ вечеръ онъ уже не читалъ Гомера, а думалъ о Карипѣ. На другой день, вмѣсто того, что бы работать, ходилъ по городу въ надеждѣ увидѣшь Карипу; увидѣлъ ее—и лишился покоя и охоты заниматья: недоконченныя спашуи стояли въ его рабочей.

Помышляя безпреосанно о Карипѣ, проводилъ онъ все время въ циркахъ, въ публичныхъ мѣстахъ, на гуляньяхъ. Если встрѣчалъ ее, то возвращаясь домой, думалъ только о ней; если же не видалъ, то искалъ способовъ увидѣться съ нею.

Слава его, отличные его достоинства открыли наконецъ ему входъ въ домъ Аристеея. Онъ поговорилъ съ Карипой—и влюбился еще болѣе. Но какъ осмѣлишься объявить ей любовь свою? Какимъ образомъ молодой ваятель, безъ имѣнія, безъ родителей, могъ помышлять о женибѣ, самой выгоднѣйшей въ городѣ? Карипа была столь богата, что бѣдному человѣку не позволялось примѣчать красоту ея. Софронимъ зналъ все это очень хорошо, былъ увѣренъ, что погубишь себя, если опроедешься; но онъ хотѣлъ опкрыться, или — умереть; написалъ къ Карипѣ, и нѣжное, спрашное, почтительное письмо свое ввѣрилъ одному изъ невольниковъ Аристеея, отдавъ ему все, что получилъ за свои спашуи. Невольникъ вмѣсто того, что бы отдашь письмо Карипѣ, опнесъ

его къ отцу ея. Аристей, прогнѣвленный дерзосію Софронима, въ первый разъ употребилъ во зло власшь свою, обвинилъ его предъ Совѣтомъ въ преступленіяхъ, которыхъ онъ совсемъ не сдѣлалъ и заставилъ изгнать изъ города.

Несчастный съ неперпѣніемъ ожидалъ опивѣта невольника — и получилъ приказаніе оставишь Милешъ. „Я заслужилъ свою учасшь—воскликнулъ онъ, думая, что оскорбленная Карипа сама спаралась объ его изгнаніи — я заслужилъ свою учасшь; но не раскаяваюсь въ томъ, что ея заслужилъ. О боги! — содѣлайте Карипу благополучною и соберите надъ моею головою всѣ несчастія, могущіе возмутишь спокойствіе дней ея.“ Не жалуясь на жестокость судей, пошелъ онъ печально въ гавань и сѣлъ на корабль, отправлявшійся въ Крипъ.

Хотя Аристей и скрылъ отъ Карипы насшоящую причину изгнанія Софронимова, но она сама ее опгадала: чиншала въ глазахъ Софронима то, что не осмѣлилась бы прочесть въ письмѣ его—и пролила нѣсколько слезъ въ вос-

помянаніе того, кто сдѣлался несчастнымъ пошому только, что любилъ ее. Но она была слишкомъ молода, забыла его очень скоро, и спокойный Арисней хопѣлъ уже выдать ее замужъ, какъ неожиданное происшествіе повергло весь Милетъ въ уныніе.

Лемносскіе морскіе разбойники напали на часть города, и прежде, нежели вооруженные граждане успѣли ихъ выгнать, они уже ограбили храмъ Венеры и унесли даже самую ошапую богини. Эта шапуга была Палладіумъ Милеша: съ нею соединялось благополучіе его гражданъ.

Вспревоженный народъ отпраляетъ нарочныхъ въ Дельфы, что бы спросить Аполлона. Оракуль отвѣчалъ, что Милетъ до полѣ не будетъ въ безопасности, пока новая шапуга Венеры, споль же прекрасная, какъ сама богиня, не замѣнитъ похищенной.

Милешяне немедленно объявляютъ по всей Греціи, что прелеснѣйшая изъ ихъ дѣвъ и чепыре золопыхъ шаланша будетъ наградою художнику, кошорый исполнитъ повелѣніе оракула. Многіе

славные ваятели привозящъ свои произведенія; выставляющъ ихъ на площади; Градоначальникъ и народъ удивляющъ имъ; но какъ скоро поставящъ спасую на жертвенникъ, пошчасъ невидимая сила опрокидываетъ ее. Опчаянные Милепяне начинающъ сожалѣть о Софронимѣ и шребующъ, чшо бы судьи, изгнавшіе сего художника, непременно ошыскали его.

Самъ Ариспей принужденъ былъ освѣдомляшся о караблѣ, на которомъ отправился несчастный изгнанникъ: посылаетъ въ Кришъ и узнаетъ, чшо корабль сей попунулъ со всемъ экипажемъ, недалеко отъ острова Наксоса.

Раздраженный народъ обвиняетъ Градоначальника въ томъ, чшо онъ по неосторожности своей допустилъ варваровъ выдти на берегъ, и чшо безвинно изгналъ Софронима. Ропощъ скоро превращается въ возмущеніе: толпы ожесточенныхъ гражданъ спремаяся къ дому Ариспея, окружающъ его и выламываютъ двери. Ни слезы, ни вопли, ни мольбы Кришны не могутъ спасши ошда ея: схватываютъ его, заключающъ

въ оковы и влекушь въ темницу. Народъ присудилъ ему пребыть въ ней до пѣхъ цорь, пока не будетъ послана новая спашуя на жертвенникъ Венеры.

Ощчаянная Карита хочеть ѣхашь сама въ Аѣины, въ Коринѣ и въ Фивы искашь художника, который бы могъ освободить опца ея. Но прежде принимаешь всѣ нужныя мѣры къ облегченію его участи: приспавляешь къ Ариспею для услугъ невольника, допомъ снаряжаешь корабль, наполняешь его сокровищами и отправляешься въ путь.

Въ первые дни плаванія все шло очень хорошо: вѣтры, казалось, ей покровительствовали; но вдругъ ужасная буря свращаетъ корабль съ пути и заставляешь кормчаго остановиться въ небольшомъ заливѣ, совершенно ему неизвѣстномъ.

Едва они бросили якорь, какъ буря утихла и солнце снова показалось; Карита вышла на берегъ, отдохнушь опъ труднаго путешествія. Сладкій сонъ, на мягкомъ дернѣ укрѣпилъ ея силы и заставилъ на минуту забыть всѣ горести. Но этотъ сонъ былъ непродолжи-

шелень: Карипа просыпается и видит, что невольники еще спяшь, не хочешь будишь ихъ. Одна, со своею горестію, прогуливается она по берегу и желая узнать сіе необитаемое мѣсто, переходишь скалы, ограждающія внутреннія части острова.

Вскорѣ представляется глазамъ ея прелестная долина, орошаемая двумя ручьями и усѣянная плодовитыми деревьями. Тогда были самые прекраснѣйшіе весенніе дни: всѣ деревья въ цвѣту; дождевыя капли висѣли на каждомъ почти листкѣ, и солнце, освѣщая ихъ своими лучами, осыпало всѣ растѣнія блестящими перлами. Бабочки, радуясь теплomu дню, летаютъ надъ правою; рой пчелъ жужжатъ надъ деревьями, но не смѣютъ садиться на цвѣты, боясь замочить прозрачныя свои крылышки. Соловей и зябликъ оглашаютъ эхо своими пѣснями, между тѣмъ какъ самки ихъ, помышляя объ одной любви, порхаютъ надъ долиною и найдя сухую пшавку успѣшно уносятъ ее въ гнѣздо.

Карипа любитъся симъ зрѣлищемъ и вздыхаетъ; спускается въ долину, и

проходя по лугу, примѣчаешь хижину, окруженную орѣшникомъ. Она пробирается сквозь кустарникъ и слышишь журчаніе ручейка, прошекающаго у дверей хижины. Скоро звуки лиры соединяются съ симъ приятнымъ шумомъ, и она слышишь нѣжный голосъ, поющій слѣдующіе стихи:

Въ минушу спрашцаго помленья
Я нравишься кошѣль любовію одной,
И за минушныя воспорги заблуденья
Плачу сердечною поской.

Такъ несчастливцевъ молодой
Пришворной спрасію Юноны обольщен-
ной,
Уже блаженспвовалъ душой воспламенен-
ной.

Уже объясія къ богинѣ проспираль .....
Но скрылся призракъ наслажденья,
Несчастнѣй—воздухъ обнималъ!

Я жершва жалкая опмищенья,
И горесши моей ни въ чемъ опрады
нѣшь;

Меня и смершь не упѣшаетъ:
Когда душа не умираетъ,
Ужель любовь моя умретъ?

Узнавъ голосъ Софронима, Карипа падаетъ въ обморокъ. Онъ слышишь

шумъ и прибѣгаешь, берешь ее въ свои объятія, смотришь и не можешь увѣришься въ своемъ благополучіи, опрыскиваешь лице ея холодною водою и такимъ образомъ приводишь въ чувство. Софронимъ стоишь на колѣняхъ и говоришь ей: „Каришу-ли я вижу, или богиню?“—Я дочь Ариспея, опивчаешь она, отецъ мой въ опасности, и одинъ только ты можешь спасти его. — „Говори, говори! вскричалъ Софронимъ съ восторгомъ, что надобно дѣлать? Жизнь моя принадлежишь ему также, какъ и тебѣ.“ — Карита объявила ему услугу, которую могъ онъ оказать опечесиву и опцу ея. Въ то время, какъ она говорила, радость блистала на лицѣ Софронима.“ Успокойся, сказалъ онъ ей съ гордымъ видомъ, у меня есть спашуя, которая должна понравиться и богинѣ и гражданамъ вашимъ; она принадлежишь тебѣ; но я требую, что бы ты увидѣла ее не прежде, какъ въ храмѣ Милешскомъ.“—Дочь Ариспея согласилась, и Софронимъ рассказалъ ей, какъ онъ одинъ со своими орудіями спасся опъ кораблекрушенія, и на этомъ островѣ

нашелъ воду, плоды и мраморъ. Спокойный въ домикъ, который самъ себѣ построилъ, прудился онъ надъ спашую, ошъ коей зависѣло освобожденіе Аришея. „Посмотри, прибавилъ онъ, посмотри убѣжище, гдѣ я жилъ, безпрестанно думая о тебѣ.“

Карипа вошла съ нимъ въ его хижину. Вездѣ было написано имя Карипы, вездѣ вензель ея былъ переплечень съ вензелемъ Софронима. „Проспи, сказала ей художникъ, будучи одинъ на островѣ, осмѣлился я изображать свои чувства и не боялся изгнанія.“ При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ нѣжной Карипы, и почпи пожимая ему руку, сказала она дрожащимъ голосомъ: ахъ! это не я.... — Она не окончила, и смотря на спашую, которая была завѣшена покрываломъ и спояла на жертвенникѣ, прибавила: позовемъ невольниковъ, они опнесушь на корабль это изящное произведеніе; ты поѣдешъ со мною и что бы ни случилось, предчувствую, что мы болѣе не разстанемся.

Восхищенный Софронимъ осмѣлился поцѣловашь ея руку, и она не разсердилась. Идучи къ берегу, встрѣшили они невольниковъ, которые безпокоясь о продолжительномъ отсутствіи госпожи своей, искали ее по всему острову. Карипа приказала имъ, отнесши закрытую стѣпаную на корабль. Оставляя хижину, Софронимъ благодарилъ со слезами сельскія божества, покровительствовавшія ему въ семь убѣжищъ; положилъ орудія свои на жертвенникъ, посвятилъ ихъ богу Пану и вскричалъ, почтительно цѣлуя порогъ: „возвращусь сюда умереть, если не могу жить для Карипы!“ Тотчасъ сѣли на корабль и отправились въ Милетъ.

Переѣздъ былъ непродолжителенъ, къ счастью Карипы, которая не хотѣла бы признахся Софрониму въ любви прежде, нежели онъ освободитъ отца ея; но если бы они ѣхали долѣе, то художникъ былъ бы награжденъ симъ признаніемъ, не заслуживъ еще его. Благодаря скромности Карипы, почтительности Софронима, а всего болѣе, поупитному вѣпру, приѣхали они въ

Милешъ споль же благополучно, какъ и отправились съ острова.

Имя Софронима привело въ восторгъ жителей Милешскихъ. Обрадованный народъ собирается на площади и рѣшаетъ, что привезенная имъ статуя не должна быть подвержена разсмотрѣнiю и суду градоначальниковъ. Толпы спекаются во храмъ; прѣпещущая Каритта слѣдуетъ за Софронимомъ, передъ кошорымъ несутъ завѣшенную статую; онъ спавитъ ее на жертвенникъ — и статуя не падаетъ. Онъ открываетъ ее, и всѣ узнаютъ черты Кариты. Влюбленный ваятель изобразилъ ее въ видѣ Венеры. Черты ея споль сильно впечатлѣны были въ его сердце, что онъ не имѣлъ нужды въ образцѣ, и сдѣлавъ ея изображение, исполнилъ повелѣнiе оракула, кошорый пребовалъ, что бы статуя была споль же прекрасна, какъ сама богиня.

Венера принимаетъ приношенiе и объявляетъ чрезъ своего Первосвященника, что оракуль исполненъ. Народъ испускаетъ радосные крики, окружаешь Софронима и спрашиваетъ его,

чего онъ хочешь за свою услугу? „Освободите Арисшея, и я щедро буду награжденъ.“ Всѣ бѣгутъ въ пещицу; Кариша снимаетъ съ опца оковы, обнимаетъ его, говоритъ о своемъ благополучіи и пошупляетъ глаза всякой разъ, какъ произносишь имя Софронима. Благодарный Арисшей зоветъ своего избавителя, бросается въ его объятія, орошаетъ его слезами и говоритъ ему: „Другъ мой, я виновата передъ тобою; но она загладишь мое пресупленіе.“ При сихъ словахъ онъ соединяетъ руки любовниковъ. Народъ радостными кликами изъясляетъ свое одобреніе; всѣ счастливы ихъ благополучіемъ; и Софронимъ съ Карисшою клянутся въ вѣчной вѣрности у спашуи, кошорая споль хорошо доказывала красоту Карисшы и любовь ея супруга.

Изъ Флоріановыхъ Nouvelles—А. Откинъ,

ЛЮДИ НОЧЬЮ.

(Вольный переводъ съ Франц.)

Ониправляясь въ концѣ 1769 года изъ Каира въ Суецъ, приспалъ я къ каравану, который большею частію состоялъ изъ свишы и обоза богатаго Турецкаго купца, ѣхавшаго на богомолье въ Мекку. Ему было лѣтъ около шестидесяти; онъ имѣлъ прѣкрасный нравъ и разумъ, украшенный познаніями, приобрѣщенными во время частыхъ и продолжительныхъ путешествій. Али - Монгуль (такъ назывался онъ), проживши полтора года въ Еддо, столицѣ Японіи, познакомился тамъ съ однимъ Бонзомъ, отъ котораго, по словамъ его, получилъ подарокъ безцѣнный. Съ перваго дня нашего путешествія онъ просилъ меня раздѣлить съ нимъ его столъ и палатку и во всю дорогу ласкалъ меня какъ нельзя болѣе. Вскорѣ по приѣздѣ въ Суецъ получилъ онъ прилипчивую болѣзнь и чрезъ чешыре дня былъ уже при смерши; но зараза меня не успрашила и я не переставалъ ходить за нимъ до

послѣдней минушы. Другъ мой, ска-
 залъ онъ мнѣ въ самый день своей смер-
 ши, я хочу оставитьъ тебѣ слабый
 знакъ моей благодарности, и для того
 отослалъ къ тебѣ четырехъ невольни-
 ковъ съ двумя Арабскими лошадьми и
 тремя верблюдами, навьюченными всемъ,
 что можешь тебѣ пригодиться въ вре-
 мя дороги; теперь прошу тебя, въ
 знакъ памяти, принять волшебный
 инструменъ, подаренный мнѣ Япон-
 скимъ Бонзомъ. Посредствомъ этихъ
 очковъ зрѣніе можешь пронизать тѣла
 непрозрачныя; они имѣютъ свойство
 приближать предметы и звуки такимъ
 образомъ, что надѣваяющій ихъ видитъ
 и слышитъ все происходящее за стѣ-
 ною; но замѣть, что инструменъ сей
 дѣйствуетъ только ночью, въ продол-
 женіи двухъ мѣсяцовъ, въ которые солн-
 це проходитъ знаки Козерога и Водолея,
 и что при нѣкоторыхъ обстоятель-
 ствахъ стекла темнѣютъ и предметы
 исчезаютъ.“ Съ трудомъ произнесъ сло-
 ва сіи Али-Монгуль замолчалъ, подалъ
 мнѣ очки и умеръ, пожимая мою руку.

Занимаясь болѣе его положеніемъ, нежели словами, копорые почипалъ дѣйствіемъ болѣзни, принялъ я подарокъ, какъ знакъ дружбы, нисколько не думая объ его таинственныхъ свойствахъ. Долгое время не приходило мнѣ на мысль воспользоваться ими, какъ въ одинъ вечеръ, (разспаваясь съ женщиною, въ копорую я былъ влюбленъ по уши и копорая жила прошивъ меня) вздумалось мнѣ посмопрѣть на ея окна въ Бонзовы очки, попавшіеся тогда мнѣ подъ руку: сначала мнѣ показалось, что я вижу ясно все, что въ домѣ происходишь; но черезъ минушу онъ покрылся шуманомъ; я почель все это дѣйствіемъ воображенія, спряпалъ ихъ въ фушляръ и не вынималъ сорокъ лѣтъ. Нѣсколько дней назадъ, искавши нѣкопорыхъ бумагъ, нечаянно нашель я эпопѣ шалисманъ; онъ привелъ мнѣ на память мое путешествіе, добраго Али-Монгула, копорого дружбою такъ недолго я пользовался, и думая о словахъ, сказанныхъ имъ при вѣчномъ разспаваніи, вершѣлъ ихъ въ рукахъ, навелъ нечаянно на окна прошившоспоящаго дома и къ удивленію моему

увидѣлъ все, что въ немъ дѣлалось. Я смотрѣлъ на всѣ часши его и будучи увѣренъ, что въ эщопъ разъ не ошибался, рѣшился разсмаширивать все по порядку.

Обозрѣніе свое началъ я съ нижняго эшажа, въ которомъ находился магазинъ. Хозяинъ заперъ уже дверь и со свѣчею въ рукахъ осматривалъ замки и окна, а молодая служанка разсѣпилала въ углу войлокъ. Гнъ Лефевръ началъ шушишь съ нею, а она, веговоря ни слова, показывала ему на полъ. Тупъ на спеклахъ очковъ моихъ появилось нѣсколько пышнышекъ; но онѣ топчасъ исчезли, когда Гжа Лефевръ, изъ другой комнашы, закричала мужу грознымъ голосомъ, что бы онъ скорѣе шелъ къ ней.

Посмотрѣвъ нѣсколько времени въ спорону, опяшь обратился я къ магазину и увидѣлъ тамъ ужасную ссору. Гжа Лефевръ сидѣла на постели, Г. Лефевръ вѣшалъ на гвоздь парикъ—и оба бранились; дѣло шло о платкѣ, которой она приняла опъ кума; мужъ находилъ, что подарокъ слишкомъ дорогъ и надѣвая колцакъ бормошалъ сквозь зубы; супру-

гѣ это не понравилось; она начала шумѣшь, а потомъ (по обыкновенію женщинъ) плакать; мужъ испугался, началъ раскаяваться, просить прощенія; но я не знаю, чѣмъ кончилась супружеская размолвка потому, что въ самомъ пылу ссоры очки мои попустили.

Что бы очистишь стекла, навель я ихъ на средній этажъ, занимаемый однимъ изъ нѣхъ дѣловыхъ людей, которыхъ называютъ ростовщиками потому, что они лучше всѣхъ знаютъ цѣну своимъ деньгамъ. Въ концѣ длиннаго ряда великолѣпныхъ комнашь, увидѣль я Г. Н. сидящаго у прекраснаго цилиндрическаго секретарчика и записывающаго въ книгу вещи, взяшья имъ въ закладъ. Посмотрѣвъ нѣсколько разъ на часы, не зналь онъ, кажется, что ему дѣлать и потомъ позвонилъ; слуга, спавшій въ ближней комнашь вошелъ; Г. Н. сдѣдалъ ему знакъ, который я поняль очень хорошо, и отправилъ въ комнашу жены своей.—Я не видалъ ничего милѣе Гжи Н. и не могу вообразить себѣ комнашы, прекраснѣе ея спальни. Она смущилась, когда мужъ вошелъ къ ней, но

ободрилась, какъ скоро началъ онъ жаловаться на головную боль, сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ, и ушелъ, поцѣловавши у ней ручку. Тотчасъ явились двѣ горничныя; одна изъ нихъ начала раздѣвать прелестную госпожу свою, которой всѣ движенія изъявляли нещепливость, а другая оправила занавѣсы, повѣшенныя вокругъ постели, стоящей подъ зеркальнымъ сводомъ, положила нѣсколько книгъ на *солно* и зажгла ночную лампу въ алебастровой вазѣ: госпожа легла, служанки ушли и я хотѣлъ сдѣлать поже, какъ вдругъ, сквозь легкій шуманъ, копорымъ очки мой покрылись, увидѣлъ, что она вспала съ постели, заперла свою комнату, отворила малѣнькую дверь, закрышую обоями.....

Красавицы, одной съ Прелестой масши!
Не ахайше объ ней...

я не видалъ болѣе ничего; къ сожалѣнію шуманъ сгустился—и чершого Арמידы исчезъ.

Наверху жилъ старый Нотариусъ съ женою; у нихъ въ эпошъ день была

ассамблея въ воспоминаніе свадьбы ихъ, случившейся тридцать лѣтъ назадъ: госпи разѣхались, слуга шушилъ свѣчи на кирпичныхъ споллахъ, служанка сплала постель, а почтенная супруга завивала посѣдѣвшіе волосы своего Адониса; потомъ надѣвши спальной чепецъ на сорокапятилѣтнюю свою голову, легла въ постель: мужъ за нею послѣдовалъ и между ими начался разговоръ, копорой совершенно запимилъ спекла очковъ моихъ и принудилъ: обратишь ихъ на другую половину эпажа.

Молодая женщина, самой привлекательной, милой наружности сидѣла у камина и шила; дочь ея лѣтъ тринадцати, вязала чулокъ и качала ногою колыбель маленькаго своего брата. Посрединѣ комнапы находился споль, на копоромъ были накрышы при прибора; дѣвушка поставила кушанье. „Теперь уже часовъ двѣнадцать, сказала дама, а онъ все еще неидеть. Вѣрно съ нимъ что-нибудь случилось.“ — Вы знаете, маминька, что онъ приходилъ иногда гораздо позже; а.....Слышите ли? кажеться, звоняшь; я увѣрена, что это пациентъ

ка.,—Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько минушь, я увидѣлъ человѣка лѣтъ со-рока, виднаго изъ себя, но съ лицомъ блѣднымъ, съ разщепанными волосами. Съ шумомъ отворилъ онъ дверь, съ до-садою бросилъ шляпу и палку на спуль, и угрюмо отвѣчалъ на ласки жены и дочери. Дама спрашиваетъ его робкимъ голосомъ: будетъ ли онъ ужинашь? Онъ прясеть головой и раздѣвается, не го-воря ни слова. Несчастливая, со слезами на глазахъ, говоритъ дочери, чпобъ она ужинала одна; бѣдная дѣвушка, вмѣсто отвѣта, цѣлуешь у отца руку, обни-маешь мать съ выраженіемъ, которое описашь не возможно, зажигаетъ ноч-ную лампу и уходитъ въ другую ком-нату. Не трудно мнѣ было угадать, чпо эшошь человѣкъ-игрокъ и принесъ домой все неудовольствіе, всю досаду несчас-ливаго вечера. Крошкая его подруга помолилась Богу, поставила колыбель между двумя кроватями, легла и начала говорить съ мужемъ голосомъ спошь приятнымъ, спошь утѣшительнымъ, чпо не удивительно, если я ничего болѣе не видалъ, сквозь слезы, навернувшіяся на глазахъ моихъ.

Ночь была холодна, и хотя мнѣ весьма хотѣлось бы продолжать свои ка-
шопприческіе наблюденія; но я очень чувствоваль, что пора подвинуться къ камину. Опходя опъ окна, я еще разъ посмопрѣлъ на весь домъ съ верху до низу; но не видалъ ничего: густой шуманъ покрываль всѣ его части, исклю-
чая одного свѣшлаго уголка, гдѣ пол-
стѣй Ипаліанской музыканшъ напѣваль въ просонкахъ Арію: *Ombre adorata* изъ Оперы: *Ролео и Юлія*.

А. Откинб.

~~~~~

СЦЕНЫ ИЗЪ ШИЛЛЕРОВОЙ ТРАГЕДІИ:
ДОНЪ КАРЛОСЪ *)

Дѣйствіе II.

(Кабинетъ Принцессы Эболи.)

Явленіе 7.

Принцесса одѣтая прекрасно, но просто играетъ на арфѣ и поетъ. Входитъ Пажъ Королевы.

Принцесса (быстро вскакиваетъ).
Онъ идешь!

*) Чисано въ дружескомъ Обществѣ С. Д. П.
16 ч. Ноября.

Пажъ (*торопливо*). Вы еще однѣ? Мнѣ удивительно, что его до сихъ поръ нѣтъ здѣсь; однако онъ долженъ придти сію же минушу.

Принц. Придетъ? Спало бытъ это и его желаніе—спало бытъ рѣшено—

Пажъ. Онъ пошелъ въ слѣдъ за мною. Принцесса, вы любимы—любимы шакъ, какъ никшо не могъ, никшо не можешъ бытъ любимымъ.

Принц. (*съ нетерпѣніемъ тащитъ его къ себѣ*). Скорѣ! Ты говорилъ съ нимъ? Чшожь? Чшо сказалъ онъ? Какъ принялъ это? Въ замѣшательствѣ, недовѣрчиво? Угадалъ шу, которая послала ему ключъ? Скорѣжь, я хочу все знашь! Или не угадалъ онъ? Или въ минушу, безъ размышленія рѣшился? Или обманулся въ своихъ догадкахъ? Или—скорѣжь, говорю я. Ты ни слова не опвѣчаешъ мнѣ. Спыдись: ты стоишь, какъ пень! Такъ несноснымъ я никогда тебя не видала!

Пажъ. Дайшежь мнѣ выговоришь, Принцесса! Я опдалъ ему ключъ и записку въ приемной у Королевы. Какъ скоро онъ услышалъ, что я посланъ

опъ женщины — изумился и быспро
смотрѣль мнѣ въ глаза.

Принц. Изумился? Хорошо! Я ожидала — Далѣе, говори же.

Пажб. Я хотѣль говорить еще, но онъ весь поблѣднѣль, вырвалъ письмо изъ моихъ рукъ, грозно смотрѣль на меня, и сказалъ: я все знаю. Письмо читалъ онъ въ оцѣпененіи, но вдругъ зашрепешадъ.

Принц. Онъ все знаетъ? Онъ знаетъ все? Онъ сказалъ это?

Пажб. И спросилъ меня три, четыре раза, сами ли вы, почто ли вы сами послали меня съ письмомъ?

Принц. Самали я? Такъ онъ произнесъ мое имя?

Пажб. Имя? — нѣшь, онъ не называлъ васъ. Здѣсь могушь насъ подслушашъ, сказалъ онъ, могушь донести Королю.

Принц. (сбъ изумленіемъ). Онъ сказалъ это?

Пажб. Для Короля очень важно, сказалъ онъ, очень важно извѣстіе объ этомъ письмѣ.

Принц. Для Короля? Хорошо ли слышала? Для Короля? Точно ли шѣми словами онъ изъяснился?

Пажъ. Точно шакъ. Онъ называлъ это самую опасною шайною, и осперегалъ меня, строга приказывалъ мнѣ осперечься, что бы Король не могъ имѣшь и малѣйшаго подозрѣнія.

Принц. (по нѣкоторомъ размышленіи, съ большимъ удивленіемъ). Такъ почто — не можешь бышь иначе — онъ долженъ знаешь эту исторію. — Непонятно! Кто бы могъ открыть ему? — Кто? Я спрашиваю кто? Комужь видѣшь шакъ быстро, шакъ проникательно, кому, какъ не любви? — Но далѣе! далѣе! Чпожь? Онъ прочель записку...

Пажъ. Въ этой запискѣ, сказалъ онъ, заключаешся счастье, отъ котораго онъ долженъ прешешъ, которое никогда ему и не мечшалось. Далѣе говорилъ онъ о ключѣ — какъ вдругъ вошелъ Герцогъ и принудиль насъ...

Принц. (съ досадою). Герцогъ? Боже мой! что шамъ дѣлать Герцогу? Чпожь говорилъ онъ о ключѣ? Не шоропись же, рассказывай все подробно, добрый Генарець! ты никогда не бывалъ шакъ въпрень. Онъ сказалъ — ну! Чпожь онъ сказалъ?

Пажб. Эшошь ключь, сказаль онь, ведешь къ раю.

Принц. Гдѣжь онь, гдѣжь онь шеперь? Почему медлишь? Зачемь нейдешь онь? Видишь ли, какь ты обманулся? Въ эшо время, какь ты разсказываль, онь могь бы уже наслаждашься темь счасшiemь, копорого-какь ты говоришь-ожидаль онь.

Пажб. Я думаю, не Герцогь ли...

Принц. Опяшь съ швоимь Герцогомь? Чего шому здѣсь хочешся? Какая нужда ему до моего крошкаго наслажденія? Онь могь бы его оставишь, выслашь ошь себя—и съ кемь бы не лъзя было эшого сдѣлашь? О! Принць швой шакже мало разумѣешь любовь, какь мало понималь онь, казалось, сердца женщины. Онь не знаешь, что шакое одна минуша—Тише, шеше! Я слышу—эшо онь. Прочь! Эшо Принць!

(Пажб уходитъ.)

Выдь, выдь скорѣе.—Гдѣ арфа? Онь должень изумишь меня.—Пѣніе мое подасшь ему знакь.

Явленіе 3.

Принцесса и вскорѣ потомъ Донъ Карлосъ.

Принцесса бросается на роскошный диванъ и поетъ.

Карлосъ (входитъ послѣшно, узнаетъ Принцессу и останавливается, какъ громомъ пораженный). Боже мой! Гдѣ я?

Принцесса (роняетъ арфу. Идетъ къ нему на встрѣчу). А! Принцъ Карлосъ! Въ самомъ дѣлѣ, эпо онъ!

Карл. Гдѣ я? Злѣйшій обманъ! — Я не шуда зашелъ.

Принц. Какъ хорошо замѣчаешь Карлосъ шѣ комнаты, гдѣ надѣешься найши женщину безъ свидѣтелей.

Карл. Принцесса! — извинише меня, Принцесса! — Я — передняя была опперта.

Принц. Возможно ли эпо? Мнѣ кажешся, я сама заперла ее.

Карл. Вамъ шакъ кажешся, шакъ шолько кажешся — но увѣряю! Вы, ошибаешесь. Хопѣли заперешь, шакъ, я согласенъ, эпо бышь можешь. Но заперли? Нтъшъ, навѣрно не заперли. Замокъ, наружный замокъ, или внутренній за-

мокъ, кошѣль я сказахъ: да внушренній замѣкъ былъ точно запертъ—въ эпомъ нѣтъ сомнѣнiя!

Принц. Внушренній? И при всемъ помъ вы вошли сюда? Какъ же вы ухитрились? Въ самомъ дѣлѣ, эпо странно! Поучише и меня..

Карл. Ничего нѣтъ натуральнѣе, ничего легче; потому что къ счастью—къ несчастiю, думалъ я, былъ у меня ключъ кошорый совершенно подошелъ. Случай привлекъ меня сюда—я услышалъ, что играхъ—играють на арфѣ. Развѣ здѣсь не играли? (*осмѣтриваясь сомнительно*) Да, точно! вонъ еще и арфа лежишь тамъ. А я—я шакой охотникъ до музыки—я былъ внѣ себя, не помнилъ самаго себя, бросился въ кабинетъ, что бы увидѣшь, что обворожилъ меня такими сладостными звуками.

Принц. И такъ любопытство, одно любопытство—однако оно очень скоро удовлетворено было. Не правда ли?—(*По нѣкоторому молганiю значительно*) Какъ не уважать такого скромнаго человека, кошорый, что бы пощадишь свѣдливость женщины, пускается самъ на обманы!

Карл. (искренно). Принцесса, я сама чувствую, что только порчу то, что должно поправиться. Избавьте меня отъ такой роли, къ которой я вовсе не способенъ. Вы искали въ этой комнатѣ убѣжища отъ цѣлаго свѣта. Вы хопѣли здѣсь, въ отдаленности отъ людей, наслаждаться крошккими желаніями вашего сердца. Явился я, сынъ злосчастія, и въ мигъ улепѣли сладостныя мечты. — За это долженъ я наказатъ себя самымъ поспѣшнымъ удаленіемъ. *(хочетъ идти.)*

Принц. (въ изумленіи, но вскорѣ опять пришедъ въ себя). Принцъ! — о это жестоко!

Карл. Принцесса — я понимаю что этотъ взоръ въ этомъ кабинетѣ значить долженъ. Я слишкомъ уважаю это безпорочное замѣшательство. Горе тому, кто ободряется спыдливостію женщины! Я очень застѣнчивъ, когда вижу прелесть невинности.

Принц. Возможно ли? Такая безпримѣрная скромность въ молодомъ человѣкѣ и еще въ сынѣ Короля! Теперь, Принцъ — теперь должны вы со мною

остаться; теперь я сама прошу о помъ: при такихъ добродѣтеляхъ исчезаетъ опасеніе каждой дѣвушки. Этого бы изъ тысячи не сдѣлалъ ни одинъ, когда бы его привелъ въ искушеніе ключъ, который такъ счастливо пришелся къ двери. Но оставимъ эти шуточки. — Знаете ли, Принцъ, что внезапное появленіе ваше испугало меня тогда, какъ я играла одну изъ любимѣйшихъ своихъ арій (*она ведетъ его къ софѣ и беретъ арфу*). Эту арію должна я сыграть еще разъ и, вы, въ наказаніе, должны будете слушать.

Карл. (*садится довольно принужденно подлѣ Принцессы*). Для такого наказанія можно бы желать и еще разъ быть виноватымъ. Въ самомъ дѣлѣ содержаніе аріи такъ было мнѣ приятно, такъ обворожительно, что я готовъ бы и въ претій разъ ее выслушать.

Принц. Какъ? Такъ вы всю ее слышали? Можно ли Принцъ? Это ужасно! Мнѣ кажется, будто бы дѣло шло о любви?

Карл. Если я не ошибаюсь, о самой счастливой любви—прекраснѣйшей шекспъ въ прекраснѣйшихъ усахъ;

однако, кажется, не столько справедливо выраженный, сколько прелестный.

Принц. Не столько! Не столько справедливый?—Такъ вы сомнѣваетесь?

Карл. (серьёзно). Я почти сомнѣваюсь, могутъ ли Карлъ и Принцесса Эболи понимать другъ друга, когда дѣло идетъ о любви—

(Принцесса въ изумленіи; онъ замѣчаетъ это и продолжаетъ нѣсколько нѣжнѣе.) Почему что, повѣришь ли кто эшимъ розамъ на щекахъ, что спросишь буншуетъ въ этой груди? Можешь ли Принцесса Эболи опасаться, чтобы вздохи ея были не услышаны, напрасны? Любовь чувствуешь только тогда, кто любитъ безъ надежды.

Принц. (совершенно съ прежнею веселостію). Перестаньте же! Это ужь слишкомъ! Въ самомъ дѣлѣ такая участь васъ, кажется, преслѣдуетъ—васъ, особенно сегодня.—

(Взявъ его за руку, съ вкрадливою нѣжностію). Вы что-то невеселы, добрый Принцъ! Вы страдаете—право, вы очень страдаете! Возможно ли это? Опъ чего же страдаетъ, Принцъ? При такомъ гром-

комъ призывѣ къ наслажденіямъ свѣта, при всѣхъ дарахъ роскошной природы, при такихъ неограниченныхъ правахъ на всѣ радости въ жизни, вы-сынъ великаго Монарха, и болѣе, гораздо болѣе, нежели эпо, еще въ самой колыбели одаренный достоинствами, которые ослѣпляютъ даже блескъ величія? Вы — который въ самомъ спрогомъ совѣщѣ женщинъ, находите подкупленныхъ судей — такихъ женщинъ, которыя даютъ самовластно невозвратный приговоръ достоинству и славу мужчинъ? Тотъ, кому надобно, лишь замѣтитъ, что бы побѣдите, кпо равнодушіемъ воспламеняешь, желаніемъ нравишься даришь, какъ райскими, небесными наслажденіями — человекъ, котораго природа для счастья миліоновъ, осыпала дарами, какими весьма немногіе похвалишься можешь, и эшошь человекъ самъ несчастливъ? — О небо! ты, которое всемъ, всемъ его наградило — для чего же плена покрываешь глаза его и преятшсшвуешь ему видѣшь его побѣды?

Карл. (который во все это время былъ погруженъ въ глубокайшую разсвѣн-

ность, вдругъ прилѣгаетъ молганіе Принцессы; это приводитъ его въ себя и онъ оправляется). Превосходно, неподражаемо, Принцесса! Прошу васъ, спойте мнѣ еще разъ эпопѣю пассажъ.

Принц. (смотритъ на него съ удивленіемъ). Карлосъ, гдѣжь вы были эпо время?

Карл. (вскакиваетъ). Да, въ самомъ дѣлѣ! Вы кспаша мнѣ напоминаете. — Я долженъ удалихся; долженъ поспѣшно удалихся.

Принц. (удерживая его). Куда же?

Карл. (въ ужаснѣйшей тоскѣ). Туда на свѣжій воздухъ. Выпустите меня — Принцесса — мнѣ кажешся, какъ будто за мною цѣлый свѣщъ пожираешся въ пламени —

Принц. (насилно его удерживая). Что съ вами сдѣлалось? Опъ чего эпопѣ дикій взоръ, эпо спранные, не нашуральное движеніе? —

(Карлосъ становится неподвиженъ и размышляетъ; она пользуется этою минутою, то бы посадить его опять на софу.)

Вамъ надобно успокоиться, любезный Карлосъ—ваша кровь бунтуесть—сядыте ко мнѣ—прочь всѣ мрачныя мысли! Еслибъ вы искренно спросили самого себя, знаете ли полно-это голова, что осягчаесть это робкое сердце? А еслибъ и знала—развѣ нѣтъ изъ всѣхъ кавалеровъ этого двора ни одного—изъ всѣхъ дамъ ни одной, кто бы могъ изцѣлить васъ—кто бы могъ понимать васъ; хощла я сказасть—нѣтъ, ни одной, изъ всѣхъ ни одной доспойной?

Карл. (бѣгло и не подумавши). Можеть бытъ, Принцесса Эболи—

Принц. (радостно и скоро). Въ самомъ дѣлѣ?

Карл. Дайте мнѣ просьбу—рекомендательное письмо къ моему отцу. Дайте—говорятъ, вы много у него значите.

Принц. Кто это говоришь? (А! такъ это подозрѣніе дѣлало тебя нѣмымъ!)

Карл. Вѣрояшно слухи ужь давно разнеслись. Я вздумалъ вдругъ ѣхать въ Брабантъ, что бы—проспо, что бы заслужишь свои шпоры. Но отецъ мой не хощетъ этого. Добрый отецъ мой

опасается — когда я буду командовать арміями, что бы не поспрадалъ ошъ того мой голосъ.

Принц. Карлось! Какъ неудачно вы ошпыгрываетесь! Признайшесь, эшимъ хипрымъ, змѣинымъ вымысломъ хопише вы ошъ меня ошдѣлашесь. Посмотрите на меня прямо, обманщикъ! Глазь къ глазу! Кто думаетъ только о геройскихъ подвигахъ—будетъ ли шощъ, признайшесь, буденъ ли шощъ до того унижатъ себя, что бы подхватывашъ украдкою лентшы, кошорыя пошеряны женщиною, и извинише меня—

(легонько распахивая его манжеты и взявъ бантикъ лентъ, который былъ подъ ними спрятанъ).

шакъ рачишельно сберегаетъ ихъ?

Карл. *(отскакивая съ изумленіемъ).* Принцесса!—нѣтъ, эшо уже слишкомъ!—Я обезоруженъ. Васъ не обманываютъ—Вы въ связи съ духами!

Принц. Эшому удивляетесь вы? Эшому? Держише ли закладъ, Принць — я оживлю въ памяти вашей и въ сердцѣ маленькіе происщесшвія, шакіе происщесшвія—Принць, попробуйше шолько

разспросилъ меня хорошенько. Когда и небольшія шалости, нѣмой звукъ, быспро промчавшійся въ воздухъ, улыбка, въ мигъ попушенная взоромъ задумчивости, когда даже и шѣ движенія, мины, въ кошорыхъ душа ваша не участвовала, когда ничто не миновало моего вниманія—судите, поняла ли я шеперь по, что вы сами хопѣди сдѣлашь поняшмымъ?

Карл. Въ самомъ дѣлѣ—вы много на себя берете. Держу закладъ, Принцесса! Вы общаете сдѣлашь опкрышя въ собственномъ моемъ сердцѣ—о кошорыхъ я самъ никогда не зналъ.

Принц. (сб прискорбіелѣ и серъзно). Никогда, Принцъ? Подумайте лучше. Осмотришесь хорошенько, Этошъ кабинешъ совсемъ не изъ шѣхъ комнащъ Королевы, гдѣ все таки иногда не худо прикрышъ себя маскою. — Вы изумляешесь? Опъ чего вдругѣ эшошъ пламень въ лицѣ?—Правда, кому вздумалось бышъ шакъ лукавымъ, шакъ дерзновеннымъ, шакъ непросшительнo вкрадчивымъ, что бы подсмапривашъ за Карлосомъ шамъ, гдѣ онъ почиаетъ себя совер-

шенно безопаснымъ? — Кому вздумалось замѣшпшь, какъ онъ на послѣднемъ придворномъ балѣ даму свою, Королеву, оставилъ и бросился неперпѣливо къ ближней парѣ, что бы подать руку, не своей августѣйшей дамѣ, а Принцессѣ Эболи? Маленькая ошибка, Принцъ, которую однако и Король, тогда вошедшій, не оставилъ безъ замѣчанія!

Карл. (съ ироническою улыбною). Даже и онъ! Ну право, добрая Принцесса, для него пусть нечего было замѣчать.

Принц. Конечно шакже какъ и въ той сценѣ, случившейся въ придворной церкви, которую Принцъ Карлосъ, вѣроятно самъ уже не припомнитъ.—Предъ образомъ Св. Дѣвы вы съ умиленіемъ молились, какъ вдругъ позади васъ зашумѣли плашья извѣстныхъ дамъ. И мужественный сынъ Донъ Филиппа въ одно мгновение запрепешалъ, какъ изувѣръ предъ иконою—на его поблѣднѣвшихъ устахъ замерла оправленная молишва;—въ пылу спроси—Принцъ, это было шакое прогашельное и вмѣстѣ шакое забавное зрѣлище—вы бросились на колѣна и осыпали поцѣлуями мраморное, бездушное подножіе образа.

Карл. Вы слишкомъ худо обо мнѣ думаете, Принцесса; эшо было просто изъ благочестія.

Принц. Хорошо, такъ я вамъ скажу чтонибудь другое—это было уже просто отъ страха, чшобъ не проиграть, когда Карлосъ съ Королевою и со мною сидѣлъ за карпючнымъ столомъ и съ удивительнымъ искусствомъ подцѣпилъ украдкою эту перчатку —

(Карлосъ, пораженный вскакиваетъ)

Однако онъ былъ такъ учтивъ, что скоро опять проигралъ ее вмѣсто каршъ.

Карл. Боже — Боже мой! — что я сдѣлалъ?

Принц. Ничего шакого, какъ я надѣюсь, что бы вы могли перемѣнить. Какъ радостно испугалась я, когда неожиданно попало мнѣ между пальцами письмо, кошорое вы шуда запрятали. Эшо былъ прелестнѣйшій романсъ, Принцъ, кошорый —

Карл. *(перерывая).* Опытъ Поэзіи! — Ничего болѣе. — Спранные порывы моего воображенія также скоро исчезающъ, какъ и рождающя. Вошь все! Перешагнемъ объ эшомъ.

Принц. *(въ величайшемъ недоумѣннн отходитъ отъ него и нѣсколько времени наблюдаетъ за нимъ издали).*

Я изнощилась — всѣ мои опыты скользятъ по змѣиногладкому равнодушію этого чудака.

(Помолдавъ нѣсколько минутъ)

Но что? Не уже ли это чудовищная гордоспъ, которая для того только надѣвала личину спыдливости, что бы шемъ сладоспнѣ себя позабавишь?— Не уже ли?—

(Приближается опять къ Принцу и смотритъ на него въ недоумѣннн)

Наконецъ, вразумише вы, меня, Принцъ, я спюю передъ очарованно-замкнушымъ шкапомъ, для котораго всѣ мои ключи обманчиво мнѣ измѣняютъ.

Карл. Какъ и я передъ вами.

Принцесса опять послѣшно его оставляетъ, проходятъ разъ взадъ и впередъ по комнатамъ и кажется размышляющею о гелѣ-то важномѣ. Наконецъ по долгомѣ молганнн, важно и торжественно:

Такъ пусть же будешъ это—я должна наконецъ рѣшишья говорить. Васъ избираю я своимъ судьєю. Вы человекъ

благородный - вы мужчина, Князь и Рыцарь. Я бросаюсь опчаянная на грудь вашу. Вы спасете меня, Принцъ; а если я безвозвратно погибла, вы примете живое участіе, вы будете обо мнѣ плакать.

(Принцъ подвигается ближе въ большелѣ ожиданіи, съ участіемъ и удивленіемъ)

Одинъ наглый любимецъ Монарха ищетъ моей руки—Руи Голецъ, Графъ Сильва. Король согласенъ, все кончено, я продана этой швари.

Карл. *(съ жаромъ перерывая).* Продана? Опять продана? И опять знаменимымъ выходцемъ южнаго края?

Принц. Нѣтъ, выслушайте прежде. Не довольно того, что жершвуюю мною полишкѣ, спавяшъ еще съпи моей невинности—вопъ! возьмите! Этопъ листокъ сорвешъ личину съ лицемъра.

(Карлосъ беретъ бумагу, но непрерывно и съ нетерпѣливостію слушаетъ, не находя времени, то бы прогестъ ее)

Гдѣ найду я спасеніе, Принцъ? Доселѣ гордость моя, она одна охраняла мою добродѣшель; но наконецъ—

Карл. Наконецъ вы покорились? Покорились вы? Нѣтъ, нѣтъ! ради Бога нѣтъ!

Принц. (гордо и благородно). Кому? Нищенское умничанье! Какъ слабо вымышлено сими высокими умами! Благосклонность женщины, счастье любви цѣнишь какъ шоварь, кошорый продается съ выгодою, или уступкою! Любовь, одна только любовь на всей окружности земли, не шерпишь никакого купца, кромѣ себя самой. Любовь есть цѣна любви. Она неоцѣненный алмазь, кошорый должна я подарить, или безъ наслажденія закопать въ землю—подобно тому великому купцу, кошорый не прельссясь Венеціанскимъ золошомъ и на посрамленіе земныхъ владыкъ, слишкомъ гордый, что бы уступилъ свои перлы ниже цѣны ихъ—предалъ ихъ снова богашому морю.

Карл. (Удивившись!) Я не замѣчалъ, чтобъ эта женщина была такъ прекрасна.)

Принц. Пусть называютъ это причудами — суешой; все равно! Я не раздѣляю моихъ наслажденій. Человѣку,

единственному, котораго я избрала, пому челоуѣку уступлю я за все—все. Я дарю однажды, но навсегда. Одного только сдѣлаешь любовью моя счастливымъ—одного—но эшоць одинъ вознесется въ обитель счастья и наслаждений. Восхищительное слияние душъ—поцѣлуй—сладостное помление пылкой страсти—очаровательность высокой красоты:—это родственныя краски одного луча, это листья одного и того же цвѣшка. И мнѣ, мнѣ отчаянной, подарить одинъ листокъ, оторванный отъ сего прелестнаго цвѣшка! Мнѣ самой изуродовать благородное величье женщины, великое, дивное произведение божества—что бы усладишь вечеръ какого нибудь сладостлюбца!

Карл. (Не вѣроятно! Какъ? Такую дѣвушку имѣлъ Мадридъ, и я—я узнаю эшо шеперь только?)

Принц. Давно бы оставила я дворъ, цѣлый свѣшъ—давно бы погребла себя въ священныхъ стѣнахъ монастыря; но одинъ только узелъ остаётся—одинъ, которой крѣпко привязываетъ меня къ сему свѣшу. Ахъ, можешь быть, призракъ! Но мнѣ споль сладостный! Я люблю и—нелюбима

Карл. (подходя къ ней—сб жаромъ).
Вы любимы, клянусь, вы любимы!

Принц. Вы клянешесь? Вы? О, это
голосъ моего Ангела! Да, если вы кляне-
шись въ эпомъ, Карлосъ! — я вѣрю — я
любима—

Карл. (нѣжно закладая ее въ свои объ-
ятія) Милая, неоцѣненная дѣвушка! Тво-
реніе, достойное всей нѣжности люб-
ви! Я сию обвороженный—слухъ мой,
глаза — все очаровано, все приведено въ
сладостное изумленіе. — Кто бы видя
тебя, кто бы подъ цѣлымъ небомъ видя
тебя, могъ похвалиться, что онъ не
любилъ? Но здѣсь, при дворѣ Филиппа?
— Чего ты прелестнѣйшая здѣсь ожи-
даешь? Чего здѣсь... Нездѣсь благословен-
ный край для такихъ обворожительныхъ
цвѣтовъ! Такъ они хотѣли сорвать его?
Да, они хотѣли — я очень повѣрю. — Но
нѣтъ! клянусь послѣднимъ вздохомъ сво-
имъ—нѣтъ! Я обхватю тебя рукой своей,
я на плечахъ своихъ перенесу тебя черезъ
всю адскую пучину! Дай мнѣ бышь тво-
имъ заснупникомъ, твоимъ Ангеломъ!

Принц. (со взоромъ, исполненнымъ
любви). О Карлосъ! какъ мало я васъ

знала! Какъ щедро, неограниченно награждаетъ ваше прелестное сердце за паяжкѣй прудъ постигнушь его.

(береть его руку и хочетъ поцѣловать ее)

Карл. (отнимая руку). Принцесса! гдѣ вы теперь?

Принц. (съ лукавствомъ и особою приятноію, смотря между тѣмъ на его руку). Какъ прелестна эша рука! Какъ богата она!— Принцъ, эшой рукѣ оснается еще сдѣлать два драгоценныхъ подарка—діадиму и сердце? Карлоса—и, можешъ бышь, оба одной смертной!— Одной! Великой, неоцѣненный подарокъ!— почти слишкомъ великъ для одной смертной!— Что, Принцъ, еслибъ вы рѣшились на раздѣлъ? Королевы любящъ худо—женщина, къторая можешъ любить, худо разумѣешъ, что такое корона— ишакъ лучше, Принцъ, если вы раздѣлите и теперь же, теперь же!— Но, можешъ бышь, вы уже избрали! Въ самомъ дѣлѣ избрали? О, шемъ лучше! И я знаю эшу счастливицу?

Карл. Ты должна знать. Тебѣ, одной шебѣ опкроюсь я— невинности, природѣ чистой, неизкаженной. При семь дворѣ ты достойнѣйшая, единственная,

первая, которая понимаетъ мою душу— да! я не отпорусь! я люблю!...

Принц. Злой человекъ! И такъ шажко споишь тебѣ признаніе? Тогда только я спала достойною любви, когда сдѣлалась достойною слезъ своихъ?

Карлъ. (въ изумленіи) Что? Это что?

Принц. Такъ далеко проспираешь недоумѣніе для забавы своей. О, это слишкомъ, Принцъ! Даже упаишь о ключѣ?

Карлъ. О ключѣ! (По нѣмомъ и мрачному размышленіи) Да, такъ — такъ точно — теперь только я замѣчаю — о, Боже мой! (Колѣна его подгибаются, онъ держится за стулъ, и закрываетъ лице; долгое молчаніе съ обѣихъ сторонъ).

Принц. (еромко вскрикиваетъ и падает). Что я сдѣлала? Ужасно!

Карл. (оправляясь, съ порывомъ глубокой горести) Такъ глубоко низведенъ съ превыспреннихъ небесъ! — О, это жестоко!

Принц. (скрывая лице въ подушку). Что открылось мнѣ? Боже!

Карл. (бросаясь передъ нею на колѣна). Не я виновенъ, Принцесса — спросишь

—бѣдственное недоумѣніе — передъ Богомъ! я невиновенъ!

Принц. (отталкиваетъ его). Прочь съ глазъ моихъ, ради Бога!—

Карл. Нѣтъ! Въ этомъ ужасномъ положеніи я не оставлю васъ.

Принц. (сильно его отталкивая). Изъ великодушія, изъ состраданія скройтесь отъ меня.—Развѣ хопите умершвильца? — Я не могу безъ ненависти глядѣть на васъ! (*Карлосъ хотѣтъ идти*) Письмо мое и ключъ возвратите мнѣ. Гдѣ же другое письмо?

Карл. Другое? Какое же?

Принц. Письмо отъ Короля.

Карл. (вдругъ изумившись). Отъ него?

Принц. Письмо, которое вы шеперь только у меня взяли.

Карл. Отъ Короля? И къ кому? Къ вамъ?

Принц. О небо! Какъ ужасно я себя запущала! То письмо. Мнѣ его дайше— скорѣе—я должна взять его обратно.

Карл. Письмо отъ Короля и къ вамъ?

Принц. Письмо! Именемъ всѣхъ священныхъ!

Карл. Которое должно было сорваться съ кого-то личину—это письмо?

Принц. Я умираю! Дайте его мнѣ!

Карл. Это письмо —

Принц. (въ отчаяніи ломая руки). Что ж осмѣлилась сдѣлать, безразсудная?

Карл. Это письмо — получено опть Короля?—Да, Принцесса, въ самомъ дѣлѣ это вдругъ все перемѣняетъ. Это (въ радости поднимая письмо вверхъ) неоцѣннѣнное—пѣжкое—роковое письмо, котораго всѣ короны Филиппа выкупить не въ состояніи, легки и незначительны—это письмо я у себя оставлю. (онъ идетъ)

Принц. (заграждая ему путь). Всемогущій Боже! я погибла!

Явленіе 9.

Принцесса одна.

(Она стоитъ еще неподвижна, внѣ себя; когда уже онъ вышелъ, она бѣжитъ опять за нимъ и хочетъ призвать назадъ)

Принцъ! еще одно слово! Принцъ! послушайте!—Онъ ушелъ!—Еще ударъ! Онъ презираетъ меня — здѣсь стою я въ ужаснѣйшемъ уединеніи—оставлена; опшвергнуша—(падаетъ на стулъ.—По нѣкоторомъ молчаніи) Нѣтъ; вышѣсне

на полько, выпѣснена соперницею. Онъ любить! Нѣтъ болѣе сомнѣнія! Онъ самъ признался. Но *кто* эта счастливица? Сколько догадываться можно — онъ любить, кого ему любить не должно. Онъ спрашивается всякаго опкрыпія. Опъ Короля кроется его спросить — для чего же опъ него, когда онъ самъ того же даешь? — Или не опецъ ли по, чего онъ въ опцѣ спрашивается? Когда раскрылось предъ нимъ сладострасное намѣреніе Короля — тогда оживились чершы лица его, тогда радостно восклицалъ онъ, какъ упоенный блаженствомъ... Опъ чего шупъ онѣмѣла спрогая его добродѣшель? Опъ чего шупъ? именно шупъ? — Чпо можетъ онъ опъ того выиграшь, если Королева...

(Внезапная мысль не даетъ ей договорить. Въ одно мгновеніе срываетъ она съ груди бантъ изъ лентъ, который взяла у Карлоса, смотритъ на него быстро и узнаетъ его.)

О, я испугленная! Теперь наконецъ, шеперь — гдѣ былъ мой разумъ? Теперь опкрываюшся глаза мои — очи прежде еще любили другъ друга, нежели Король

женился на ней. Никогда безъ ней Принцъ не видалъ меня. — Такъ она, она была виновницей шамъ, гдѣ такъ неограниченно, такъ горячо, такъ искренно почитала я себя обожаемой? О лукавство безпримѣрное! И ей открыла я свою слабость! —

(Молчаніе)

Чтобъ онъ любилъ совершенно безнадежно — не могу повѣришь. Потому — безнадежная любовь не успоишь противъ такихъ бореній. Смогнѣшь сквозь пальцы шамъ, гдѣ блистательнѣйшій на землѣ Монархъ опдаешся неслыханному поруганію — нѣшь, такой жертвы безнадежная любовь не приноситъ. Какъ пылокъ былъ поцѣлуй его! Какъ нѣжно жаль онъ меня въ своихъ объятіяхъ! Какъ нѣжно прижалъ къ бьющемуся своему сердцу! — Такой опышь былъ ужь слишкомъ дерзокъ для романической вѣрности, когда она не должна быть взаимна — онъ взялъ ключъ, который по догадкѣ его, прислала къ нему Королева — онъ повѣрилъ этому исполинскому поступку любви — и пришелъ, и дѣйствительно пришелъ — такъ онъ почи-

шаешь жену Филиппа способною къ такой неисповой рѣшимости. — Какъ могъ бы онъ, еслибъ его не ободрили къ тому другіе, важнѣйшіе опыты? Это ясно, ясно какъ день. Онъ услышанъ. Она любитъ! клянусь, она, эта свяшая, неравнодушна! Какъ лукава она! — Я претепшала, я сама претепшала предъ возвышенными, недосягаемыми чувствами сей добродѣтели. Существо небесное, она со мною неразлучна, и въ ея блескѣ я пошухаю. При ея красотѣ я завидовала невѣроятному спокойствію — свободному опъ каждого волнованія челоѳческой натуры! И чтожь? Это спокойствіе — не маска ли? Не явное ли ухищреніе питаешь себя лакомствомъ того и другаго? Здѣсь по наружности небесной добродѣтели привлекаешь къ себѣ толпу обожателей — шамъ позволяешь себѣ скрытные воспорги порока — и шоржествовать? Смѣла ли она на это рѣшишься? Должна ли лукавица имѣшь въ шомъ успѣхъ безъ опмщенія? Успѣхъ — потому что ѳшь мспиншела? — Нѣшь, передъ Богомъ! Я шочипала ее и любила — это воцешъ къ опмщенію! Король

долженъ свѣдать обманъ — Король? (на нѣкоторомъ размышленіи) Точно — это надежнѣйшій къ нему доступъ. (Уходитъ.)

Софіинъ.

ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ

между вольными городами: Пузан-
цолъ и Блинцаузенолъ *).

(Писано въ 1813 году, незадолго предъ Лейп-
цигскимъ сраженіемъ.)

Предисловіе.

Теперь, когда шумъ войны раздае-
ся опъ береговъ Дона до Гаронны, мо-
жетъ бысть, многимъ чинапелямъ не
неприятно будетъ разсѣять себя опи-
саніемъ войны, о которой не упоми-
наешь ни одинъ древній, ни новый И-

*) Насмѣшка надъ бывшими вольными Нѣ-
мецкими городками. — Чисано въ друже-
скомъ Обществѣ С. Д. П. 16 ч. Ноября.

спорикъ. Не будемъ изыскивать: не продолжительносшь ли ея; или маловажносшь бѣдствій, нанесенныхъ ею чловѣческому роду, лишила ее почепнаго мѣста въ историческихъ компендіяхъ; замѣнимъ только, что сообщаемые здѣсь отрывки заимствованы изъ дневныхъ записокъ одного Пуганцкаго Офицера, который можетъ быть думалъ выдать нѣкогда въ свѣтъ свой журналъ, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ долженъ былъ оставить свое намѣреніе.

В. А.

Введеніе.

Уже нѣсколько лѣтъ полипическое небо вольнаго города Пуганца не помрачалось, какъ вдругъ весною 17.. года грозная туча войны, казалось, неизбежно должна была разразиться надъ нимъ, ибо Сенапъ сосѣдняго города Блинцаузе-на, кромѣ многихъ излишнихъ пребываній и припязаній, наснаивалъ еще на исключительное пользованіе прудомъ, находившимся доселѣ въ общемъ владѣніи обоихъ городовъ, и опвѣщивовалъ гордо на всѣ предспавленія Пуганцкихъ

Дипломатовъ. Всего болѣе терпѣли опъ сего посылаемые безпресшанно изъ одного города въ другой Сенапскіе спорожа, копорые должны были почти жишь на большой дорогѣ. Несмотря на то, горизонтъ шемнѣль ежедневно болѣе и болѣе, и все предвѣщало близкую бурю; главою враждующей паршіи былъ Блинцгаузенскій Капитанъ, копорый командоваль всею военною силою города, шо ешь, рошою изъ нѣсколькихъ человекъ соспоящею, и желая опличишь на полѣ чести, насшояпельно пребоваль войны. По его предложенію приказано было кукольному комедіанту ежедневно предсшавлять: *Ринальдо Ринальдини*; и гарнизонъ города былъ впускаемъ шуда безденежно, дабы чрезъ шо внушишь солдатамъ геройскія мысли, а съ шемъ вмѣшѣ приучишь ихъ и къ пальбѣ. Супруга Бургомистра, возлюбленная Капитана, сщила сама изъ шафшы, для дружины его новое знамя, копорое и вручила ей при особенной приличной шакому важному случаю рѣчи. Пуганцы съ своей спороны упопробляли также всѣ спаранія усилишь елико возможно слабое

свое войско: для воспламененія геройства въ сердцахъ изданы были разныя прокламаціи; на счепъ общественной казны сдѣланъ барабанъ, чшо въ самомъ дѣлѣ много подѣйствовало къ возбужденію храбрости въ житееляхъ. Скольکو ни желали объ спороны вождѣннаго мира; но мнѣніе упорнаго Капишана одержало верхъ въ Блинцгаузенскомъ Сенатѣ. Онъ вдругъ прекратилъ всѣ переговоры и объявилъ войну, съ открытіемъ которой начинается и слѣдующій сообщаемый нами здѣсь журналъ.

1 Апрѣля. Сегодня въ восемь часовъ утра въ первый разъ слышали мы новый барабанъ. Тонъ его прекрасенъ—но ахъ! онъ зовешъ къ походу. Съ печальнымъ видомъ собрались мало помалу всѣ солдаты нашей роты на рыночную площадь; фельдвებель, раздавая папроны, рыдалъ какъ ребенокъ, и увѣрялъ, чшо въ продолженіе сорокалѣтней его службы опечесиву ни одинъ маршъ не былъ для него шакъ грустенъ. Долго ожидали мы Капишана, наконецъ пришелъ маленький сынъ его Леопольдъ и сказалъ, чшо маминька пригггшовила на распаванье

славный круглый пирогъ, котораго папинька хочешь напередъ покушашь; что роша можешь собраться опять послѣ обѣда, и какъ мѣсто ночлега не далеко отъ города, то отъ столь крапкаго промедлѣнія не будешь ничего пошеряно. Съ радостію повиновались войска сему ордеру; я однако же велѣлъ напередъ солдатамъ оснавить ихъ папронтами въ Рапушѣ, что бы не произошло отъ пороха какого нибудь несчасія.

Наконецъ послѣ обѣда мы выступили. Получено извѣстіе, что неприятель еще въ нѣсколькихъ отъ насъ маршахъ: это примѣтно ободрило солдатъ.—Ночлегъ въ деревнѣ М..., въ двухъ миляхъ отъ Пуганца.—За отдаленностію неприятеля форпосты не были разспавлены; но темъ крѣпче наказано было смотрѣть ночью сторожу.

2 *Апрѣля*. Мы перешли черезъ границу: неприятель приближился и потому мы заняли швердую позицію позади Блиндгаузенскаго ручья: на правомъ флангѣ у насъ яма, изъ которой возятъ песокъ; на лѣвомъ Г...скій прудъ; на

концѣ лѣса видны уже неприятельскіе форпосты; все еще тихо.

3 Апрѣля. Неприятель дѣлаесть движенія на краю близъ лежащаго лѣса. Капитанъ рѣшается дѣйствовать наступательнымъ образомъ. Мы идемъ впередъ; переспрѣлка начинается съ обѣихъ сторонъ, только безъ всякаго вреда. Неприятель, будучи гораздо слабѣе насъ, спрощаесть преугольникомъ; мы спановимся всѣ въ рядъ и начинаемъ обходить его: онъ въ безпорядкѣ удаляется. Лѣсъ мѣшалъ преслѣдовать; не смотря на то мы отбили у него одно ружье, оставленное на полѣ сраженія. Капитанъ отправилъ сей часъ въ Пуганць курьера съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ и съ завоеваннымъ ружьемъ; на мѣстѣ битвы написалъ я нѣсколько строкъ къ моей Эльминѣ и уведомиль ее, что я, слава Богу, живъ и здоровъ.

Ночью явился къ намъ одинъ дезертеръ изъ Влинцгаузенскаго войска: это былъ солдатъ, который сегодня при поспѣшной репирадѣ потерялъ ружье и получилъ за то отъ строгаго Капита-

на жестокій выговоръ съ угрозами, исполненія коихъ не хощьль дожидаться. Отъ него узнали мы, что сегодня имѣли дѣло только съ авангардомъ непріятели и что вѣроятно скоро увидимъ предъ собою многочисленнѣйшее главное войско.

4 Апрѣля. Распахъ. Капитанъ собралъ меня и всѣхъ унперъ-офицеровъ на военный совѣтъ, и хотя большинствомъ голосовъ, имѣя въ виду показаніе дезертера, полагало за лучшее опрешиваться, что бы занять прежнюю твердую позицію, но Главнокомандующій, несмотря на то, приказалъ въ слѣдующее утро выступить противъ непріятели, что бы рѣшительною побѣдою положить славный конецъ всей войнѣ.—Я желалъ лучшаго, господинъ Капитанъ! *Не ищи бѣды, сама придетъ.*—Солдаты наши не привыкли еще стоять на форпоссахъ: только что поставяшь часоваго, какъ онъ подъ какимъ нибудь бездѣльнымъ предлогомъ приходитъ назадъ въ главную квартиру. Я остаюсь при своемъ: всего лучше занять прежнюю нашу позицію, ибо она была очень крѣпка, а въ ближ-

ней деревнѣ нашли мы славное пиво. Но послушающъ ли нашего брата?

5 Апрѣля. Чшо бы воспламенить предъ сраженіемъ сердца солдатъ, Главнокомандующій сказалъ войску славную рѣчь и велѣлъ дать всѣмъ по двѣ чарки вина. Мы двинулись впередъ. При проходѣ черезъ лѣсъ слышали шумъ, копорый послѣ оказался пустымъ, но едва было не надѣлалъ бѣдъ. При семъ случаѣ особенно опличился хромой Федька и своимъ примѣромъ весьма много способствовалъ къ воспановленію порядка, за что и предсшавленъ къ награжденію. Прошедши лѣсъ, увидѣли мы неприятеля, который выспроился не въ дальнемъ разстояніи. Замѣшивъ, что онъ очень многочисленъ, Капшанъ перемѣнилъ прежнее свое намѣреніе и занялъ позицію, въ которой ожидаетъ шеперь нападенія. Переспрѣлка начинается. Боже! буди ивоя святая воля!

Въ тотъ же день, въ 12 часовъ ноги.
Боже! какъ все перемѣнилось и какъ ужасно сбылись мои предсказанія! Столь дорого, столь справедливо приобрѣшенная нами слава исчезла въ нѣскольکو

часовъ, какъ дымъ, и войско наше разсѣяно по лицу земли!

Едва только заняли мы поутру выгодную нашу позицію: ровъ большой дороги примыкалъ къ правому нашему крылу, нѣсколько сажень дровъ прикрывали лѣвое, лице же войска защищено болошо—какъ неприятель двинулся съ ужаснымъ крикомъ дефилировалъ на большую дорогу и чрезъ то началъ угрожать правому нашему крылу. Между темъ стрѣлялъ онъ безпрестанно и пули ужасно свистали по вершинамъ близь стоящихъ деревьевъ. Наши часъ ошь часу шеряли бодрость. Капитанъ старался подкрѣпить ихъ словами и просьбами, хопя самъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго.—Спрашиваю шеперь: для чего не оставили мы сами нашей позиціи прежде, нежели успѣли насъ обойти?—Когда ряды наши начали уже примѣшно колебаться, неприятель сдѣлалъ манѣвръ, который приносишь большую честь генію его Предводителя и который довершилъ наше поражение. Между темъ какъ главная неприятельская колонна болѣе и болѣе угрожала

правому нашему флангу, изъ кустовъ съ лѣвой стороны выскочили вдругъ чепыре солдата верхомъ съ ужаснымъ, раздирающимъ сердце *ура!*, объѣхали дрова и бросились на нашу, Богомъ и всѣми оставленную дружину. (Неприятельскій Капшанъ посадилъ чепырехъ лучшихъ своихъ солдатъ на крестьянскихъ лошадей и велѣлъ имъ окольными дорогами пробраться къ нашему лѣвому крылу; а мы въ упоеніи своемъ совсемъ того и не предчувствовали). Послѣдствія оправдали сію спррагаему. Капшанъ прокомандовалъ репирату, копорая скоро превратилась въ безпорядочное бѣгство; шѣснимые съ большой дороги—главное войско неприятеля было уже близко къ занятому нами мѣсту—должны мы были броситься въ лѣсъ, что еще болѣе умножило безпорядокъ, и всѣ спранія къ возстановленію онаго были безуспѣшны. Новый прекрасный барабанъ нашъ былъ поперянь, папшоншаши брошены, и одинъ изъ неприятельскихъ кавалеристовъ сорвалъ съ головы Капшана новую, обширную позуменомъ шляпу, копорую онъ изъ

щеславія сдѣлалъ себѣ передъ походомъ. Наконецъ, послѣ четырехчасоваго поспыднаго бѣгства, прибыли мы опять къ пограничной деревнѣ на прежнюю нашу позицію. Теперь только могли мы увидѣть всю нашу поперю. Слишкомъ сорока человекъ, по естѣ почти половины всего войска, не было съ нами; изъ находящихся на лицѣ фельдвებель былъ раненъ въ голову штыкомъ споявшаго подлѣ него флигельмана: одинъ рядовой, какъ то упавши, вывихнулъ себѣ руку; не говорю уже о шишкахъ на лбахъ, разбитыхъ носахъ и синихъ пяпнахъ по всему шѣлу. Прежняя бодрость совсемъ уже исчезла; каждый жаждетъ мира и просится домой. Счастье еще, что неприятельская кавалерія за густотою лѣса должна была прекратить погоню, а пѣхопа не могла насъ преслѣдовать! Если теперь снова нападуть на наше обезоруженное, ослабшее и скорымъ побѣгомъ изнуренное войско — то мы совсемъ пропали!

За недоспашкомъ шляпы ходитъ теперь нашъ Капишанъ въ колпакъ: ему бы и всегда должно было носить его,

апо предпочли его достойнѣйшимъ... но шакѡвъ уже свѣшь!—Посылаютъ шеперь въ Пуганць гонца съ извѣстіемъ о нашей репирадѣ и съ просьбою о мирѣ, или подкрѣпленіи. Ахъ, если бы милосердый Богъ даровалъ намъ первое! Признаюсь, что я уже наскучилъ походною жизнію и желалъ бы сидѣшь шеперь въ покоѣ дома!

6 *Апрѣля*. Мы перешли назадъ черезъ границу и расположились въ деревнѣ, въ кошорой имѣли первый ночлегъ. Пропавшіе безъ вѣспи являющіяся мало помалу, полькѡ всѣ безъ оружія; нѣкошорые изъ нихъ ушли домой, большая же часть, по досшовѣрнымъ извѣстіямъ, досталась въ плѣнь врагамъ. Я былъ отшправленъ парламеншеромъ въ главную кварширу непріяшеля для заключенія перемирія. Тамъ нашель я шоржество и пиршесшва. Главнокомандующій, надмѣнный удачею, не хошѣлъ сначала и слышашъ о переговорахъ, но моя убѣдительная, весьма хорошо обдуманная рѣчь и въ особеннѡсти заключение, въ кошоромъ я упомянулъ, что Блинцаузенскіе владѣнія уже совершенно нами

очищены, скоро перемѣнили его мысли и я получилъ желаемое. Мое возвращеніе въ лагерь разпрѣспранило повсюду величайшую радость и Капитанъ никогда еще не былъ ко мнѣ такъ благо-склоненъ.

7 *Апрѣля*. Спокойствіе подкрѣпило и возстановило силы cadaго; раненые уже выздаровливаютьъ, только все еще половина раны крѣпко пахнешъ мыльнымъ спиртомъ. Получены извѣстія изъ непріятельской арміи: шамъ все въ большой радости; Сенашъ, что бы изъ-явилъ свою признапельность, выдалъ въ награжденіе двойное жалованье, а Главнокомандующаго украсилъ большимъ шалеромъ. Его сравниваютьъ по съ Фабіемъ, по съ Камилломъ.—Все бы это могло бытъ у насъ, если бы не пренебрегли моего совѣша.—Я получилъ премилое письмо отъ моей Эльмины; при немъ приложена лавровая вѣпочка: къ сожалѣнію оно писано еще 4 числа! Но лавровая вѣпочка можетъ пригодиться мнѣ для приправы супа, или соуса.

8 *Апрѣля*. Секретарь Сенаша Гаусвальдъ и Казначей Клопфманъ прибыли

въ лагерь и опсправляющся завпра въ непришельскую главную к̄варширу, что бы пракшовашь о мирѣ. Они принесли извѣспіе, что дома у насъ возникли большіе бѣдспвія и совершенная анархія. Такъ, когда Сенапъ для прикрывшя города выставилъ у ворошъ спарую морширу, что была прежде на горѣ въ виноградникѣ, весь цѣхъ поршнихъ собрался, призналъ эшу военную мѣру для блага согражданъ весьма опасною и бросилъ морширу въ болоно. Изъ словъ Посланниковъ видно, что Сенапъ, припакихъ внуспреннихъ безпокойспвахъ, согласенъ на заключеніе мира даже съ нѣкоторыми пожершвованіями съ нашей спороны, а пошому и они на все уполномочены. Эши Посланники люди честные и умные, кошорые очень хорошо знають бѣдспвенное соспояніе солдапа. Ишакъ мы навѣрное можемъ надѣяшья конца кровопролишю, и я возвращусь въ швои обяшя, милая Эльмина!

9 Апрѣля. Деревня Л..., лежащая въ срединѣ между обѣими арміями, назначена мѣспомъ Конгресса и верхняя комната шамошняго пракшира пригошов-

лена для засѣданій обоюдныхъ повѣренныхъ. Секретарь Сенапа и Казначей опсправились шуда около девяти часовъ, сопровождаемые благословеніями всей арміи. Робкое ожиданіе объяло всѣ сердца и превратилось въ радостную надежду только послѣ обѣда, когда пришло къ намъ извѣстіе, что уполномоченные обѣихъ споронъ въ дружескомъ бесѣдованіи сидящъ вмѣстѣ за блюдомъ шукъ. Въ упоеніи радости, которую это извѣстіе разпространило по всему войску, Капишанъ предложилъ мнѣ назваться братьями: вижу, лиса, швои чудеса! Онъ старается прѣклонить меня шеперь на свою спорону, что бы я, возвращаясь домой, не рассказалъ шамъ его худыхъ манѣвровъ. Ну, что долго помнишь старое; припомъ же и честь бышь его брапомъ для меня не маловажна.—Говорящъ, что въ Пуганцѣ дѣлаются уже пригошовлекъ празднованію мира.

10 Апрель. Мой новый названый бращецъ, Капишанъ, получилъ сегодня около полудня курьера и съ сіяющимъ радостію лицомъ опдалъ приказъ, что бы роша, одѣвшись парадно, собралась на

деревенской площади. Съ біющими опъ восхищенія сердцами опсправились мы церемоніальнымъ маршемъ къ мѣспу Конгресса. Блицгаузенская армія, въ величайшемъ парадѣ, выспроилась передъ практиромъ и приняла насъ съ радостными криками; смиренно заняли мы мѣспо на ихъ лѣвомъ крылѣ и имѣли шеперь время разсмопрѣшь поржеспвенно убранный домъ. Сѣни были чисто вымешены и усыпаны разными полевыми цвѣтами и свѣжею правою; у входа поставлены двѣ березки и какъ домъ, шакъ вороша и конюшня, украшены гирляндами изъ дубовыхъ вѣшвей. Нельзя не опдашь чеспи вкусу Блицгаузенскаго Капишана; за шо онъ и самъ расхаживаль съ довольнымъ видомъ и посмаприваль шо на украшения, шо на шалерь на груди своей, шо на насъ бѣдныхъ Пуганцовъ, кошорые разиня ротъ смопрѣли на поржеспво.

Черезъ чешвершь часа слышался шумъ на лѣспницѣ: эшо были дещушашы. Рука въ руку вышли они къ намъ и объявили миръ. *Мирѣ! Мирѣ!* раздалось повсюду; каждый Пуганецъ поставиль

къ споронѣ свое ружье, что бы прижасть къ сердцу Блинцгаузенца, и шѣ, копорые до сего времени алкали пролишь кровь другъ друга, держали шеперь одинъ другаго въ объашіяхъ. Радость была чрезвычайна и возрасла до высочайшей степени, когда уполномоченные приказали выдасть обѣимъ арміямъ бочку пива, что бы новый союзъ запечашлъшь Нѣмецкимъ напишкомъ. — Названный мой братаецъ предспавиль меня неприяшельскимъ Офицерамъ какъ опличнаго воина и рекомендовалъ меня Казначею какъ нельзя лучше. Мы обѣдали попомъ вмѣстѣ, а войска плясали и веселились до глубокой ночи.

Здѣсь оканчивающся комменшаріи Пуганцскаго Цезаря. Геройская армія, въ копорой онъ служиль, малыми маршами возврапилась назадъ въ опечеспво. Тамъ все ушопало въ веселіи. Громъ выпашенной изъ болоша морширы и радоспные крики, опщовъ, маперей, супругъ и невѣспъ вспрѣшили войско; у врашъ города принялъ его Сенапъ: всеобщее восхищеніе было чрезмѣрно, ибо всѣ опправившіесе въ походъ возврапились

здравы и невредимы. Вся рота выспро-
илась на рынокъ, Бургомистръ очеръ
слезы радости, что бы произнесши
рѣчь къ войску. „Мирь!“ — началъ онъ —
„миръ есть величайшее благо!“ Здѣсь о-
спановилъ онъ, ибо никакъ не могъ
вспомнить продолженія столь хорошо
вытверженной имъ предъ пемь рѣчи;
но оно и не нужно было: крикъ жище-
лей и войска заглушили бы слова его.

Съ Нѣм. Юлианъ.

mmmm

mmmm mm
С М Ъ С Ъ.

mmmmmmmm

НѢЧТО О ЖЕЛѢЗНОЙ МАСКѢ *)

Преждебывшій Пиньерольскій арестантъ,
или *Желѣзная Маска* **), котораго имя, зва-
ніе и преступленіе неизвѣсны, привезенъ
въ Бастилію 18 Сентября 1698 года въ три
часа пополудни въ экипажѣ Г. Сентъ-Мар-
са, сдѣланнаго въ сіе время изъ Комендан-
товъ острова Св. Маргариты Губернапо-
рѣмъ Бастиліи.

*) Изъ книги: Mémoires historiques et authentiques
sur la Bastille.

**) Такъ назывался оубъ по спискамъ арестантовъ
Бастиліи.

Сей ареспаншъ до самой смерти носилъ маску изъ чернаго бархаша, плотно наложенную на лице и укрѣпленную пружиной на запылкѣ. Кромѣ Губернапора и Г. Розаржа, Маіора замка, коего надзору исключительно былъ онъ вѣренъ, никто не имѣлъ права его видѣть. Оба они обходились съ нимъ весьма почтительно и ни въ чемъ ему не отказывали.

Онъ умеръ почти скороспешно, 19 Ноября 1703, послѣ болѣзни, продолжавшейся нѣсколько часовъ. Его обернули чистымъ полошномъ и на другой день, въ четьрѣ часа пополудни, похоронили при церкви Св. Павла, подъ именемъ *Маршіали*, въ присутствіи Г. г. Розаржа и Беиля, Главнаго Хирурга Басшиліи, кошорые и росписались по немъ въ мепрической книгѣ. Погребеніе его стоило сорокъ ливровъ. Такимъ образомъ просидѣлъ онъ въ Басшиліи пять лѣтъ и шестидесять два дни.

Все, что ни оспалось послѣ него въ комнашъ: постель, мапрасъ, сполы, спулья, даже двери и окна, были сожжены; вещи мепаллическія переплавлены; самыя спѣны обипы до кирпича и вновь защекашурены.

Во время заключенія ему приказано было никогда не снимать маски и, подъ опасеніемъ смерти, никому не объявлять своего имени. Обшоятельсшва подають поводъ

къ разнымъ догадкамъ. Авшоръ *Тайныхъ Записокъ* утверждаетъ, что Графъ Вермандуа, побочный; любимый сынъ Людовика XIV и дѣвицы Делавальеръ, бывшій почти одинаковыхъ лѣтъ съ Дофиномъ, но совершенно противоположнаго съ нимъ характера, забылся однажды до такой степени, что далъ ему пощечину; что, Людовикъ, узнавъ о семъ, отправилъ его въ армию и поручилъ одной доверенной особѣ распустишь передъ его шута прибытіемъ слухъ, будто онъ заразился моровымъ повѣтріемъ; что подъ симъ предлогомъ приказано было всѣхъ отъ него отдалить, наконецъ сказать, что онъ умеръ и между тѣмъ, какъ предъ глазами цѣлой армии будешь сдѣлано ему великолѣпное погребеніе — тайно препроводить его въ крѣпость ошрова Св. Маргариты, гдѣ и оставался онъ до того времени, когда Людовикъ XII назначилъ Сенсъ-Марса, въ награду за его вѣрность, Губернаторомъ Басиліи. Авшоръ помнящихъ записокъ присовокупляетъ, что Графъ Вермандуа вздумалъ однажды написать ножомъ на днѣ шарелки свое имя; что нѣкто изъ слугъ, примѣшивъ это и показавъ шарелку Коменданшу, надѣялся за усердіе свое получить награжденіе, но весьма въ шомъ обманулся; несчастный въ шу же минушу былъ имъ заколошъ! Предоспорожность сохранишь открывшуюся симъ случаемъ шайну требовала эшой жертвы.

Вольперъ повѣспвуетъ, что Маркизь Лувуа, приѣзжавшій на островъ Св. Маргариты видѣшь сего неизвѣснаго арестанта, всегда говорилъ, съ нимъ спод и съ большимъ уваженіемъ.

Сочинитель Филиппикъ, Делагранжъ Шансель, въ письмѣ своемъ къ Фрекону утверждаетъ, что арестантъ сей былъ Герцогъ Бофоръ, о копоромъ распространили слухъ, будто убишь онъ при осадѣ Канди и будто самое шло его не найдено послѣ сраженія. Причиною започенія Герцога полагають онъ его мяшежническій духъ, участие принятое имъ въ Парижскихъ замѣшательствахъ во времена Фронды и сопротивленіе, которое оказывалъ онъ намѣреніямъ Колберта въ качествѣ Адмирала, управлявшаго, Морскимъ Департаментомъ. Пулень Десеншфуа опровергаетъ всѣ сіи мнѣнія. Эпоху заключенія Желѣзной Маски въ крѣпость острова Св. Маргариты, относимую Вольперомъ къ 1661 году, Делагранъ-Шанселемъ къ 1669 му, а сочинителемъ Тайныхъ Записокъ къ концу 1683 года, назначаетъ онъ еще ранѣе. Сеншфуа увѣряетъ, что сей неизвѣстный арестантъ былъ Герцогъ Монпмоутъ, сынъ Англинскаго Короля Карла II и Люціи Вальперъ; что онъ склонивъ на свою сторону Дорсетское Графство и будучи провозглашенъ шамъ Коро-

лемъ, взявъ на одномъ сраженіи въ плѣтъ, привезенъ въ Лондонъ, заключенъ въ Товеръ и 15 Юля 1685 приговоренъ къ смертной казни. Сеншфуа присовокупляетъ, что въ то время носился слухъ, будто какой-то Офицеръ арміи Графа Моншмоупа, имѣвшій съ нимъ чрезвычайное сходство и также попавшійся въ плѣнь, рѣшился вмѣсто его подвергнуться казни. Сей писатель ссылается на Исторію Юма, на книгу любовныхъ приключеній Карла II и Якова II, Королей Англинскихъ, и желая мнѣніе свое сдѣлать вѣроятнымъ, полкуетъ, что Яковъ II, хотя и даровалъ жизнь Герцогу, но опасался возвратишь ему свободу и попому приказалъ отвезти его во Францію.

Замѣчательно, что въ имени *Маршіали*, какое дано *Желѣзной Маскѣ* въ мепрической книгѣ прихода Св. Павла, заключающа въ букву сѣи два слова: одно Латинское, другое Французское *his Amiral*, п. е. это Адмираль. Замѣчательно также, что въ сей книгѣ показанъ онъ скончавшимся сорока пяти, или около того лѣтъ.

Судя по документамъ, доставшимся въ наши руки, можно заключишь, что сочинитель Тайныхъ Записокъ, Вольперъ, Делатранжъ Шансель и Сеншфуа равно обманулись въ счисленіи времени и въ своихъ до-

гадкахъ. Вошь собранные нами свидѣтель-
ства.

Изъ письма Г. Барбезье къ Сенш-Марсу, Коменданшу крѣпости Св. Маргариты, писанному опъ 13 Августа 1691 года, видно, что арестантъ, извѣстный подъ именемъ Желѣзной Маски, находился въ заключеніи съ 1671 года. Тамъ сказано: „Ваше письмо
„ опъ 26 ч. прошедшаго мѣсяца мною полу-
„ чено. Если случится вамъ писатъ ко мнѣ
„ о арестантѣ, находящемся подъ вашимъ
„ присмотромъ около двадцати лѣтъ: то
„ прошу васъ употреблять ту же предоспо-
„ рожность, какую наблюдаете вы въ пере-
„ пискѣ съ Маркизомъ Лувуа.“

Когда Г. Сенш-Марсъ, въ концѣ 1681 года, наименованъ былъ Губернапоромъ Экзилья, тогда заботились о перемѣщеніи арестанта его изъ Пиньероля въ (вѣроятно въ Экзиль).

Когдажь, по смерти Г. Беземо, сдѣлавшись Начальникомъ Басшидіи, Сенш-Марсъ опъѣзжалъ съ острова Св. Маргариты, ему послано было повелѣніе взять содержащагося тамъ арестанта въ маскѣ и препроводить его въ Басшилію. Онъ дѣйствительно привезъ его съ собою въ Сенсябрѣ 1698 года.

Можно думать, что сей несчастный заключенъ на островъ Св. Маргариты въ Апрѣлѣ 1687, ибо изъ письма Лувуа къ Сенш-

Марсу видно, что найдено нужнымъ перевести Кавалера Тезло въ другую тюрьму, дабы въ занимаемой имъ помѣщеніи . . . „вашего арестанта“ — говоритъ Лувуа — „гдѣ и останешся онъ до тѣхъ поръ, пока ша, копорую вы для него приготавливаете, приведена будешъ въ состояніе принять его.“

Такимъ образомъ, соображая сіи и приведенные выше свидѣтельства съ порядкомъ времени, слѣдуетъ заключить: 1) что арестантъ въ маскѣ привезенъ въ Пиньероль неизвѣстно откуда въ 1671 году, изъ Пиньероля переведенъ въ Экзиль въ 1681, изъ Экзиля на островъ Св. Маргариты въ 1687, съ острова Св. Маргариты въ Баспилю въ 1698, гдѣ и умеръ въ 1703 году; 2) что если по метрической книгѣ церкви Св. Павла скончался онъ 45 лѣтъ; слѣдовательно родился въ 1658 году, а подъ присмотромъ Сенъ-Марса находился съ тринадцатилѣшняго возраста; но поелику не возможно полагать, что бы съ соликими предосторожностями, принятыми къ сокрытію имени его и особы, не были взяты оныя и на послѣдъ конецъ, что бы скрытъ дѣйствительный его возрастъ: то мы весьма сомнѣваемся на счетъ вѣрности метрической книги, и думаемъ согласно со многими другими, что сей арестантъ былъ старшій братъ Людовика XIV.

Ар—динъ.

АНЕКДОТЫ.

1.

„Куда ты бѣжишь такъ?“ Спросилъ Н. Н. встрѣчившагося съ нимъ на улицѣ записнаго риѐмача. — На похороны! — ошвѣчалъ пошъ—дѣла пропасшь, но нечего дѣлашь, надобно идиши: прислали билетъ. „А ты бы послалъ эпишафію, да и полько!“—Рифмачъ принялъ съ благодарностію сей добрый совѣшъ, воропился домой, написалъ и послалъ къ покойнику эпишафію.—Эпо однако былъ не пошъ спихошворецъ, который обыкновенно шребовалъ мѣрки съ надгробнаго камня, когда просили его написашъ для кого нибудь эпишафію.

2.

Богашій *К...ій* купецъ *М...ѡб*, умершій шестдешашъ, или семдешашъ лѣшъ шому назадъ, былъ въ шакомъ уваженіи въ своемъ городѣ, что его прозвали: *К...либъ божколибъ*. По спеченію несчастныхъ обстоятельствъ лишился онъ всего почши имѣнія, а съ нимъ вмѣспѣ и всѣхъ почши своихъ почишашелей. Бывало покажется *М...ѡб* на улицѣ, всѣ снимающъ передъ нимъ шапки, всѣ кланяющъ ему ниже еще, чемъ Воеводѣ—шеперь даже шѣ, которые всякой праздникъ ходили къ нему на поклонъ, не узнающъ его, а многіе убѣгающъ,

какъ оипъ зараженнаго. Вскорѣ однако М... об̄ поправиль дѣла свои и разбогашѣль попрежнему. Узнавъ хорошо людей, положиль онъ за непремѣнное правило возить съ собою въ однокolkѣ большой мѣшокъ съ деньгами, и когда ему кланялись, онъ не снималъ шляпы, а наклонялъ только мѣшокъ, приговаривая: „не мнѣ кланяющся, а тебѣ.“

3.

„Ты пьяна?“ спросила одна пожилая барыня свою служанку.—Виноваша, сударыня выпила чарочку.—„Будшо одну только?“—Одну, сударыня, право одну.—„Хорошо! подай водку, налей мнѣ чарку—полнѣ!.. Ну, вошь я выпила чарку, пьяна ли я?“—Нѣшъ, сударыня.—„Какъ же ты спала пьяна съ одной чарки?“—Виноваша, машушка! выпила двѣ—„Хорошо, налей мнѣ другую!.. вошь я и двѣ выпила, да не пьяна!“—Служанка призналась, что выпила три; барыня не повѣрила ей и выкушала шрешью рюмочку, пошомъ чешвершую и наконецъ пашую. Гушь барыня хошь и сама сдѣлалась пьяна, но заспавила признашѣся служанку, что ша дѣйспвишпельно выпила шесть чарочекъ. *Впередѣ не слѣи лгать передо мною*, сказала она ей, *меня не обманешъ*. — Поѣряшъ ли, что эша барыня была... *Француженка!*

И.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. Н. В.

Всѣ писали въ альбомъ вапшъ спихами;
 всѣ хвалили однихъ шолько васъ—а нинпо
 не написалъ прозою; никпо не похвалилъ здѣсь
 вашего супруга, любезнѣйшаго моего шеску
 А... И... Добрымъ женамъ приапно, когда
 хваляпшъ ихъ мужей; а какъ вы безъ всякаго
 сомнѣннѣя, самая добрая жена: шо и надѣюсь,
 чшо не неприапно вамъ будешъ, когда я по-
 хвалю вашего добраго и предобраго мужа.

Какъ онъ любезенъ! Какъ онъ милъ!
 Когда бы я дѣвицей былъ
 И не простой припомъ дѣвицей,
 Царевною, или Царицей,
 Егобъ себѣ въ мужа избралъ
 Емубъ вѣнецъ и сердце даль
 Торжественно съ моей рукою.
 Хотъ онъ не пакъ красивъ собою.
 Онъ, правда, росшомъ не выскркъ,
 Ешъ на лицѣ его рибны;
 Но эшо не большой порокъ,
 Особенно же у мужчины.
 Мужчинъ прямая красота:
 Веселье, умъ и доброша.
 (Замѣшишь мимоходомъ должно,
 Бышь добрымъ безъ ума не можно,
 Безъ доброшны веселымъ бышь)
 Ну какъ же шеску не любишь?
 Всегда веселіе сердечно
 Блиспаешъ у него въ очахъ,
 А умъ и оспроша въ рѣчахъ.
 Онъ добръ и очень добръ конечно—
 Любишь его я буду вѣчно.

Любите его и вы, почтеннѣйшая *Н....Н....*
но вы давно уже его любите и всегда лю-
бите будете.

9 Апр. 1821.

И.

Ш А Р А Д Ы.

1.

Наталинылиб слогомъ всякъ изъ насъ себя
зовешъ;

Вторый чужое все безъ вѣдома берешъ;

А цѣлое въ жары густую шѣнь даешъ.

Томскѣ.

А. И.

2.

Наталие мое съ поварями суда

Изъ странъ далекихъ привлекаешъ;

Второе въ азбукѣ бываешъ;

А цѣлое меня съ ногъ иногда сшибаешъ,

Для Англичанъ же—какъ вода!

А. О.

Изъ помѣщенныхъ въ XIX и XX N^o Ша-
радъ первая значить *око-рокѣ*, вторая *пи-рогѣ*
и шредія *Га-Нинѣ*.—Анаграммы: 1) *Миланѣ* и
налилиб, 2) *плугѣ* и *глулѣ*.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ХХІ и ХХІІ № БЛАГОНАМЪРЕННАГО.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

Краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, въ назиданіе дѣтей. Представленная въ 74 искусно гравированныхъ картинахъ (М. Въ шип. А. Семена 1821. въ попереч. 8 ку, сшр. 310) напечатана впорымъ, исправленнымъ и пополненнымъ изданіемъ. Полезная книга. Рекомендуемъ ее родителямъ и воспитателямъ. Каршинки выгравированы не дурно.

*

Передъ нами лежитъ первая шепрадь книги: *Denkmaehler aus der Vorzeit Liv- und Ehstlands (Riga und Dorpat, bei Johann Fr. Meinhausem, 1821, in 4. 48 S.)* Превосходное предпріятіе сохранишь для потомства часъ ошъ часу уничтожающіеся памяшники сѣдой древности! Сія первая шепрадь заключаетъ въ себѣ изображенія и описанія замковъ въ Лифляндіи, 7 приложенныхъ къ ней видовъ литографированы превосходно. Историческіе замѣчанія написаны опышнымъ перомъ. Мы желаемъ, что бы сей полезный шрудъ нашель у насъ по одобреніе, котораго онъ испиинно заслуживаетъ.

*

*

Подъ названіемъ: *Liederbuch der Freunde des Gesanges*, in Reval (Reval, bei Carl Dullo 1821. in 8. 228 S.) вышло собраніе пѣхъ стихо-шубреій (по большей части) лучшихъ Нѣмецкихъ Поэзовъ, копорые положены на ноты и могутъ служишь пѣснями. При нынѣшней дороговизнѣ Нѣмецкихъ книгъ такіе изданія должно принимашь съ благодарностію.

Въ Орлѣ, въ типографіи Сыпина напечатанъ въпорымъ изданіемъ (въ 12 долю, въ 6 часяхъ) извѣстный романъ Г. Дюкре-Дюминилля: *Викторъ или дитя въ лѣсу*. Переводъ достоинъ подлинника. Вотъ образецъ (Ч. V. стр. I): „Викторъ разсматривалъ вмѣстѣ съ Фрицомъ, копорый одинъ въ сихъ мѣстахъ способенъ былъ внимашь ему, разсматривалъ разныя происшествія Рожеровой жизни. Вотъ, сказалъ онъ, вотъ плодъ порочнаго воспианія и злодѣйскихъ склонностей! Рожеръ, сынъ такога человека, копорый дѣлалъ воровскія деньги, научается у отца своего всѣмъ преступленіямъ, кои онъ попомъ содѣлываетъ; безъ сомнѣнія онъ скрываетъ отъ насъ множество плутовскихъ уловокъ своей молодости, кои учинили его вдругъ способнымъ произвешь ужасное мщеніе надъ Кларою, и кои понудили его связаться съ щайкою гнусныхъ воровъ: но болѣе всего поразило меня ужасное наставленіе, дак-

ное ему судьбою въ ту самую *ночь*, въ которую готовился онъ похитить *догъ* своего хозяина.“ и проч. Пусть читатель не удивляется, что здѣсь *ночь* и *догъ* принимаются. Весь эпосъ романъ переведенъ какою-то новомодною приемованною прозою. Тутъ часто можно встрѣишь подобныя фразы, какъ на примѣръ: „сей жестокосердый *теловѣкъ*, котораго удаляюсь *на вѣкъ*“ или: „Викторъ и его *супруга* всегда любили *другъ друга*“, или: „Генрихъ обременялъ живѣйшими упреками отца *своего*, принуждая *его*“ и ш. д.

*

Къ небольшому числу любопытныхъ и хорошо написанныхъ Путешествій нашихъ Русскихъ Офицеровъ принадлежатъ *Записки о Голландіи 1815 года. Николаемъ Безстужевымъ* (С. п. 6. въ шип. Воспитательнаго Дома, въ 8, спр. 122.) Книжка сія продается въ магазинѣ И. В. Сенина по 2 р. экз.

*

Издаваемого Профессоромъ Московскаго Университета Ѳ. Чумаковымъ *Курса Математики Г. Беллавеня* вышла 3я часть, содержащая въ себѣ Аналитическую Геометрію и Механику. (М. Въ шип. Авг. Семена. 1821. въ 8. спр. 240.)

*

У нихъ курился дымъ напипковъ благовон-
ныхъ;
На золошѣ внутри пьма яспвѣ все разно-
родныхъ;
А съ зади множесство валяенся кусковъ,
Копоры брошены съ безпечношью для псовъ.
и пр. и пр. и пр.

Не правдали что хорошо? Такъ начи-
наецся новое стихопвореніе подъ названіемъ:
Волшебный колпакъ (М. 1821. Въ шип. П. Куз-
нецова. въ 8. стр. 13.). Изъ сего небольшого
отрывка чипапели конечно усмопряшь уже
какъ стихопворный талантъ Сочинителя,
шакъ его знаніе правилъ Поэзіи, искусство
въ вымыслѣ новыхъ словъ, и пр. ш. п. Со-
держаніе отвѣсшсшвуешъ слогу. О колпакѣ
упомянушо въ стихопвореніи только на кон-
цѣ и шо въ нѣсколькихъ словахъ, почемужъ
онъ былъ—волшебный, мы право никакъ не
могли догадаться—развѣ потому, что былъ
песпрый и надѣшъ на мѣшокъ съ червон-
цами.—Мы не думаемъ, Г. Сочинитель, что
бы Публикѣ понравилось эшо произведение
вашей Музы и полагаемъ, что эшопъ вол-
шебный, или песпрый колпакъ, оспанешся
весь при васъ.

*

Одесскій Евангелическій Проповѣдникъ
Карль Августъ Бѣшпигеръ напечаталъ въ
Москвѣ собраніе проповѣдей своихъ: Einige

Predigten von K. A. Böttiger (1821. In der Univ. Buchdr. in 8. S. 154).

*

Московское общесство Физико-Медицинскихъ Наукъ издало впорую часть своихъ Commentationes societatis physicomedicae apud universitatem literarum caesaream mosquensem institutae (Mosquae Typis Univ. Caesariae. 1821. in 4. p. 459.).

*

Въ Санктпешербургѣ, въ типографіи Г. Греча оппечашаны: *Облака, Комедія Аристофана*, переводъ Г. Муравьева - Аноспола, съ съ Греческимъ подлинникомъ и примѣчаніями (въ 8. стр. XVI и 312).—Предоставляемъ знапокамъ Греческаго языка судить о доспоинспвѣ перевода.

*

Первый томъ книги: Cours de litterature ancienne et moderne, par P. Hennequin, о которой мы уже предувѣдомляли нашихъ читашедей, оппечашанъ (Moscod, de l'impr. d' Aug. Semen. 1821. in 8. p. X et 471). Мы скажемъ объ ней наше мнѣніе по выходѣ остальныхъ частей

*

Съ особеннымъ удовольспвіемъ прочли мы небольшую шешрадку: *О главныхъ системахъ сельскаго хозяйства, съ принаровленіемъ къ Россіи. Сот. Доктора Павлова*. Наука Сель-

скаго Хозяйства у насъ еще въ младенчествѣ, а пошому всякое объ ней разсужденіе должно бытъ приащнымъ для насъ подаркомъ, темъ болѣе, когда оно написано съ такою основательностію и съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, какъ подлежащее.

*

Любитель цвѣшовъ спѣшимъ извѣстить о новой книжкѣ: *Краткое наставленіе къ содержанію лучшихъ цвѣтоныхъ луковъ какъ въ горшкахъ, въ комнатахъ, такъ и въ саду.* (М. Въ Ун. шип. 1821, въ 8. стр. 15.)

*

Эмилію, или вѣтера моего отца, Сог. Дюкре Дюминилля (М. въ шип. Авг. Семена 4 часши, изъ кошорыхъ 1, 2 и 4 напечатаны въ 1821, а 3я въ 1819 году (?)) есть весьма полезная книга для дѣшей и заслуживаетъ лучшаго перевода. Нынѣшній наполненъ галлицизмами.

*

Весьма хорошій, и полезный журналъ: *Новый магазинъ Естественной Исторіи, Физики, Химіи и свѣдѣній эконолическихъ, издаваемый Иваномъ Двигубскимъ*, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ году.

*

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ любителей Христіанскаго чшенія, что одно изъ луч-

шихъ произведеній пребывающаго нынѣ въ С. п. бургѣ Проповѣдника Госнера: *Блаженство вѣрующаго, въ сердце котораго обитаетъ Иисусъ Христосъ*, переведено на Русской языкъ и вышло уже изъ печати (С. П. б. 1821, въ шип. Департаментна Народнаго Просвѣщенія, въ 18 д. 101 стр.). Переводъ очень хорошъ и достоинъ подлинника. Книжка сія, весьма чисто оппечашанная на хорошей бумагѣ, продается по 2 р. экз. въ Библиотекѣ В. А. Плавильщикова, что у Синяго моста, и въ книжной лавкѣ И. Переплешчикова, противъ Госшинаго Двора, въ домѣ Балабина. Для учебныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, дѣлается уступка по 50 к. съ экземпляра. Начальники оныхъ могутъ оппосишься съ требованіями своими къ самому Переводчику, живущему въ большой Коломнѣ, противъ Прядильной улицы, въ домѣ Коллежскаго Совѣтника Соколовскаго подъ № 467, войдя на дворъ на лѣвой рукѣ во вшоромъ этажѣ.

*

Исполняя приняшую нами на себя обязанность извѣщать Публику о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ, мы всегда радовались, когда имѣли случай увѣдомлять ее о какомъ нибудь швореніи, заслуживающемъ особенное вниманіе оной. Къ числу таковыхъ неоспоримо принадлежишь вновь оппечашанное *Путешествіе въ города Чердынъ*

и Соликамскѣ для изысканія историческихъ древностей (С. П. Б. 1821. Въ Тип. Глав. Шшаба. въ 8. стр., 234.) Сочинитель онаго Г. Берхъ, извѣстный уже съ опличной спорны трудами своими на пользу опечесшвенной Исторій, служа около десяти лѣтъ въ Пермской Губерніи и будучи обязанъ по должности своей предпринимаешь неоднократно по Уѣздамъ путешесшвія, спарался и опдыхи свои опъ заняшій по службѣ опопребляешь на пользу своихъ согражданъ. Сдѣланныя имъ въ сихъ поѣздкахъ замѣчанія, а также разныя собранныя свѣдѣнія и даже нѣсколько древнихъ актовъ, издаешь онъ нынѣ въ сей книгѣ, кошорая конечно заслужить одобрение всякаго благомыслящаго человека. Историкъ найдетъ въ ней для себя многіе матеріалы; человекъ государсшвенный -- разные предметы къ размышленію и соображенію, наконецъ всякой приятное и полезное препровожденіе времени.—Желательнo, чшобъ многіе изъ нашихъ губерняскихъ чиновниковъ опопребляли досуги свои, какъ почтенный Г. Берхъ.

*

Гг. Медиковъ извѣщаемъ о появленіи слѣдующихъ книгъ: Adolphi Ypēy primaе lineae Pathologiae generalis (Mosquae. Typ. Univ. Caesar. 1821. in 8. VIII. 553.) и Dissertatio de morbis

**

nervorum in genere et in specie de proforalgia
Auct. Alexius Ternovsky (тамже въ 8, с. 55.)

*

Третья часть *Избранныхъ духовныхъ творений Фвнелона, Архіепископа Калбрейскаго* (М. въ Ун. Тип. 1821. г. 8 стр. 272) оппечатана и поступила въ продажу.

*

2 я часть *Дневныхъ записокъ путешествія А. Бошняка въ разныя области западной и полуденной Россіи въ 1815 году* (М. въ Ун. Тип. въ 8. стр. 131.) была бы по нашему мнѣнію гораздо занимательнѣе, если бы выкинуть изъ нее множество излишнихъ подробностей, нужныхъ можетъ быть для путешественника, но утомительныхъ для читателя. Впрочемъ нельзя оспорить у книги сей нѣкотораго достоинства, въ особенности можетъ она быть приятна Бошаникамъ, любителямъ Русской Флоры.

*

Разговоры Латинскіе съ Россійскимъ (colloquia latina et rossica. Москва. Въ Тип. Селивановскаго въ 8, стр. 164), напечатаны въпорымъ изданіемъ. Тутъ между прочимъ встрѣчающія слѣдующія выраженія: *Дитина отлѣнный даетъ запахъ*, или: *салатъ скрипитъ*, какъ лнѣ кажется, или: *какъ въ жадны*, или: *лнѣ попался кусокъ мяса между*

зубовъ, или: Государи мои, довольны ли вы ужинами?—Довольны, сударыня, однако надлежитъ чтобъ и вы также были довольны!!! Настоящій разговорный языкъ!

*

Наконецъ претя и, кажется, послѣдняя часть *Прогулки за границу* вышла изъ печати и поступила въ продажу. Вошь ея начало:

„*Дуверъ*. Первый шагъ на Англинскую землю сопрягался съ большими непріятностями. Весь берегъ Дувра былъ покрытъ снѣгомъ, мы успалые отъ плаванія семи часовъ лѣзли съ узелками на высоту, *петали (!)* слѣды, дрожали отъ снѣжи; спая докучальщиковъ замыкала шествѣ, всякой приглашалъ въ свою гостиницу. Привели насъ прямо въ передовой *надзоръ*, неважное строеніе, гдѣ свидѣтельство не долго продолжалось, пустились опять въ походъ, и къ великой радости достигли шракшира вдовы Пошевинъ. Оный ни въ чемъ уже не походилъ на Французскіе; иное разположеніе, иные убранства; всѣ предметы новы, незнакомы. Въ гостинной пылалъ каминъ, Французъ съ перомъ въ рукѣ сидѣлъ у огня, вслушивалъ въ разговоры, спрашивалъ о Шаррижѣ, полковалъ по своему объ убивствѣ Берри, въ минушу познакомился, и въ ми-

нушу *отъявился* (!?) съ надменностію, что онъ пишомецъ мяшежныхъ дней. Тишуль не къ чести, лучше бы объ немъ умолчать. Вмѣстѣ со входомъ заказанъ былъ ужинъ, не долго его ожидали. Поставили хорошія рыбы огромную часть респбѣфа, сочное жаренное, каршофель, кружки съ пѣнистымъ поршеромъ; супъ, вино не появлялись, ихъ требовали особо, и проголодавшіеся чепыре путешественника, оспоривая изъ рѣдка школьника *Сенскихъ журналистовъ*, пресыщались *то-ропливо*. Вошли *мореходцы* съ объявленіемъ подашей за лодку 8, за лѣспницу къ высадкѣ 1, за выноску насъ на рукахъ 2, помощнику Капитана 2, проводнику 1 шиллингъ и по окончаніи ращета мы разошлись по ночлегамъ. Нѣшь нигдѣ такой аччности къ деньгамъ, особливо съ иностранцевъ.— Хорошо прибранная спальня, ночная посуда отличнаго фаянса, пуховая постеля вмѣсто Парижскаго мапраса, *завѣсѣ* съ пышными подборами, превосходное бѣлье, удивительная опрятность, (о чемъ памъ мало имѣюшь понятія), *разкрахмаленная* служанка, все обращало на себя вниманіе, общало устройсво, порядокъ вещей.“

А вошь и окончаніе:

„Общество состояло изъ разныхъ *народовъ*; насъ двухъ Русскихъ, Англичанъ, Фран-

цузовъ, Нѣмцевъ, Испаліянцевъ, Гишпанцевъ. Кѣпо помился на постель въ каюшѣ, кѣпо разположился на палубѣ, дуновеніе *не отбвлялось*, болѣе двухъ часовъ двигались веслами. Капитанъ не занимался компасомъ, берега Англїи долго были передъ глазами, оставили въ дали длинную аллею изъ кораблей, и едва чрезъ 8 часовъ совершили плаваніе 21 мили. Опливъ, возпрепятствоваль приближиться; подѣхали лодки, мы пересѣли, но прощранное потомъ болошо не допустило далѣе. Предстали носильщики, *разлѣстили* насъ по *плѣталѣ*, за два шиллинга съ каждаго, (плеча?) мой извощикъ гнулся подо мною я боялся подвергнуться съ нимъ паденію, и наконецъ сажень съ 50 на своихъ ногахъ по шинѣ вязнуть надлежало. Удивительно что оба правительства важныхъ, приморскихъ городовъ, гдѣ спешається множество путешественниковъ, не обращаютъ на нихъ вниманія. Можно бы назначить чиновниковъ, таксу, учредить, вмѣсто переправы на людяхъ, шельжки, подвижные мосты. Магнросы ужѣ ожидали въ другомъ царствѣ, подставили лѣспиницу, потребовали по полуфранку, приглашатели овладѣли нами, подавали билеты, выхваляли хозяевъ, и мы по пѣшеходствѣ съ версшу вошли въ гошпиницу Мюриса, гдѣ была при первомъ проѣздѣ разпря за пожаръ. Теперь мы на шеер-

дой землѣ, время обѣдашь, опдохнушь, выпьемъ рюмку анисепа за здоровье чипашеля.“
 Дай Богъ здоровья чипашелямъ!

*

Извѣстія о бѣднѣхъ.

Письма къ Издателю.

1.

Жанень Перо, бывшій около 12 лѣтъ въ 1 Кадепскомъ Корпусѣ училелемъ Французскаго языка, нынѣшнимъ лѣпомъ въ прогулкѣ съ дѣтьми, опгоняя присѣтававшую къ меньшему сыну его собачку, былъ ею укушенъ за руку до крови. Не подозрѣвая ничего въ той собачкѣ бѣшенства, высосалъ онъ укушенное мѣсто и кровь выплюнулъ. Ровно чрезъ четыре мѣсяца послѣ сего случая, опкрылись въ немъ необыкновенно сильнымъ обморокомъ слѣдствія укушенія бѣшеной собаки.—Когда пришелъ онъ въ себя отъ обморока и призванный Докторъ, по зрѣломъ наблюденіи, угадалъ и объявилъ ему причину его болѣзни по онъ убѣдительно просилъ, что бы сколь возможно скорѣе опвезли его въ Обуховскую больницу, убѣгая прощанія со своимъ сѣмействомъ. Привезень будучи шуда, въ ужасныхъ спра-

даніяхъ бѣшенства, 24 часа продолжавшагося, назадъ пому около двухъ недѣль, скончался.— Оставшееся послѣ него сѣмейство составляющѣ: жена, пятеро дѣшей, шрое сыновей и двѣ дочери, изъ коихъ старшей 14, а младшему 4 годъ, и щеща 30 лѣтъ.

Онѣ имѣлъ кварширу казенную въ Корпусѣ и жалованья получалъ по 500 р. въ годъ, сверхъ того въ свободное ошѣ должности время давалъ частныя уроки и шрудолюбіемъ своимъ могъ бы содержать свое сѣмейство, ежели бы по несчастному для него случаю не вошелъ въ долги. Снявъ на себя содержание здѣсь пенсіона Сен-Флорана, заплашилъ онѣ ему и упошребилъ на приведение того пенсіона въ лучшее состояніе до 8.000 рублей; между шемъ безъ всякаго съ его стороны повода воспитанники пенсіона въ непродолжительное время одинъ по одному были разобраны, и онѣ испытавъ неудачу въ семъ предпріятіи, ишощилъ всѣ способы для нѣкоторой хотя расплаты съ кредиторами, продажею платья и бѣлья, кошорое по шрогой честности казалось ему излишнимъ и чрезъ то сѣмейство свое оставилъ въ совершенной нищестѣ. Зная въ какомъ положеніи оставляешѣ оное и будучи привезенъ въ больницу еще въ памяти, сказалъ ошвозившимъ его: „Ради Бога ошвезите же къ женѣ мою шинель; она еще крѣпка

и сѣмья моя найдешь въ ней для себѣ нѣ-
сколько копѣекъ.“

Корпусное Начальство, во уваженіе къ ревностной службѣ и похвальному поведенію покойнаго Г. Перо, ходатайствуетъ о назначеніи пенсіи для его вдовы; но въ то же время сѣмейство сіе не въ правѣ будетъ пользоваться казенною кварширою, и чрезъ то подвергается всѣмъ бѣдствіямъ безпріютнаго и непріятнаго бѣднаго состоянія.

Прошу васъ, почтенный другъ! припечатать сіе въ журналѣ вашемъ. Положеніе сѣмейства Г. Перо истинно заслуживаетъ вниманіе сердець благошворительныхъ.

30 Ноября 1821.

преданный вамъ Н. П.

2.

Благородная цѣль вашего *Благонамѣреннаго* побуждаетъ меня обратиться вниманіе ваше на несчастное положеніе одного бѣднаго сѣмейства. Вчерашній день, съ пособіемъ благошворителей, погребень музыкальный учитель П... , оставившій въ наслѣдство злополучной женѣ своей и осмерымъ дѣтямъ совершенную бѣдность и одно лишь честное имя. Старшій сынъ и дочь покойнаго приспроены уже къ мѣстамъ, а прочіе съ матерью ихъ перпяшъ нужду и голодъ. Жилище ихъ въ Италіанской слободкѣ въ домѣ

Зигеля подъ N 234. Безчисленные опыты благошворительности и челоуѣколюбія моихъ соопечесивенниковъ увѣряють меня, что сіи жертвы нищеты и бѣдспвія не оспа-нушся безъ пособія. Я только покорно прошу васъ, М. Г. мой, помѣстить письмо сіе въ издаваемомъ вами журналѣ, безъ означенія однако же моего имени. Оно не нужно для благошворителей, но вамъ однимъ только послужить доказательствомъ справедливости въ томъ, что сіе злополучное сѣмейство, по истинѣ заслуживаетъ вниманіе сердець благородныхъ.

Имѣю честь быть и проч.

покорнѣйшая ко услугамъ.

Декабря 1821.

.....

3.

На Пепербургской сторонѣ, въ Монаш-ной улицѣ, въ домѣ подъ N 1202, живетъ вдова умершаго Типулярнаго Совѣтника Семенова Анна Дмитриева съ двумя малолѣтними дочерьми въ крайней бѣдности. Она не получаетъ никакого пенсіона, и будучи больна, преперпѣваетъ съ дѣтьми большую нужду, даже въ дневномъ пропитаніи. Зная совершенно бѣдность больной вдовы Семеновой, я всепокорнѣе прошу васъ, М. Г., довести ея бѣдспвенное положеніе до свѣденія благошворительныхъ людей, которые

вѣроятно не откажуся податьъ ей помощь свою и шемъ хощя нѣсколько облѣгчить несчастную, мать и бѣдныхъ малолѣшныхъ сиротъ,

С. К.

4.

Въ Семеновскомъ полку, въ бывшей 2й ротѣ, въ домѣ Типулярной Совѣщницы Чернявской, подъ № 582, въ квартирѣ Типулярнаго Совѣтника Тихомирова, живешъ несчастная вдова Шшабсъ-Ропмистрша Ульяна Абрагимовичева. У нее шрое дѣшей сиротъ, съ кошорыми едва имѣешъ она дневное пропитаніе. Прошу покорнѣйше, и проч.

П. Я.

Послѣдніе XXIII и XXIV № *Благонамѣреннаго* за нынѣшній 1821 годъ уже печашающоя и выдушъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Январѣ. Въ сихъ двухъ нумерахъ помѣщены будущъ единственна сочиненія друзей покойнаго *Михаила Васильевича Милонова*, чашанные ими въ сороковый день послѣ его кончины. Первая же книжка *Благонамѣреннаго* на 1822 годъ раздаешся, а вторая раздавашся будешъ 9 ч. Января. Каждый Поне-

дѣльникъ выходишь будешь одинъ нумеръ (опъ двухъ съ половиною до шрехъ печатныхъ лисповъ); дѣнадцать, или шрнадцать нумеровъ сосавяшь часшь, а чешыре часши годовое изданіе. При нѣкоторыхъ книжкахъ приложены будуть гравированные изображенія, какъ шо: чершежи, виды и ш. п. Подписка на Журналь: *Благонамѣренный* 1822 года принимается въ С. П. *буревъ*: въ Газетной Санкшпешербургскаго Почшамна Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры въ исправному досшавленію сего Журнада иногороднымъ подписчикамъ; у Издашеля Кол. Сов. *Александра Ефилюевича Измайлова*, живущаго на Пескахъ прошивъ Бассейна, въ каменномъ шрехъэтажномъ домѣ Моденова подъ № 283; у Комиссіонеровъ его: въ бумажномъ магазинѣ фабрики покойнаго Коммерціи Совѣшника Олъхина подъ № 4, что въ Нирембергскихъ лавкахъ, въ домѣ Каполической церкви и въ фарфоровомъ магазинѣ Красноглазова, въ домѣ Купца Меншикова, подъ № 15, прошивъ Аничковскаго дворца; и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ; а въ *Москвѣ* у содержашеля Университешской шипографіи А. С. Ширяева. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 52 книжки, здѣсь въ Санкшпешербургѣ 50 р. за полугодовое же, или 26 книжекъ 15 р. За пересылку въ другіе горда и за досшавленіе на домъ при-

лагаешся въ годъ по 7 р. а за цолгода 3 р. 50 к. Иногородныѣ благоволяшъ ошносисья не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашелю, или въ Газешную Санкшпешербургскаго Почшампа Экспедицію. Желашющѣ получашъ Журналь сей на Любской бумагъ, благоволяшъ сверхъ вышеозначенной цѣны прилагашъ на годъ 10 р. и поддшсашься заблаговременно.

~~~~~

(31 Декабря)

Милоновъ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ МИЛОНОВА.

БЛАГОНАМЪРЕННЫИ.

ДЕКАБРЬ. 1821. N^о XXIII и XXIV.

Р Ъ Ч Ъ,

по случаю кончины М. В. Милонова, чипанная въ кругу друзей его *).

“Одръ смерти естъ алшарь для дружества святой.,,

Печальное событіе соединило насъ, почтеннѣйшіе друзья! Мы пошеряли друга, споль нѣжно нами любимаго и споль доспойнаго любви нашей! Отдавъ послѣднюю, горестную дань его праху, вы собрались почшишь память его и-

---

*) Друзья Милонова желали приличнымъ образомъ почшишь память покойнаго своего друга. Для сего избранъ былъ ими сороковый день послѣ его кончины (26 Ноября). Отслуживъ, по Христіанскому долгу, панихиду и собравшись послѣ того опяшь вмѣстѣ въ назначенное время, прочишали они въ предлагаемомъ здѣсь порядкѣ нѣсколько написанныхъ ими на сей случай сочиненій.

нымъ свидѣтельствѣмъ дружбы. Вы собрались исполнить священное для васъ завѣщаніе того, который такъ часто обращалъ къ вамъ мысль свою, который любилъ дѣлать съ вами бытіе свое и ожидалъ заранѣе, что и, преселясь въ вѣчность, онъ не преспанетъ жить посреди васъ, что память его пребудетъ для васъ священна.

“Выжь, други, брашскими руками
 По горсти машери—земли!
 И гимны въ память, коль угодно;
 Но прочь гоните плачь и спонъ:
 Приличнѣй пиршество надгробно
 Намъсто мрачныхъ похоронъ.
 Сберишесь всѣ и безъ печали
 Тогда на мой вы бросьте прахъ
 Тѣ юны розы, что вѣчали
 При васъ чело мое въ пирахъ! *)”

---

*) Всѣ помѣщенные здѣсь ошривки взяты изъ сочиненій покойнаго М. В. Милонова. Нѣкоторыя изъ нихъ не напечатаны и хранятся у друзей его.—Приве-

Вы собрались здѣсь—но не безъ печали! И кто изъ васъ безъ горести можешь вспомнить о потерѣ, всѣми нами понесенной, о потерѣ безвозвратной.— Украсьте розами прахъ его; но обвейте кипарисомъ чело ваше! Ему предлежишь радость—вамъ печаль! Онъ совершилъ чреду, назначенную для него Предвѣчнымъ: онъ получилъ воздаяніе за добрые дѣла свои; вашу удѣль есшь скорбь—скорбь о потерѣ того, что вы имѣли, скорбь о надеждахъ, кои каждый изъ васъ питалъ въ душѣ своей и теперь видишь ихъ разрушенными столь рано—и навсегда!

Вижу уныніе на вашихъ лицахъ, вижу какъ глубоко поражены вы воспоминаніемъ о утратѣ вашей. Я не долженъ

денные здѣсь стихи суть послѣдніе въ піэсѣ его: *Договоръ со Смертію*. См. собраніе его стихотвореній, изданное въ 1819 году въ С. Петербургѣ подъ названіемъ: *Сатиры, Посланія и другія мѣлкя стихотворенія Михайла Милонова*, стр. 42. Стихъ, въ началѣ пославленный, взявъ изъ подражанія Жильбершу: *Бѣдный Поэтъ*, см. стр. 113.

бы былъ напоминашь вамъ объ оной, я бы долженъ былъ употребить все стараніе умирить печаль вашу—но увлеченный одинакими съ вами чувствованіями, снѣдающими душу мою, восклицаю: плачьте! Онъ столькоже достоинъ слезъ вашихъ, сколько заслуживаетъ воспоминаніе въ сердцѣ каждаго Россіянина!

Россія потеряла въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ пѣнопѣвцевъ, Отечество—вѣрнаго сына, Религія—искренняго ея почитателя, бѣдные—усерднаго помощника; но вы—вы потеряли всего болѣе, вы потеряли въ немъ лучшаго изъ друзей, умѣвшаго чувствовать и любить! Кто вполне знаетъ цѣну дружбы, знаетъ чувствовать и невозвратность такой потери!—И такъ—плачьте—уже собесѣдованіе его не уладитъ болѣе мрачныхъ минушъ вашихъ, уже не явится онъ среди васъ утѣшивъ васъ въ вашей потерѣ, раздѣливъ вашу радость, заставивъ васъ позабыть грусть вашу!—Но духъ его паритъ надъ вами! Для васъ жилъ онъ; мысль о васъ воспламеняла его на тернистомъ пути жизни, къ вамъ обращались надежды

его и за гробъ.—Плачьше!—Къ вамъ, къ дружбѣ взывалъ онъ:

“Ошрада въ горесши и въ счасшь— наслажденье!

Когда наспанешъ мигъ кончины моея,
Съ симъ міромъ усладишь мое шы разлученье

И въ немъ останешся оплакивашъ меня! *)”

Любившій васъ нѣжно умѣлъ цѣнить и вашу любовь къ нему: онъ былъ увѣренъ въ вашихъ чувствахъ, шакъ какъ его были посвящены вамъ!

Милоновъ рождень былъ съ пылкими спрасьями, съ добрымъ сердцемъ, съ превосходными дарованіями!—Его спрасши были, къ несчасшю, причиною преждевременной его кончины, сердечные его чувства живутъ и будутъ жить вѣчно въ памяти друзей его; но дарованія передадутъ имя его и позднѣйшему потомству, которое взвѣситъ нѣкогда его достоинства и произнесетъ надъ ними правдивый приговоръ!

---

*) Стихи сіи, подъ заглавиемъ: *Къ Дружбѣ*, не находяшся въ общемъ собраніи стихотвореній Милонова, а были помѣщены въ 21 номеръ *Вѣстника Европы* на 1808 годъ.

Слишкомъ слабъ, что бы оцѣнить сіи послѣдніе, предославляю то другимъ, болѣе опытнымъ на поприщѣ Поэзіи и Словесности; желаю только сказать нѣсколько словъ о качествахъ доброй души его; считаю, что имѣю полное на то право, ибо сердечно любилъ его и могъ льстить себя его дружбою.

Если бы я говорилъ предъ многочисленнымъ собраніемъ, изъ коего немногіе только знали бы покойнаго; если бы я долженъ былъ передать потомству сердечные чувства человека, копорымъ оно всегда будетъ гордиться, коего пѣсни и въ отдаленныхъ временахъ будутъ пѣнять его воображеніе: то въ подробности представилъ бы въ немъ благочестиваго Христіанина, усерднаго сына Отечества, благодушельнаго гражданина, добраго родственника, вѣрнаго друга; но каждый изъ васъ знаетъ его столько же, какъ и я; онъ самъ въ твореніяхъ своихъ передалъ намъ лучшіе доказательства благородства чувствъ своихъ, и мнѣ остается только прибѣгнуть къ тому, что онъ оставилъ намъ, дабы шемъ яснѣе показать вамъ возвы-

шенность души его: его Геній украсишь слабые слова мои.

Говорю болѣе о его чувствахъ, ибо къ несчастію кратковременная жизнь его и горестные обстоятельства, снѣснѣвшіе оную, назначили слишкомъ ограниченные предѣлы его дѣйствіямъ. Всѣ дни его были посвящены болѣе всего Музамъ и Дружбѣ *). Для нихъ жертвовалъ онъ всемъ и конечно потерялъ многія изъ выгодъ жизни, хотя и не скорбѣлъ объ нихъ—ибо въ душѣ своей, въ сердцахъ друзей своихъ, находилъ за то награду. Онъ самъ всего болѣе чувствовалъ это и въ стихахъ своихъ къ одному почтенному, описывающему другу **) на вызовъ его продолжатель Сапирь—родъ стихотвореній, въ коихъ особенно виденъ пиитическій даръ Милонова—сказалъ:

“Скорѣй совѣшуй мнѣ, чуждѣ лести и сомнѣнья,
Что бы, напрасные оставивъ покушенья,

---

*) Сердечные чувства его болѣе всего видны въ превосходныхъ его стихахъ къ Юности, подражаніе Шиллеру, въ изданіи его стихотвореній стр. 35.

**) И. М. Фозицкому. стр. 173.

спи къ благоспи Неисповѣдимаго, воскликнулъ:

Когда, исполненный сердечныхъ восхищеній,
Я духомъ вознесись къ Тебѣ дерзну моимъ,
О Боже! ... Посреди любви, благодареній,
Теряюсь, изумленъ величешвомъ Твоимъ!

*

Гдѣ обрѣшу глаголь я съ силой, чувшвъ
согласный,
Чшобъ пѣшь мою хвалу Тебѣ, благій Творецъ!
Но пусть усилія души моей напрасны:
Кшо лучше Твоего зришь внутренность сердцецъ?

*

Съ какою нѣжношью, съ какимъ Ты попеченьемъ
Въ ушробѣ машерней еще меня хранилъ—
И шамъ я чувшвовалъ Твое благословенье,
И шамъ я благоспи Твоей испочникъ пиль!—

*

Когда мой слабый духъ въ спраданьяхъ укрѣплялся
И чувшвовашъ себя едва лишь начиналъ,
И день и ночь съ мольбой онъ къ Небу вышался,
И день и ночь свой слухъ къ нему Ты преклонялъ!

*

Въ объятяхъ махери, въ ея любви нѣжной,
 Кошорой я лишень безвременно судьбой,
 Не зная именовать Тебя, неизрѣченной,
 Я зналъ Тебя любилъ и полонъ былъ Тобой!

*

Повсюду слышимъ былъ, повсюду зримъ
 Тобою,
 Вездѣ о мнѣ Твой взоръ сокрытый промыш-
 лялъ,
 Ты ясность дней моихъ невидимой рукою
 Среди напастей; золь, безвредну охранялъ!

*

Десницу ущедрилъ на мнѣ Твою свящую,
 Влилъ въ душу радости; небесный, сладкій
 даръ!
 Ты Вѣру ниспослалъ, Надежду мнѣ благую
 И сердце—пламенной Любви къ Тебѣ алтарь!

*

Да возхваляю Тебя, въ щедропахъ безпредѣль-
 ный,
 И ушра на зарѣ и ноци пишиной,
 Да возвѣщу Тебя мірамъ я опдаленнымъ,
 Когда Тобой возванъ, оставлю міръ земной!

*

Когдажъ вселенную одѣшев сумракъ смерш-
 ный,

Свѣшилъ блестящихъ сонмъ разсыплешся во
прахъ,

Когда разрушишся сей міръ великолѣбный,
Тебя возславлю я . . . вселенной на гробахъ!*)

Нужно ли мнѣ, возобновишь въ памяти вашей, почтеннѣйшіе друзья, его воззваніе къ *Патріотамъ*, что бы показать вамъ пылкую любовь къ опечеспву, живившую сердце его? Нужно ли мнѣ напомнить вамъ его признашельность къ благодѣшелямъ, къ насшавникамъ его юношесшва, о койхъ споль часто говорилъ онъ намъ въ дружескихъ нашихъ бесѣдахъ? Долженъ ли я предсшавить вамъ его спремленіе на помощь ближняго, какъ онъ, по первому манію Великодушнаго Царя, лепѣлъ въ древнюю нашу сполицу облегчать учасъ несчастныхъ, пошерявшихъ все въ кровавой бшшвѣ за свободу опечесшва? **) Нужно

---

*) Подражаніе Аддиссону. Не напечатано. Я нарочно помѣспилъ здѣсь сей *Гимнъ Богу* весь, дабы сообщить чшшашелямъ сіе превосходное произведеніе покойнаго.

*) Покойный Михайло Васильевичъ былъ Правшпелемъ Канцеляріи въ учрежденной въ 1813 году въ Москвѣ Коммиссіи для

ли мнѣ говоришь вамъ о томъ, чему вы сами были неоднократно свидѣтелями? Вы не забыли еще слезъ, кои несчастные, облагодѣшельствованные имъ въ шайнѣ, лили на охладѣвшій уже прахъ его—последняя дань сердце признашельныхъ! Вы не забыли еще глубокой горести любимой имъ сесстры, достойно оплакивающей потерю незабвеннаго брата и друга! Каждый изъ васъ въ сердце своемъ чувствуетъ всю важность оной, ибо и каждый изъ васъ потерялъ въ немъ лучшаго изъ друзей!

Такъ—дружба была кумиромъ души его. Ей посвящаль онъ все, къ ней обращались ежеминутно мысли его, въ ней полагаль онъ все свое утѣщеніе:

пособія раззореннымъ опъ неприятеля. По личнымъ его достоинствамъ и всего болѣе по сердечнымъ чувствамъ его, спремящимся на помощь ближняго, избралъ его на сіе мѣсто великій Поэтъ нашъ и высокій покровитель покойнаго Иванъ Ивановичъ Димитріевъ, бывший тогда Министромъ Юстиціи.

Лишь ты ко мнѣ просперла руку,
 Мнѣ улаждаешь скорбь и муку,
 Опъ коихъ палъ бы я безъ ней!

*

О Дружба, сердца улажденье!
 Какія въ мѣрѣ семъ бѣды,
 Какую горесшь иль мученье
 Не уладишь собою ты?
 Не ты ль, источникъ благъ обильный,
 Крѣпишь въ борьбѣ сердца безильны?
 Что Рокъ бы намъ ни присудилъ—
 Съ побой и слабый бодръ шворнтся,
 Судебъ гоненья не спрашишь,
 Твой щипъ ихъ спрѣлы пришупилъ! *)

Нѣжный пишомецъ Музь, кои вли-
 ли въ грудь его

“божешвенный сей жаръ,
 Который опъ небесъ немногимъ посланъ въ
 даръ,
 Сію высокосшь чувсшвъ и духа благородшво
 Дешпоиншво людей, Поэшовъ превосход-
 шво **),”

---

*) Кб Юности. См. Сатиры, Посланія, и пр.
 спр. 35.

***) Кб Луказію, спр. 29.

опъ дружбы ожидалъ награды за свой
пѣснопѣнія, только въ ея улыбкѣ чаялъ
найти оную. Дружба воспламеняла его
—она же была его и воздаяніемъ.

“Пусть всѣми позабытъ—лишь вы бы мнѣ
внимали,

О милые друзья, и лиръ бы моей

Въ награду вашу вѣнокъ безцѣнный соплѣ-
тали,

Онъ мнѣ дороже всѣхъ пріумфовъ и чес-
шей *)“

Вопъ собственныя слова его. Какъ
горестна управа друга, умѣвшаго такъ
любить! Гдѣ сердце наше найдетъ упѣ-
шеніе въ такой поперѣ?—Но самое вос-
помяніе о немъ, воспомяніе о пріят-
нѣйшихъ дняхъ, проведенныхъ съ нимъ
вмѣстѣ, когда онъ услаждалъ своимъ
присутствіемъ бесѣды наши, когда онъ
былъ душою нашихъ обществъ, не есть
ли уже пріятное ощущеніе сердца, до-
ставляющее намъ истинное наслажде-
ніе?—И чѣмъ горестнѣе воспомяніе о
поперѣ, нами претерпѣнной, темъ сла-
доснѣе, темъ священнѣе для насъ па-

---

*) Счастливецъ, стр. 229.

мяшь того, кого поперяли мы. — Видя въ будущемъ уничтоженными наши надежды, возблагодаримъ судьбу и за то, хопя конечно слишкомъ крапкое время, когда мы вполнѣ чувствовали всю его сладость!—Но мы не совсемъ поперяли нашего друга: его шворенія, его чувства ошпались посреди насъ; они еще дышущъ въ сердцахъ нашихъ и, кажущя, мы еще слышимъ гласъ его и шеперь—и попомки наши будущъ внимають ему—и они будущъ научашься опъ него любить и чувствовать!

Милоновъ имѣлъ слабости—но кто не имѣеть ихъ?

Vitiis nemo sine nascitur: optimus ille est
Qui minimus urgetur. *)

Horat., Sat. 3.

Слабости его были вредны для одного его—не для другихъ. Другіе чувствовали только его достоинства и будущъ всегда благословляють прахъ его. — Онъ зналъ цѣну доброй души своей и попо-

*) Нѣтъ человека безъ недоспашковъ, самый лучший изъ нихъ есть шопъ, кто имѣеть ихъ менѣе.

му смѣло могъ вмѣстѣ съ однимъ извѣстнымъ нашимъ стихошворцемъ, подобно ему славнымъ, подобно ему несчастнымъ, сказать:

“Меня переживушь мои сердечны чувства*),

Такъ, незабвенный другъ! Они перейдушь и къ позднему потомству, и сердца наши будутъ вѣчнымъ оглоскокомъ своего сердца; въ нихъ не умреть свое воспоминаніе; оно будетъ живить ихъ до тѣхъ поръ, пока и насъ неисповѣдимая воля Вышняго воззоветъ къ себѣ, пока и мы соединимся съ тобою!

„Сколь блаженъ, тебѣ подобно,
Кто навѣкъ почилъ ошъ золь,
И ошъ спранствія безплодна
Приспанъ вѣрную нашель;
Во своей могилѣ шѣсной
Воздыханья, плача вѣшь!”

Миръ праху своему, добрая душа!

А. К — тб.

~~~~~

*) Стихъ Озерова, избранный Милоновымъ эпиграфомъ при изданіи своихъ стихошвореній.

РАЗБОРЪ ДВУХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ПРЕ-
ЛОЖЕННЫХЪ ИЗЪ ШИЛЛЕРА В. А. ЖУ-
КОВСКИМЪ И М. В. МИЛОНОВЫМЪ.

Nec verbum verbo curabis reddere fidus
Interpres.

Нот

Шиллеръ, знаменитѣйшій Нѣмецкій Поэтъ, въ одномъ изъ мѣлкихъ лирическихъ произведеній своихъ (*Die Ideale*) воспѣлъ Юность, Дружбу и Занятіе, или Трудъ.

В. А. Жуковскій, доспойный подражатель его, преложилъ и сіе стихотвореніе на Русской языкъ подъ названіемъ: *Мечты*. Въ то же время, или еще нѣсколько прежде, М. В. Милонвъ, котораго ранняя поперя вѣчно будещь оплакиваема друзьями и съ сожалѣніемъ воспоминаема всѣми любителями Поэзіи, подражалъ *Идеаламъ* Шиллера въ своемъ сочиненіи: *къ Юности*.

Сравненіе произведеній образцовыхъ писателей, особенно въ ихъ отношеніяхъ, гдѣ они встрѣчаются, или подражаютъ другъ другу, сколько же при-

лжно, какъ и поучительно. Скажупь: надобно бышь однимъ изъ нихъ, чшобъ судишь основательно о прочихъ. Я самъ поже думаю, но шемъ не менѣ полагаю чшо вникашь въ духъ, въ чувсшва, въ мысли, въ образъ выраженія сихъ писашелей, значишь приносишь большую пользу, если не другимъ, по себѣ.

Я предпринялъ сдѣлать небольшой разборъ сочиненій: Жуковскаго *Метъ* и Милонова *Кб Юности*, сравнишь ихъ съ подлинникомъ Шиллера и сказашь о шомъ и о другомъ свое мнѣнiе.

Сколь ни приятно для меня занятiе шакого рода, но приятнѣе несравненно его назначенiе. Я буду говоришь о Милоновѣ здѣсь, въ кругу друзей, въ шу минушу, когда собрались они почшишь пѣмъ усопшаго своего друга взаимнымъ сообщенiемъ воспоминанiй, замѣчанiй и чувсшвованiй о рѣдкихъ его качесшвахъ. Мое намѣренiе—сказашь шолько: *и я понималъ его, и я любилъ его душевно!* Для сего не нужно прибѣгашь къ украшенiямъ. Пусть голосъ мой слабъ но снисходительность ваша узнаешь въ немъ сильное желанiе принести вмѣ-

стѣ съ другими сердечную дань памяти друга. Пусть мысли мои ничтожны, слова невыразительны; но мысли и слова Милонова покажутъ, какъ въ зеркалѣ, его душу, и я однимъ наименованіемъ ихъ надѣюсь заслужить одобрение огорченной дружбы.

Прежде, нежели приступлю къ самому разбору, почишаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ вообще о переводѣ въ стихахъ. Никто не усомнится въ трудности сего дѣла, пребывающаго часто гораздо большихъ усилій, нежели собственное сочиненіе. Хочешь изобразить на своемъ языкѣ всѣ красоты чужаго и видишь почти неборимые препятствія—въ образѣ выраженія, въ узахъ стихотворства, въ духѣ языковъ. Хочешь замѣнить красоты чужія собственными своему языку, и сомнѣваешься въ силѣ каждаго слова, въ выразительности, которую должно придать ему, чтобы уравнять съ красою подлинника. Такимъ образомъ всякій хорошій переводъ стихами можешь быть только подражаніемъ, особливо же въ

родѣ лирическомъ *). Тутъ каждое слово внушается воспоргомъ, а воспоргъ не только въ людяхъ разныхъ націй, но и въ шѣхъ, копорые говорятъ однимъ языкомъ, допускаетъ въ выраженіяхъ порывы, свойственныя каждому изъ нихъ въ особенноти, копорые заимствованы бытъ не могутъ; воспоргъ даже одного и того же человека, но въ положеніяхъ различныхъ, дающихъ разнообразныя опшѣнки чувствамъ, не бываетъ одинаковъ. Къ тому же переводъ есть искусство — предлагашъ на свой языкъ мысли иностраннаго писателя сообразно съ духомъ его чувствованій съ принятымъ имъ слогомъ и въ совершенно приличныхъ симъ мыслямъ выраженіяхъ; а воспоргъ не терпитъ искусства: это пламя, копорымъ сгараетъ поэтъ, копорымъ одушевляешся чинашеть. Если въ лирическомъ сочиненіи замѣтно искусство, хотя и самое

*) Всего ближе можно переводить стихами въ дидактическомъ родѣ. Гжа Бунина перевела L'art poétique почти изъ стиха въ стихъ.

шонкое, воспоргъ исчезъ и сочиненіе
перяешъ свое дѣйствіе.

Итакъ однимъ подражаніемъ можно
знакомить читателя съ лирическими
произведеніями поэтовъ иностранныхъ.
Надобно говорить языкомъ автора, а
не словами. Посмотримъ, какъ поступи-
ли наши славные предлагатели Шил-
леровыхъ *Идеаловъ*.

Жуковскій начинаетъ:

Почто такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, поскою
Куда поешь свой усремила?
Неумолимая, поскою!
О дней моихъ весна, злая,
Поскою!... тебѣ возвращаюсь!...
Летишь, молишь не внимая,
И все за ней помчалось въ слѣдъ.

При чтеніи подлинника, въ самомъ
началѣ представляется мнѣ унылая ду-
ша Поэта, который горюетъ, воспомина-
ная о мечтахъ исчезающей юности. Въ
переводѣ претій стихъ даетъ совсемъ
другое направленіе моимъ мыслямъ: я
думаю, что Поэтъ хочетъ разсуждать
о вѣчности. Шиллеръ не спрашиваетъ:

куда полетъ свой устрелила? Напротивъ, онъ самъ говоритъ: „свои волны спѣшатъ погрузишься въ море вѣчноспи.,, Кромѣ сего опсупленія, почти все, что сильно въ подлинникѣ, удержано и въ переводѣ—замѣтно впрочемъ съ какимъ стараніемъ, и потому эта строфа совсемъ не располагаетъ къ унынію, какъ у Шиллера.

Постой! . . . тебѣ возврата нѣтъ!

Тутъ явно опущенъ союзъ: но, и стихъ дѣлается очень темнымъ. Мнѣ кажется лучше было бы сказать: *Но ей возврата нѣтъ*—темъ болѣе, что въ слѣдующемъ стихѣ глаголъ также поставленъ въ претъемъ лицѣ.

Молитвѣ не внимая—слишкомъ не-свойственное выраженіе; припомъ же выше было уже сказано: *неумолимая*.—*И все за ней полталось въ слѣдѣ*—стихъ слабый, котораго нѣтъ у Шиллера.

Послушаемъ начало Милонова:

Ты *уткаешь*, невозвратно *)

О время юности моей,

*) Жаль, что вмѣсто: *уткаешь*, не поставлено: *улетаешь*—тогда сравненіе было бы вѣрнѣе.

Какъ сна мечтаніе приятно
Лепишь съ зарею опъ очей.

Изъ первыхъ двухъ стиховъ мы видимъ уже, къ кому обращаешься Поэтъ; сравненіе въ слѣдующихъ двухъ дополняетъ первые, и вмѣстѣ, они даютъ совершенное понятіе о предметѣ Поэма. Онъ шоскуешь о прошекшихъ дняхъ юности, представляя себѣ всю ихъ очаровательность. Въ эту минушу онъ не воспоминаешь о *горестахъ*, что и самъ Шиллеръ употребилъ, кажешся, не умѣша, ибо въ послѣдствіи нигдѣ не упоминаешь, что и горести, претерпѣнныя въ юныхъ лѣтахъ, были приятны. Темъ болѣе неприлично у Жуковского слово: *тоска*. Далѣе:

Зову себя—судьба жестока
Не обращаешь вспяшь пошока,
Въ кошоромъ гибнешъ мигъ и вѣкъ.

Превосходное подражаніе Шиллеровымъ стихамъ:

Vergebens, deine Wellen eilen
Hinab ins Meer der Ewigkeit.

котораго, какъ я уже замѣнилъ, совсемъ нѣтъ у Жуковского.

Исчезло все, что прежде льстило,
 Запмилось дней моих свѣтило
 И ранній сумракъ ихъ припекъ.

Нельзя болѣе приблизиться къ чув-
 ствамъ, одушевляющимъ подлинникъ,
 несмотря на то, что выраженія совер-
 шенно различны.

Далѣ Милоновъ, сообразуясь съ ду-
 хомъ языка своего, которъй не могъ
 бы принявъ въ такую силъ довольно
 опвлеченныя идеи подлинника, пропу-
 скаешь цѣлые пяты спрофъ. Жуковский
 слѣдуешь по споцамъ Авшора. Не входя
 въ подробносши, взглянемъ бѣгло на его
 переводъ.

О! гдѣ ты, лучъ пушепроводитель
 Веселыхъ юношескихъ дней!

Прекрасно! но все не то, что въ
 оригиналѣ:

Erloschen sind die heitern Sonnen,
 Die meiner Jugend Pfad erhellt.

У Милонова сказано выше:

Затмилось дней моихъ свѣтило,
 и это ближе къ подлиннику, хотя все
 же такъ сильно выражаешь мысль его.

Гдѣ ты, *Надежда, обольститель* *)
 Неопытной души моей?

Здѣсь обращеніе къ Надеждѣ у Жуковскаго, кажешься мнѣ, совсемъ не кспашни: его нѣтъ у Шиллера и въ послѣдствіи оно опровергается совершенно прошивною мыслію.

Ужъ нѣтъ ея, сей вѣры милой
 Къ пвореньямъ пламенной мечшы!
 Добыча истины унылой
 Призраковъ прежнихъ красопы.

Спихи недоспойные Жуковскаго, въ кошорыхъ видно щещное усиліе передашь мысли авшора.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
 Богошвориль Питмаліонъ
 И мраморъ внялъ любви спенанье,
 И мершвый былъ одушевлень:
 Такъ пламенно объяша мною
 Природа хладная была,
 И полная моей душою,
 Она подвиглась, ожила.

*) Одинъ изъ моихъ прияшелей, кошорому я давалъ просмопрѣшь разборъ свой, написалъ на полѣ прошивъ эшого спиха: «Нельзя ли что нибудь сказашь объ эпомѣ Гермафродидѣ, хошя мимоходомъ? У

Здѣсь не выдержано сравненіе, сдѣланное Шилеромъ. Жуковскій говоритъ “какъ Пигмаліонъ боготворилъ мраморъ, такъ я обнимаю хладную природу.” У Шиллера же: “какъ Пигмаліонъ, обнимая мраморъ, вдохнулъ въ него жизнь: такъ я, просиравя къ природѣ объятія любви согрѣлъ ее, заставилъ дышать у груди Поэта.” Но сія строфа у Шиллера неподражаема и переложить ее съ тою же силою на другой языкъ, кажется, совершенно не возможно.

И юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ:
Мнѣ опивчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.
Тогда и древо жизнь прияло
И чувство ощутилъ ручей,
И мершвое опзывомъ спало
Пылающей души моей

*

И неспешивнымъ спремленьемъ
Весь міръ въ мою пѣснился грудь:
Каршиной; звукомъ, выраженьемъ

Жуковскаго нерѣдко встрѣчается подобное *женомучіе*., И мнѣ кажется это замѣчаніе весьма основательнымъ.

Во все я жизнь хошѣлъ вдохнуть;
 И въ вѣжномъ сѣмени сокрышой,
 Сколь пышнымъ мнѣ казался сеѣшь...
 Но, ахъ! сколько мало въ немъ развишо!
 И малое—сколь бѣдный цвѣшь!

*

Какъ бодро, слѣдомъ за мечшою,
 Волшебнымъ очарованъ сномъ,
 Забшъ несвязанный уздою,
 Я жизни полешѣлъ пущемъ.
 Желанье было—исполненье;
 Успѣхъ ошвагу пламенилъ;
 Ни высота, ни ошдаленье
 Не ужасали смѣлыхъ крыль.

Во второй изъ сихъ спрофъ нельзя
 не замѣпить превосходнаго стиха:

Весь міръ въ мою тѣснился грудь,

въ копоромъ удержанъ полная мысль
 авпора и едва ли не лучше выражена.
 Но почему же въ предыдущемъ стихѣ
 сказано: *стрелленъелѣ неестественныелѣ?*
 Шиллеръ говоритъ: *mit allmächtigem Stre-*
ben, то есть: *необыкновенно сильно.*
 Можешъ бытъ, и переводчикъ поста-
 вилъ слово: *неестественныелѣ*, въ помъ же
 смыслѣ, но оно даешъ другой и зашем-
 няешъ наспоющій. — Вообще же ширада

сія переведена очень близко, но нельзя прочитавъ ее, не подумавши почти надъ каждою фразою. Въ послѣднемъ куплетѣ нѣкоторыя стихи переложены слово въ слово:

Wie sprang — — — —

— — — — —

Von keiner Sorge noch gezügelt,
Der Jungling in des Lebens Bahn.

Какъ бодро — — — —

— — — — —

Забошь несвязанный уздою,
Я жизни подешью пушемъ.

Наконецъ предлагатели встрѣчающя опять. Жаль только, что ни одинъ изъ нихъ не удержалъ превосходнѣйшихъ стиховъ Шиллера:

Wie leicht ward er dahin getragen,
Was war dem Glücklichen zu schwer!

Строфа 7 Жуковскаго:

И быстро жизни колесница
Спезею младости шекла!
Ее воздушная спаница
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ Счастьемъ ключемъ,
И Слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ Испина лучемъ.

Превосходно! Кажется невозможно лучше! Особенно удачный стихъ:

Съ алмазымъ Статіе ключемъ,

эпошь стихъ доказываешь, - какъ могутъ великіе поэты обогащать свой языкъ, заимствуя выраженія у иноспранныхъ писателей, спавя ихъ у мѣста и придавъ имъ шу свѣжестъ, шу многозначительностъ, въ какой они употреблены самимъ авторомъ.

Вотъ какъ Милоновъ переводишь эту же спрофу, прибавляя къ ней, въ началѣ нѣсколько мыслей, разсѣянныхъ въ предыдущихъ куплетахъ:

Гдѣ вы, забавы лѣшь счастливыхъ,
 Безпечностъ, радостъ и покой,
 Гдѣ замыслы, мечты игривы,
 Дары Фанпазіи благой?
 Какою силою чудесной
 Разрушенъ спаль сей мѣръ прелестной,
 Гдѣ зрѣль я Доблести въ вѣнцахъ,
 Любовь, манящую опрадой,
 Форшуну, льстящую наградой,
 И Правду въ солнечныхъ лучахъ!

Въ концѣ сей спрофы Милоновъ уступаешь совершенно своему знаменишму сопернику. Одинъ только послѣд-

ній стихъ его можешь поспорить о преимуществѣ:

И Правда въ солнечныхъ лучахъ.

Это переведено либерально изъ Шиллера и въ настоящемъ его духѣ—гораздо величественнѣе и сильнѣе, нежели:

И съ яркими Истина лучами.

Теперь остановимся еще нѣсколько на промежуткѣ, сдѣланномъ Милоновымъ. Почему бы то ни было; онъ пропустилъ карпины юношескихъ мечтаній, кошорыя прелестны у Шиллера; но зато онъ не сказалъ ничего слабаго, ничего темнаго. Мы видѣли, что къ Юноши обратился онъ въ самомъ началѣ, сказалъ вмѣстѣ съ Шиллеромъ, что она исчезаетъ (а не исчезла, какъ у Жуковского) и приступилъ къ описанію главнѣйшихъ ея заблужденій, опустя то, что Шиллеръ говорилъ о Поэзіи, украшающей все въ глазахъ юноши. По сему-то вѣроятно Милоновъ и назвалъ свою піэсу не *Мечты*, а къ *Юности*, по сему-то, можешь быть, въ концѣ ея, шамъ, гдѣ Шиллеръ говоритъ о Трудѣ, онъ обращается къ Музамъ, ко-

иорья не переставали еще одушевлять его и въ эту минуту. Что было согласнѣе съ его чувствами, то послѣшилъ онъ передать читателямъ; прочее, какъ ненапуральное въ его положеніи, было бы конечно и у него слабо.

Возвратимся къ сравненію!

Но ахъ!.. еще съ полудороги,
 Наскучивъ рѣзвою игрой,
 Вожди отспали быспроноги...
 За роємъ въ слѣдъ умчался рой!
 Украдкой Счастіе сокрылось;
 Измѣной Знаніе ушло;
 Сомнѣнья тучей обложилось
 Священной Истины чело.

Эта спроста принадлежитъ къ числу превосходныхъ у Жуковскаго. Какъ хорошо и близко выражены мысли автора! даже соблюденъ пошъ же самый ходъ ихъ. Видно, что переводчикъ не зашруднялся фразами, живо представляя себѣ то, что писалъ. Но и шупъ ешь ошибка, довольно важная:

Измѣной Знаніе ушло.

Красивый, хопъ и не очень плавный стихъ—однако имъ ничего не сказано; еще кажешся онъ совершенно прощиво-

рѣчишь мысли Шиллера, кошорый го-
ворить:

Des Wissens Durst blieb ungestillt.

то есть: "жажда познаній оспалась не-
уполеннойю.,,

Милоновъ начинаешъ эту спрофу
прекраснымъ сравненіемъ. Жаль поль-
ко, что оно не совсемъ выдержано.

Какъ въ мракѣ пущникомъ возженны
Огни мелькающъ средь сшепей,
Такъ призраки сіи мгновенны
Сокрылись ошъ моихъ очей.

Если огни мелькающъ, то они еще
не попухли, а исчезающъ постепенно.
И пакъ скорѣе, кажешся, можно было
бы, сказашъ *скрывались*, нежели со-
крылись.

Исчезла Слава быспрокрыла,
Любовь въ опрадѣ 'измѣнила,
Вкругъ солнца Испины свяшой
Туманъ сомнѣнія развился—
И Опышъ вещь меня явился
Тропой колючей, въ шмѣ густой!

Превосходно! неподражаемо! Здѣсь
переводчикъ говоритъ языкомъ Авшора,
но еще съ большею силою. Последнихъ
двухъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ, но

они обманомъ ускользнули отъ Шиллера, копорый все велъ къ тому, что бы сказать ихъ здѣсь—и дѣйствительно сказалъ въ послѣдствіи, какъ увидишь вскорѣ.

Что бы дополнишь компраспъ юношескихъ мечтаній съ дѣйствительными событіями въ мірѣ, Шиллеръ въ двухъ стихахъ изображаетъ славу, украшающую чело обыкновенныхъ людей и шемъ униженную.

Ich sah des Ruhmes heilige Kränze
Auf der gemeinen Stirn entweicht.

Жуковскій повѣряетъ его слова, но уже не съ такою силою:

Я зрѣлъ какъ дерзкою рукою
Презрѣнный славу похищаль.

Милоновъ находить въ сихъ двухъ стихахъ обильный предметъ для своего сатирическаго духа. Онъ привыкъ быть грозою порока и не можетъ говорить о немъ мало, или равнодушно. Посмотришь, какими яркими чертами, съ какою необыкновенною силою, изображаетъ онъ мечпы, разрушенныя событіемъ:

Гдѣ прежде Юность созидала
Великолѣпный храмъ чести,

Куда парись она мечпала
 Дивисься благосни людей—
 Тамъ вмѣсто Доблесни и Чесни
 Порока ликъ, рукою лесни
 Увѣчанъ, въ блескъ ей предспаль,
 Тамъ Опышь показаль ей спрогій
 Злодѣйсшва спрашныя дороги:
 Я ихъ узрѣвъ—воспрепешаль!

Въ послѣднемъ стихѣ мы видимъ
 еще болѣе поэта: онъ разочарованъ, из-
 умляется своимъ прежнимъ заблужде-
 ниямъ, споль для него драгоцѣннымъ, и
 шрепещеть, видя картину наспоящихъ
 бѣдспвій. „Я хопѣль бы, говорись Ови-
 дій, чшобъ молодой человекъ, поражен-
 ный шѣми же чувспвами, какъ и я, на-
 шель въ стихахъ моихъ всѣ признаки
 своего пламени и воскликнулъ въ изум-
 леніи: „кто научиль сего поэта споль
 живо изображашь мои бѣдспвія!„—Кпо
 изъ молодыхъ людей съ пылками чув-
 спвами, въ пу минушу, когда начи-
 наешь понимашь свои заблужденія, не
 найдешь въ стихахъ Милонова изобра-
 женія души своей! И кпо, разочарован-
 ный въ любви, не воскликнешь вмѣспѣ
 съ нимъ:

Съ улыбкой ты меня манила,
 Любовь, менша прелестныхъ дней!
 Но взорамъ спраснымъ не открыла
 Небесной красоты твоей;
 Пора любить проходишь щещно,
 Желанье гаснешь непримѣнно,
 И одинокая доска
 То ложе горькими слезами
 Кропишь, что для тебя цвѣтами
 Моя украсила рука.

Тутъ мы не видимъ переводчика,
 не видимъ рабскаго подражателя: шупъ
 собсвенное вдохновеніе руководило Ми-
 лоновымъ, и если Шиллеръ, въ уныніи,
 двумя меланхолическими спихами изо-
 бразилъ поперю любви, то Милоновъ
 въ сильныхъ, дышущихъ пламенемъ спи-
 хахъ показалъ, что онъ въ эпю минушу
 чувствовалъ ее гораздо живѣе. Здѣсь онъ
 беретъ верхъ надъ Шиллеромъ, а спи-
 хи Жуковскаго не выражають и въ по-
 ловину того, что чувствовалъ великій
 Нѣмецкій Поэтъ.

И быстро съ быстрою весною
 Прелестный цвѣтъ любви увялъ.
 говоритъ онъ. То ли эпо, что у Шил-
 лера:

Ach! allzusehnell nach kurzem Lenze
 Entfloh die schöne Liebeszeit.

Здѣсь одно восклицаніе: *ахъ!* уже много значить, и я не понимаю, почему пренебрегъ имъ Жуковскій.

Онъ продолжаетъ почти лишперально изъ Шиллера:

И все пустынно, тихо спало
 Окрестъ меня и предо мной;
 Едва Надежды лишь сіяло
 Свѣшило надъ моей тропой.

Впрочемъ и здѣсь не соблюдена поспешенность, какая у Шиллера замѣтна въ каждомъ новомъ словѣ: “И все тихо и тихо спановилось вокругъ меня, говоритъ онъ, все пустынное наснезъ, поросшей терніемъ. Едва слабое мерцаніе бросала Надежда на мрачный путь мой.,,

Милоновъ оставилъ стихи сіи безъ перевода, но не отсюда ли заимствоваль онъ приведенные выше, которыхъ шамъ не находили мы у Шиллера:

И Опытъ вестъ меня явился
 Тропой колючей, въ шмѣ густой.

Такъ пылкіе чувства поэта не допускають его слѣдовать въ подражаніи лишперально порядку образца, но все ведутъ къ той же цѣли и заспавляютъ

насъ живѣе чувствоватъ достоинство
подлинника.

Здѣсь-то Шиллеръ говоритъ о На-
деждѣ, кою только слабое мерца-
ніе ему оспалось, и шемъ несообразнѣе
стихи Жуковскаго:

Гдѣ ты, Надежда, обольщицель.
Неопытной души моей?

съ послѣдующими:

Едва Надежды лишь сіяло
Свѣсило надъ моею пропой,

что *тамъ* представляя себѣ ее совер-
шенно исчезнувшюю, здѣсь онъ говоритъ,
что сіяло *свѣтило* Надежды, а не *слабое*
мерцаніе, какъ у Шиллера.

Слѣдуешь у Жуковскаго прекрасная
спрофа, близко преложенная изъ Шил-
лера:

Но ктожь изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
Мой до могилы провожающей,
Участникъ радостей и бѣдъ?
Ты, узъ житейскихъ облегчицель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣшь,
Ты, дружба, сердца изцѣлицель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ!

Милоновъ, нарушивъ однажды поря-
докъ подлинника, долженъ былъ и здѣсь
наблести свою связь и неиспощимый

въ выраженіяхъ дружбы, о которой не могъ говорить безъ воспора, онъ и здѣсь расплодилъ свои о ней мысли. и здѣсь не могъ удержашь порыва пылкихъ чувствъ своихъ, а попому спихи его гораздо сильнѣе чемъ у Жуковского — нѣкошорые же сильнѣе, чемъ у Шиллера.

Въ обманахъ, скорби и спраданѣ
 Спремленій сердца жаръ попухъ,
 Лишь благъ пропекшихъ вспоминанье
 Живить мой изнуренный дулъ;
 Лишь ты спутница благая,
 Обрещись до могильна края
 Идши со мною въ жизни сей—
 Лишь ты ко мнѣ простерла руку,
 Мнѣ улаждаешь скорбь и муку,
 Опъ коихъ палъ бы я безъ ней!

*

О дружба, сердца улажденье!
 Какія *) въ мѣрѣ семь бѣды,
 Какую горесшь, иль мученье
 Не уладишь собою ты?
 Не пыль, испочникъ благъ обильный,
 Крѣпишь въ борьбѣ сердца безильны?

*) Надлежало бы сказашь: какихъ и не бѣды, а бѣдъ, или бѣдствій. Прил. Изд.

Что Рокъ бы намъ ни присудилъ—
 Съ побой и слабый бодръ шворнтся;
 Судебъ гоненья не спрашнтся:
 Твой щнтъ ихъ стрѣлы прнтупнлъ.

Нельзя сказатъ, чтобъ и это предложение не было близко къ подлиннику. Шиллеръ говорнтъ почти все тоже, но его выраженія сжатѣе: онъ не хотѣлъ сказатъ много, чтобъ не ослабнтъ своихъ мыслей. Милоновъ сказаль гораздо болѣе и при всемъ томъ въ его стихахъ вездѣ необыкновенная свѣжестъ и сила.

Крѣпншь въ борьбѣ сердца безсильны,
 или:

Твой щнтъ ихъ стрѣлы прнтупнлъ.

Эти стихи доспойны Горація!

Далѣе Жуковскій обращается къ Труду, слѣдуя вѣрно по стопамъ Шиллера; но здѣсь мысли Нѣмецкаго Поэта облечены въ силу выраженія, свойственную только его языку. Русскій переводчикъ не могъ достигнуть эпной точности и вмѣстѣ легкости въ оборотахъ, какая видна въ каждой фразѣ подлинника. Онъ долженъ былъ только приблизиться къ мысли Автора и объяснитья посвоему.

Выпишемъ эпу послѣднюю спрофу
подлинника:

Und du, die gern sich mit ihr gattet
Wie Sie der Seele Sturm beschwört,
Beschäftigung, die nie ermattet,
Die langsam schafft, doch nie zerstört,
Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn nur für Sandkorn reicht,
Doch von der groszen Schuld der Zeiten
Minuten, Tage, Jahre streicht.

Это Нѣмецкая разстелливость! сказа-
лъ мнѣ однажды Милоновъ, говоря объ
эпихъ спихахъ; но мнѣ кажѣтся, онъ
очень ошибался. Какія высокія мысли!
И какъ шонко, впрочемъ свободно выра-
жены!—Вошь какъ перевель ихъ Жуков-
скій:

И ты, поварищъ мой любимый;
Души хранишель, какъ она;
Другъ вѣрный, Трудъ неушомимый,
Кому свяшая власшь дана:
Всегда шворишь, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И силу въ сердць водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

Милоновъ вмѣсто *Занятія*, какъ у
Шиллера, обратился къ Музамъ. Онъ и-
мѣлъ полное на то право, ибо не гово-
рилъ какъ Жуковскій;

Измѣной Знаніе ушло ,-

или какъ Шиллеръ:

Des Wissens Durst blieb ungestillt.

Вошь послѣдняя спроста его:

И вы, копорые споль нѣжно
Хранише дружескій союзъ,
Одно богатство, здѣсь надежно,
О *) наслажденья чистыхъ Музъ!
Воспоргъ вашъ непорочность, силу
Вливайше въ грудь мою унылу:
Гоните горестъ и шоску
Прелестныхъ **) вашихъ струнъ игрою,
Да съ бодрой я еще душою
Пушь брашкой къ гробу прошеку.

Удивляясь красотамъ стиховъ сихъ
и искусству, съ копорымъ Переводчикъ
замѣнилъ мысли Автора своими, я не
могу безъ удивленія замѣнить, какъ
вкрался между ними дурной стихъ, един-
ственный во всемъ стихотвореніи,
предспавляющій двойкій смыслъ и даю-
щій самъ по себѣ дурную идею:

Одно богатство здѣсь надежно

*) Кажешся, о здѣсь лишнее. *Изд.*

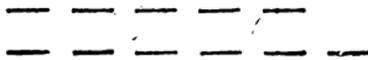
**) Не струны на инструментахъ бывающъ
прелестны, но игра. *Изд.*

Не вдругъ можно добраться, что наслажденія Музы называешь Переводчики однимъ надежнымъ здѣсь богашспивомъ. Прилагательное: *надежное*, имѣешь въ сокращеніи видъ нарѣчія и даешь понятіе, какъ будто на одно богашспиво только можно полагаешься въ семь мірѣ —шемъ болѣе, что обращеніе къ наслажденіямъ Музы слѣдуешь уже за симъ. Во всякомъ случаѣ не должно было говорити о богашспивѣ, о кошоромъ выше не было сказано ни слова.

Впрочемъ послѣдніе стихи вознаграждають совершенно за сію, можешь бышь, невольную неискравность.—Замѣчено, что Милоновъ часно въ стихахъ своихъ предрѣкаль себѣ скорую кончину—и здѣсь то же — и сіе предвѣщаніе, къ сожалѣнію, слишкомъ почно исполнилось!... Но намъ, друзьямъ его, остающа по немъ памятники—его прекрасныя произведенія, — въ кошорыхъ видна чистая душа его—и между кошорыми займешь одно изъ первыхъ мѣспѣ стихотвореніе его *къ Юности*.

Теперь остаешься сдѣлашь сличеніе двухъ разсмотрѣнныхъ мною піесъ въ

цѣломъ; но какъ въ разборѣ моемъ онѣ разбины по часнямъ, то для вѣрнѣйшаго соображенія позвольте мнѣ прочиташь ихъ шеперь одно за другимъ, не перебивая ни мыслей, ни порядка *).

Предлагаю на судъ спрогой разборчивоспи вашей, просвѣщенные друзья Милонова: которое изъ сихъ двухъ стихошвореній способно болѣе дѣйствовашь на душу?.....

Не выдаю своего мнѣнія закономъ: оно можешь бышь очень ошибочно; но мнѣ кажешся, что Жуковскій, споль счастливыи въ подражаніяхъ Нѣмецкимъ Поэшамъ и особливо Шиллеру, здѣсь должень успунить пальму Поэзии Ми-

*) Помѣщашь здѣсь еншь оба сочиненія было бы излишне, потому что въ разборѣ не выпущено изъ нихъ ни одного слова. Но какъ прочшеніе вслухъ одного за другимъ дѣйствительнo много значить для шого, чтообъ дашь настоящую цѣну каждому, то мы ошсылаемъ своихъ читашелей къ собраніямъ сочиненій Жуковского и Милонова.

лонову. Гдѣжь искашь причинь? По моему мнѣнію, онѣ ясны. Жуковскій гонялся, шакъ сказашь, за красопами Шиллера: онѣ поражали его, и онѣ кошѣль какъ бы насильно переселишь ихъ на поле Русской словесности. Тупшъ видно похвальное стараніе передашь намъ въ почности превосходныя мысли подлинника, обогатишь языкъ нащъ займспвенными выраженіями. Но гдѣ щеголяешъ искусство, шамъ не увидишь и слѣдовъ вдохновенія.

Милонову попалось спихотвореніе Шиллера въ то время, когда онѣ самъ живо чувствоваль всѣ воспорги и всѣ заблужденія юности. Онѣ пораженъ былъ не цвѣтами Поэзіи, а истиною описаній; живыми оппѣнками собспвенной души своей. Знакомыя мысли сдѣлали скоро знакомыми и слова, копорые шакъ сильно выражають ихъ. Исполненный сихъ мыслей и словъ, Милоновъ долженъ былъ только заговорить порусски, чтообъ передашь намъ ихъ во всей свѣжести.

Языкъ Жуковского плавень и чиспъ, но слишкомъ нѣженъ. Онѣ рассказы-

ваешь о своих заблужденіяхъ милой дѣвушкѣ, которую боишься оскорбить неделикатностію. Милоновъ говоритъ съ молодымъ другомъ: ясно и живо представляешь ему все минувшее въ своей жизни, осерегаешь его и вмѣстѣ ему завидуешь.

Жуковскій увидя рѣдкій, прелесный цвѣпокъ въ обильныхъ садахъ южнаго края, срываетъ его, берегаешь съ искусствомъ опытнаго ботаника въ своемъ гербаріумѣ и привозитъ на показъ въ свою родину. Милоновъ томъ же цвѣпокъ срисовываетъ яркими красками съ точностію искуснаго физиолога. Въ томъ и въ другомъ цвѣпкѣ уже нѣтъ природы, но послѣдній даетъ намъ лучшее понятіе о томъ, каковъ онъ былъ въ натурѣ и долѣ берегаешься.

В. Кн—тѣ.

РАЗБОРЪ СТИХОТВОРЕНІЯ М. В. МИЛОНОВА:
БѢДНЫЙ ПОЭТЪ.

Нигдѣ стихотворецъ такъ сильно не дѣйствуетъ на душу читателя, какъ поэтъ, гдѣ онъ передаетъ ему собственные и, такъ сказать, частные чувствованія души своей. Въ описаніяхъ прелестней природы, ужасовъ войны, и т. п. онъ льститъ его воображенію картинною цѣлаго, или пробуждаетъ соучастіе бѣдствіями общими, онъ чего сіи мечты удовольствія, сіе соучастіе разделяюща между нѣсколькими предметами, или лицами. Но поэтъ, гдѣ онъ открываетъ намъ нѣкоимъ образомъ состояніе собственнаго своего сердца, дѣлаетъ насъ какъ бы участниками собственныхъ своихъ тайнъ — поэтъ онъ увлекаетъ насъ за собою, спавитъ насъ противъ воли въ его положеніе, и такимъ образомъ проглатываетъ самыя чувствительныя струны нашего сердца. Мы любимъ грустить на уединенномъ берегу съ Овидіемъ, любимъ съ Юнгомъ оплакивать смерть его Нарциссы, съ Байрономъ — шомимся въ мрачномъ его

одиночествѣ среди большого свѣта. Сею удобностію чувствованій, сею меланхоліею происпекшею опъ внѣшнихъ бѣдствій и безпреспанныхъ неприяшноспей здѣшной жизни—опличающся большая частъ пвореній Французскаго Поэта Жильбера и многіе изъ сочиненій покойнаго нашего Милонова. Въ предлагаемомъ здѣсь спихопвореніи можно видѣть разность положенія и самыя оппѣнки чувспвъ обоихъ спихопворцевъ, п. е. Поэта Французскаго и Россійскаго, его подражателя. Съ самаго своего появленія на поприщѣ словесности, Жильберъ былъ тонимъ людьми и непостоянною богинею счаспія; онъ умеръ въ цвѣтущихъ лѣтахъ опъ помѣшательсства ума, умеръ, помимый бѣдноспію въ богадѣльнѣ (hôtel Dieu). Милоновъ, хопя не съ избыткомъ надѣленъ былъ дарами счаспія, но имѣлъ безбѣдное соспояніе; нѣкоторыя частныя обспоятельствва его жизни были, причиною, что онъ охладѣлъ къ людямъ и свѣту, но былъ за то вознагражденъ дружбою людей, его знавшихъ и умѣвшихъ цѣнить его дарованія.

Изъ сказаннаго мною можно понять почему Жильберъ относитъ всѣ свои горести на счетъ людей и свѣта, Милоновъ—болѣе на счетъ случайностей жизни. Вольный переводъ сего послѣдняго можно вѣрнѣе назвать вольнымъ подражаніемъ. Жильберъ повсюду жаляется на холодность и презрѣніе, оказанные дарованіямъ его; Милоновъ съшуешь объ упрямѣ прежнихъ мечпаній разочарованнаго своего воображенія; и хопя негодованіе выказывается пакже и въ его *Бѣдноль Поэтъ*; совсемъ пемъ оно болѣе относится вообще къ превращеніямъ свѣта и времени, нежели въ частности къ лицамъ. Но послушаемъ обоихъ Поэтовъ.

Приспупъ въ стихопвореніи Жильбера уже опзывается нѣкоторымъ опчаяніемъ и человеконенавидѣніемъ:

Vous que l'on vit toujours chéris de la fortune,
De succès en succès promener vos désirs,
Un moment, vains mortels, suspendez vos plaisirs:
Malheureux... ce mot seul déjà vous importune.
On craint d'être forcé d'adoucir mes destins!
Rassurez vous, cruels; environné d'alarmes,
J'appris à dédaigner vos bienfaits incertains,
Et je ne viens ici demander que des larmes.

Savez-vous quel trésor eût satisfait mon
coeur?

La gloire: mais la gloire est rebelle au malheur,
Et le cours de mes maux remonte à ma naissance
Avant que, dégagé des ombres de l'enfance,
Je pusse voir l'abîme où j'étais descendu,
Père, mère, fortune, oui, j'avais tout perdu.
Du moins l'homme éclairé, prévoyant sa misère,
Enrichit l'avenir de ses travaux présents,
L'enfant croit qu'il vivra comme a vécu son père,
Et tranquille s'endort entre les bras du tems,
La raison luit enfin, quoique tardive à naître.
Surpris, il se réveille, et chargé de revers,
Il se voit sans appui dans un monde pervers,
Forcé de hair l'homme avant de le connaître.

Все сіе мѣсто, показывающее край-
нее негодование, крайнюю недоувѣрчи-
воспѣ къ людямъ, опкинута Милоно-
вымъ, несмотря на силу выражений и
красоту стиховъ, которые онъ въ себѣ
заключаетъ. Милоновъ былъ переводчикъ-
шворецъ: онъ бралъ въ своемъ авторѣ то,
что близко было къ его сердцу, допол-
нялъ собственными мыслями и одѣвалъ
все сіе въ прекрасные, гармоническіе
стихи. Вотъ какъ онъ начинаетъ свое
стихотвореніе: это мѣсто все, или
почти все, принадлежитъ ему:

О дней моихъ весна! куда сокрылась ты?

Едва пвой слѣдъ примѣчу,

Какъ сна плѣнишельны мечты

Вошще лечу къ тебѣ—тебя вовѣкъ не встрѣчу!

Какая томная грусть изображается въ сихъ чешырехъ стихахъ! Какъ они возбуждаютъ соучастіе въ чинательнѣ къ положенію Поэта, поскоющаго о быспромѣ полетѣ своей юности!—Здѣсь онъ еще не жалуется ни на людей, ни на свѣтъ: здѣсь онъ еще былъ счастливъ, или по крайней мѣрѣ еще не споль несчастливъ. Жалобы Жильбера разшворены и въ семь мѣспѣ, какъ и вездѣ, неудовольствіемъ:

*Saison de l'ignorance, ô printems de mes jours!
Faut-il que, tourmenté par un instinct perfide,
J'aie à force de soins, précipité ton cours,
Trop lent pour mes désirs, mais déjà si rapide?
Ou faut-il qu'aujourd'hui sans gloire et malheureux,
Jusqu' à te désirer je rabaisse mes vœux?*

Пропушимъ сравненіе Французскаго Поэта съ юнымъ орломъ, въ первый разъ оставившимъ гнѣздо, въ которомъ онъ родился; и сожалѣющимъ о своей неблагоприятной поспѣшности; послушаемъ унылыхъ сѣпованій нашего Стихотворца на быспропечность весны его:

Полжизни, можешъ бышь, моей.

Въ себѣ швы заключила;

Но ахъ! жалѣшь ли мнѣ о ней?

Восходъ моей зари швы скорбью омрачила,

И скрылась ошь меня,

Какъ кроешся ошь глазъ предвѣспникъ бур-
на дня,

Въ шуманныхъ облакахъ померкшее свѣшило!

Но блескъ опрадныхъ дней швоихъ

Еще прельщенное воображенье ловишь;

Кпо знаешь, что Судьба въ грядущемъ намъ
гоповишь

Обрекши, можешъ бышь, для горестей иныхъ?

О скорбь! въ юдоли сей изгнанья,

Гоповила она жесіпокою рукой,

Чшобъ шель шерниспою спезей я испышанья

И силы укрѣплялъ души моей шбой!

Такъ швы мою спезю въ семь міръ начер-
шала,

Я успъ ошь швоего не опклонялъ фіала,

Сначала бышія шбою уловленъ;

Едва спрадальческихъ пелень

Младенчества освободился,

Первѣйшихъ благъ земныхъ, ласкъ машери
лишился—

И колыбель моя явилась гробомъ ей!

Младенець, я позналъ, условье жизни сей—

И первый мой урокъ была ея могила;

Съ шѣхъ поръ меня швы, Скорбь, себѣ усы-
новила!

Несмотря на то, что мѣсто сіе нѣсколько разнянуто, несмотря на неправильное разположеніе мысли въ стихахъ:

Но блескъ опрадныхъ дней твоихъ,
Еще прельщенное воображенье ловишь—
кошорую можно принять въ оборотномъ значеніи, хотя стихотворецъ намѣренъ былъ сказать: *но прельщенное воображеніе еще ловитъ блескъ опрадныхъ дней твоихъ*, сколькокими красками замѣняющся сіи легкія погрѣшности!

Сей стихъ:

Кто знаетъ, что Судьба въ грядущемъ намъ
гошовишь—
разливаешь въ душѣ какую-то ушѣшительную надежду: мы ожидаемъ, что Стихотворецъ еще не совсемъ отказался отъ радостей, что онъ надѣется еще уловить нѣсколько минутокъ блаженныхъ; но читая далѣе, снова выходимъ изъ сего опраднаго заблужденія, видимъ что въ будущемъ онъ ожидаетъ только новыхъ несчастій, новыхъ горестей. Уже онъ исциль ихъ полнымъ фіаломъ, уже онъ дѣлаешь насъ соучастниками своихъ лишеній въ прекрасныхъ стихахъ

Едва спрадаляческихъ пелень

— — — — —

Съ пѣхъ поръ меня пы, Скорбь, себѣ усы-
новила!

Весь сей опрывокъ, какъ мы уже
сказали, принадлежитъ собсшвенно Ми-
лонову: онъ примѣнилъ положеніе *бѣд-
наго Поэта* къ себѣ. Жильберъ говоритъ,
что онъ въ дѣтствѣ еще лишился оп-
ца, мапери и наслѣдія; Милоновъ, какъ
извѣстно, лишился въ семь возрастѣ
только мапери своей.

Въ слѣдующихъ зашемъ стихахъ онъ
встрѣчается съ подлинникомъ:

Лишь пылкой юности сеѣшилникъ возбли-
спаль,

И славы призракомъ мой духъ обворожился,

Я вслѣдъ за нею удшремился—

И чтожь, безумецъ! я сыскалъ?

Несчастному о ней и мысль уже пресшупна—

Въ семь послѣднемъ стихѣ весьма
примѣнно подражаніе уже приведенно-
му нами стиху Жильбера:

La gloire? mais la gloire est rebelle au malheur;

Но Милоновъ распросшранилъ свою
мысль о славѣ; вопъ какъ онъ изобра-
жаетъ сей призракъ обольстительный:

Какъ злопо хладная, ничпожная какъ дымъ,
 Единой хипрости ласкашельства доступна—
 И чуждая сердцамаъ незлобнымъ и просшымъ.

Какъ онъ живо чувспвоваль, какими
 испинными черпами изобразиль суеш-
 ность и лживость славы сего идола
 человековъ, *хладнаго какъ злато, ни-
 тожнаго какъ дымъ и туждаго сердцамаъ
 простымъ и незлобнымъ!* Далѣ онъ про-
 должаешъ:

Не успыжусь изрѣчь, что жребій всемогущій
 Извелъ меня на свѣшъ среди просшя кущи
 И бѣдность лишь одну въ наслѣдье далъ опецъ:
 Родившися Царемъ—я презрѣлъ, бы вънецъ,
 И одолженнымъ бышъ спыдся въ чемъ по-
 родѣ,
 Послѣднемубъ въ моемъ завидоваль народѣ,
 Желавъ родитшся вновъ, чпобъ вознесшсь
 собой...

Здѣсь весьма близкое и прекрасное
 подражаніе слѣдующимъ стихамъ, под-
 линника:

Dieu plaça mon berceau dans la poudre des
 champs:

Je n'en ai point rougi: maître du diadème,
 De mon dernier sujet j'eusse onvié le rang:
 Et honteux de devoir quelque chose á mon sang,
 Voulu renâitre obscur, pour m'élever moi-meme

Продолженіе сего опривка у Милонова еспь шакже болѣе, или менѣе близкое подражаніе подлиннику:

О скорбный мой отецъ! Я слышу голосъ
твой:

Родительскихъ полей почто въ ожеспоченьѣ,
Мой сынъ, забывъ меня, бѣжишь—за кемъ во
слѣдъ?

“Ко Славъ!”,—Позабудь безумное шремленье,
Я дряхль, а ты едва по слуху знаешь свѣшь,
Въ печальной спаросши останься мнѣ оп-
радой,

Мой день почти угасъ, живу не для меня,
И свѣтомъ слабаго колеблема огня,

Хочу свѣшпшь шебѣ послѣднею лампадой!—

“Ко Славъ!”,—Если шакъ, спупай!—Мнѣ въ
цвѣшѣ дней

Какъ юношпшь пылкая зовешъ во храмъ че-
спей,

Мнѣ далѣ не видашь опеческихъ полей!

Топъ мершвыый человекъ, кпо въ общеспвѣ
неславень!

Вопъ спихи Французскаго Поэпа:

A l'âge où la raison sommeille, oisive encor,

La mienne impatiente ose prendre l'essor;

Au nom seul d'un grand homme on voit couler
mes larmes,

Grand Dieu! ne puis-je encor m'élancer sur ses pas!

Condé bégaye à peine, il demande des armes,

Et déjà plein de Mars, respire les combats...
Donnez-moi des pincesaux. Qu'exiges-tu d'un père?
 Mon fils, crois-moi, surmonte un penchant témé-
 raire:
 Tu veux chercher la gloire? Eh! ne sais-tu donc-
 pas
 Que les plus grands talens y montent avec peine,
 Que noircis par l'envie, accablés par la haine,
 Tous ont vu le bonheur s'échapper de leurs bras?
 Songe au sort de Milton, songe au destin d'Ho-
 mère:
 L'homme ingrat de leur tems, a-t-il changé depuis?
 Ah! mon fils, je suis pauvre et tu n'a plus de
 mère;
 Bientôt, tu vas me perdre: ou seront tes appuis?
 Mon fils, crois-moi, mon fils, sors de ton indigence
 Et vers ta gloire alors dirige tes travaux:
 Au nom de tous les soins qu'on prend de ton
 enfance,
 Par mes cheveux blanchis.—*Donnez-moi des pin-*
ceaux.
 Eh bien, vis à ton gré. Je te livre à toi-même,
 Ingrat, mais, en suivant ta folle passion
 Crains un père, reçois sa malédiction.
 Vous pleurez... ah, mon fils... votre père vous-
 aime,
 Ecoutez.—*Dés pinceaux.*

Здѣсь снова оба стихопворца оп-
 кривають намъ разнось ихъ положе-
 ния. Французскій Поэшь уже позналъ

свое назначеніе: онъ рѣшишельно говоришь, что желаетъ бышь писателемъ, и кажется, писателемъ сапирь; перебуя киспей, онъ какъ бы общаетъ списывашь ими каршину пороковъ и слабостей человѣческихъ. Милоновъ чувствуетъ въ себѣ влеченіе къ славѣ; но сіе влеченіе еще не ясно, неопредѣленно развѣртывается въ его душѣ. Спихи его прекрасны, и если усупающъ подлиннику въ силѣ выражений, по взамѣнъ шого дышатъ бѣльшею чувствительностью. Спрогте кришики, можешъ бышь, осудяшь изъ нихъ два слѣдующіе:

И свѣшомъ слабаго *колеблема* огня,
Хочу свѣшишь шебѣ послѣднею *лампадой*—
вопервыхъ попому, что усвченное
прилагательное: *колеблема*, затемняешъ
смысль, по неудачному употребленію
одного падежа въ словахъ: *свѣта* и *лампадой*;
ибо расположивъ ихъ прозаически,
выйдетъ слѣдующее, предложеніе:
*хочу тебѣ свѣтитъ послѣднею лампадой
сеѣто. иѣ слабаго огня.*—Свѣтитъ *свѣто. иѣ*
—пакже неудачно.

И вошь корабль гошовъ, и парусъ мой на-
правлень,

И въ приспани Творецъ меня не удержаль!
 Взяль въ руки Опышь руль — и скоро мнѣ
 сказаль

Ты менѣ чемъ одинъ, шы кровными оспавлень!

Для ней, для ней всемъ жертвовашъ хочу!

И Славаль не дѣлншь духъ прямо благо-
 родный?

Я гражданинъ, за жизнь я обществу плачу,

Вѣй вѣшеръ—и леши корабль по безднѣ водной!

Ни бурей, ни грозой,

Судьба коварная его не поглотила—

Но шайною своей рукой

Пушь дерзкаго ума на влагѣ волнь хранила!

Французскій Спихотворецъ дѣлаешъ въ семь мѣспѣ длинное опспуцленіе; говоришь о неизбѣжности смерти, пожирающей наравнѣ пунеядца-богача и шрудолюбиваго пишомца Музь; попомъ обращаешся къ Расину и Корнелю; коихъ имена должны усшрашишь дерзкаго, хопящаго идши по слѣдамъ ихъ и заключаешъ шемъ, что и они, подобно ему, были люди, и что слѣдовательно ему оспаешся надежда возвысншься до сихъ великихъ Поэшовъ. Милоновъ чувспвовалъ излишесство такого опспуцленія и замѣнилъ оное изображеніемъ шого благороднаго движенія души, кошорое

влекло его къ славъ и рѣшило его на
все опважиться.

И Славаль не плѣнишь духъ прямо благо-
родный?

Я гражданинъ, за жизнь я обществу плачу.

Послѣдній стихъ достоинъ гражда-
нина Русскаго; между темъ онъ уже
разкаялся въ своей преждевременной рѣ-
шимости, уже радужная повязка, пред-
спавлявшая для него всѣ предметы въ
очаровашельномъ видѣ, спала съ глазъ
его.

Онъ прибыль—онъ одинъ.—Кто вы? Гдѣ вашъ
опецъ?—

Онъ живъ еще; но я, увы! теперь безродень!—
Зачемъ? —Полезнымъ бышь.—Права?—Я благо-
родень.—

А ваше ремесло?—*Бѣднѣйшее*... пѣвецъ!

Таланшы любящъ здѣсь, здѣсь уважающъ
знанья

Здѣсь Музамъ алшари, наукамъ здѣсь при-
юпъ—

Что можешь выше бышь Поэтовъ достоянья?

Они безсмертїе согражданамъ дающъ:

Похишивъ опъ боговъ волшебные глаголы,

Какъ возвѣщашели величїя людей,

Они передающъ потомству блескъ Царей—

Они, паря къ Творцу крылашымъ ихъ умомъ,

И долу еспеспва проникнувши успавы,
 Оправдываюшь здѣсь, жрецы ума и славы,
 Ничпожностъ смершнаго предъ горнимъ бо-
 жеспвомъ;

Оракулы Судебъ, паинспвенники Неба,
 Вопще змѣиною подъемяся главой,
 Спремился Зависъ къ нимъ, дочь Злобы и
 Эреба,

Оспавя для другихъ попрашь ее пяшой,
 Зависшниковъ своихъ паланшъ не примѣ-
 чаешъ.

Такъ солнце, восходя на шверди голубой,
 Мерцанье слабыхъ звѣздъ собою помрачаешъ.
 Для Генія преградъ и не было и нѣшъ!

Смѣлѣй въ свой пущъ, Поэшь:

Достоинспву, уму опшверзспо здѣсь паренѣ.—
 Убійспвенный обманъ! шакъ думаешъ вы;
 А я, въ началѣ бывъ ничпожнаго спремленья,
 Не славы жерпвою, но жерпвою молвы,
 Къ перзанью своему людей коварспво зная,
 Я понялъ, гдѣ паланшъ себѣ преграду зришь,
 Гдѣ, съ нѣжною душой, бѣжишь опъ васъ
 Пищъ—

И лира вержешся навѣки умолкая!
 Здѣсь Геній лишь парилъ на крыліяхъ зла-
 шыхъ

И низоспью одной еѣнокъ свой покупаешъ;
 Поэшь давно лишень за шо здѣсь правъ своихъ,
 Чшо языкомъ боговъ межъ смерпными вѣ-
 щаешъ!

Прочь, призракъ пагубный! прочь, гласъ зовущихъ лиръ!

Угасни навсегда въ душѣ желанье славы!

Явишесь вспяшь ко мнѣ, о юности забавы,
И сердца прежняго безцѣнный, чистый мирь!

Здѣсь Милоновъ почти совершенно удаляется отъ подлинника. Пламенными чертами изобразя высокое назначеніе Поэта, *жреца ума и славы*, презирающаго зависть, и сравня его съ царемъ свѣшилъ, помрачающимъ слабыя звѣзды, прошивополагаетъ онъ славной его цѣли низкую цѣль спихопворцевъ-ласкашелей, копорыхъ безславное рабство, къ сожалѣнью, часпо вѣнчается счастливымъ успѣхомъ.

Здѣсь Геній лишь паритъ на *крыліяхъ златыхъ*

И низосшью одной вѣнокъ свой покупаетъ...

При всемъ томъ спихъ;

И лира вѣрженя, навѣки умолкая—

хотя поспавленный по волѣ подражающа въ другомъ мѣстѣ, напоминаетъ прекрасный спихъ Жильбера:

Ah! brisons ces pinceaux! tombe, lyre inutile!

Опселъ до самаго конца спихопворенія, Милоновъ слѣдовалъ за мыслями

подлинника почти безъ всякихъ опуспу-
 пленій. Блаженъ, говоришь онъ, кпо
 соблюлъ безцѣнный, чистый миръ сердца:
 Блаженъ, спокрапъ блаженъ, ему кпо цѣну
 знаешь,

Заранѣ усмиря спрасшей своихъ порывъ,
 Кпо въ опческомъ дому живешь, себя со-
 крывъ;

Цвѣтъ юности его нерано опадаетъ;
 И радость, спутница на жизненномъ пути,
 Не скоро чувспвоваць даешь ему измѣну;
 Годины времена, въ свою урѣчну смѣну,
 Какъ дань, спѣшаць ему плоды свои нести.
 Доволенъ онъ во всемъ, въ снѣ самомъ не-
 смущенный

Ужасной мыслию, что въ нашъ кичливый
 вѣкъ,

На лоно мапери возможеть человекъ
 Подъ игомъ бѣды упасеть, ницемъ не подкрѣ-
 пленный!

Нѣтъ нужды, что не зрѣлъ онъ пышности
 сподлицъ,

Гдѣ сильныхъ насыпишь не могутъ оба свѣта,
 Безчестныхъ гордецовъ блестящихъ коле-
 сницъ,

На кои смощишь чернь, едва, едва одѣша,
 Гдѣ подлосшь и обманъ—достоинство сердець;
 Гдѣ дарованія едва, едва развишы,
 Нуждою въ пеленахъ жестокою убишы!

О, сколько счастливъ онъ, когда хранишь
 опець

И машь, въ вакашѣ дней, его зланыя годы ;
 Коль чувствъ небесныхъ рай, о верхъ да-
 ровъ природы,

Коль самая любовь хранишь его покой,
 Въ прелестномъ образѣ подруги молодой
 Съ какимъ воспоргомъ зришь, по краш-
 комъ разлученьѣ,

Свиданья сладкаго ея предупреждение,
 Счастливыя любви благословенный плодъ !
 Старѣйшихъ чадъ она къ нему шупъ пра-
 вищъ ходъ,

И младшаго неся, идешь по скашамъ входа,
 Прекрасна, какъ сама весенняя природа !
 Все, все, что смершнымъ даль блаженнаго
 Творецъ,

Обилье, пишина, веселіе, сердцеъ,
 Невозмушмый кровъ и счастья полно ложе...
 Ихъ взоры встрѣшились.—О скрой, великій
 Боже!

Сей видъ разшительный для горести моей!

Здѣсь жизнь просшаго сына приро-
 ды описана превосходно ; жаль, что
 между сполькими прекрасными спиха-
 ми вмѣшались два, копорые слабѣе про-
 чихъ и недосшойны Милонова:

Свиданья сладкаго ея предупреждение...
 Старѣйшихъ чадъ она къ нему *тутъ пра-*
вищъ ходъ...

Въ первомъ стихѣ, *предупрежденье свиданья*, вы́раженіе выисканное, ко-
рое припомъ ничего не говоритъ ни
сердцу, ни воображенію. *Свиданья ея*,
прошивъ правилъ языка; надлежало бы
сказать: *свиданья съ нею*. — Впорый
стихъ очень тяжель и въ немъ также
нарушены правила языка—*править ходъ*;
порусски говорится: *править ходомъ*,
или *направлять ходъ*.

Изъ приводимыхъ здѣсь стиховъ чи-
пашель увидишь, какъ искусно, какъ
разчешливо Милоновъ умѣлъ заимство-
вать чужія мысли и пользоваться кра-
сотами подлинника, извлекая изъ него
все лучшее и отбрасывая то, что спро-
гая крипика могла бы найши излиш-
нимъ.

Trop heureux Philémon, s'il connaît son bon-
heur!

Fidèle au rang obscur qu'il recut de ses pères,
Longtems de sa jeunesse il voit briller la fleur;
Et cultivant en paix ses champs héréditaires,
Ne craint pas que toujours ses efforts abusés
Laissent tomber son corps, privé de nourriture;
La terre au jour marqué lui rend avec usure
Les trésors qu'en ses flancs il avait déposés.
Il n'a point, il est vrai, vu nos cités immondes,

D'où le grand, étonné de ses vastes besoins,
 De leurs productions épuise les deux mondes.
 Nos sciences, nos arts, étrangers à ses soins,
 Ne l'ont point depouillé de ses moeurs ingénues.
 Roulez en char brillant votre heureux deshonneur,
 Jamais de Philémon vous ne serez connues,
 Beautés, dont on nourrit les vices sans horreur,
 Tandis que les talents, amis de l'innocence,
 Méconnus, repoussés dans leur premier essor,
 Tombent découragés et meurent d'indigence
 Sous l'ombrè d'un laurier qu'on leur disputè encor.
 Ce protecteur qui marche en sèmant les promesses,
 Même en trompant ses voeux, l'abaissa-t-il jamais?
 Burrhus, qui va comptant les heureux qu'il a
 faits,
 Lui vient-il reprocher ses honteuses largesses?
 Aux malheureux toujours on trouve des forfaits,
 Et les plus généreux vendent cher leurs bienfaits.
 Pourquoi les verts bosquets ouvrent-ils leurs om-
 brages?
 Les tranquilles étangs, les tortueux vallons,
 Les antres toujours frais, les ruisseaux vagabonds,
 Les chants du peuple ailé, ses jeux dans les feuil-
 lages,
 Le paisible sommeil sur de lits de gazon,
 La justice, la paix, tout rit à Philémon.
 O combien j'eusse aimé cètte beauté naïve,
 Qui d'un époux absent présentant le retour,
 Rassemble tous les fruits de son fertile amour,
 Dirige des aînés la marche encor tardive,

Et portant dans ses bras le plus jeune de tous,
Vole au bout du sentier par où descend leur
père!

Elle le voit: grand Dieu! dérobe à ma misère
L'aspect de leurs plaisirs dont mon coeur est
jaloux....

Милондовъ въ сильныхъ и рѣзкихъ
чертахъ изобразилъ развращъ большихъ
городовъ:

«Гдѣ сильныхъ насыпишь не можешь оба
свѣща...»

Гдѣ дарованія, едва, едва развиши,
Нуждою въ пеленахъ жестокою убиши...»,

Жильберъ разпространилъ свое опи-
саніе: онъ вездѣ какъ бы ищетъ случая
излишь свое негодованіе противъ чело-
вѣковъ. За то у нашего Стихотворца
нѣжные ощущенія выражены гораздо
живѣе, и можно сказать, ближе къ серд-
цу. Таковы, на примѣръ изображеніе сѣ-
мейственнаго счастья и молодой суп-
руги,

«Прекрасной, какъ сама весенняя Природа,
Оба стихотворца одинаково заключа-
ютъ сіе описаніе; но Жильберъ показы-
ваетъ въ семь мѣстѣ какую-то зависъ
къ благополучію описаннаго имъ счасш-

дивца. Милоновъ говоришь только, что сей видъ разсправляетъ собственную его горестъ. Мы не выписываемъ до конца изъ Французскаго стихопворенія сего мѣста, богатаго впрочемъ весьма хорошими сильными стихами, но которые почти повсюду поже, что Поэтъ говорилъ уже прежде и нѣсколько разъ. — Приспуааемъ къ окончанію.

Но если бы Судьба еще ко мнѣ смяг-
 чилась
 И яросшь злыхъ сердець на время упомилась;
 Я могъ бы славень бышь хопь смѣлостью
 своей!
 Такъ, гордые враги! въ моихъ цвѣшущихъ
 лѣпахъ
 Я многое у васъ похишишь бы умѣль;
 Неукрошимый лезъ, заспигнушый въ пене-
 пахъ,
 Воспомнивъ, разъярясь, свободу, свой удѣль,
 Сверкая на ловцевъ грозящими очами,
 Терзаетъ гнусну вервь—и гордыми спонами
 Идещъ царемъ лѣсовъ, въ которыхъ плѣнь
 позналъ!...
 Но что въ мечпаніяхъ напрасныхъ я вѣщаль?
 Проси, родишель мой! надъ бездною гошовой
 Еще пророческій мнѣ слышился швой гласъ;
 Малѣйшей вѣшвию я лѣспилъ себѣ лавровой—
 И ша опъемлешся въ послѣдній, грозный часъ!

Со вздохомъ факель свой Надежда погашаешь!
 Мой духъ, какъ дымъ его, мгновенно оп-
 лепишь;

Сспраданье гроба верхъ предъ мною подни-
 маешь—

И взоръ, свой даже взоръ его не опличишь!
 Такъ пушникъ, изнуренъ подъ бременемъ у-
 жаснымъ;

Одинъ среди лѣсовъ, въ глухой, полночной
 шмѣ;

О помощи зовешь моленіемъ напраснымъ

И спонъ передаешь единой пишинѣ:

Я зрю его: онъ падъ, превозможенный Рокомъ,

Волще, съ опчаяньемъ ужаснымъ на челъ,

Онъ Небо укоряшь дерзаешь скорбнымъ окомъ,

И—смертью пригвожденъ безжалостной къ
 землѣ.

Si pourtant les destins cessaient de me frap-
 per...

Des hommes quelquefois l'injustice se lasse..

Je puis être du moins fameux par mon audace!

Oui, tremblez, fiers rivaux, détournez vos mépris;

L'intrépide lion dans un piège surpris,

S'irrite du danger, et de sa dent tenace

Ronge, en grondant, la toile où lui-même s'enlace,

Se roule, et peut enfin par un dernier effort,

La briser, s'échapper, et prodiguant la mort

Au peuple de chasseurs qui l'attaque et le brave,

Marcher, roi des forêts qui le virent esclave.

Vain espoir! qu'ai-je dit? hélas! sans de longs
jours,

Le poète languit dans la foule commune,
Et s'il fut en naissant chargé de l'infortune,
Si l'homme, par lui seul avare du secours,
Refuse à ses travaux même un juste salaire,
Que peut-il rester? Oh! pardonnez, mon père,
Vous me l'avez prédit... Je ne vous croyais pas.
Ce qui peut lui rester? La honte et le trépas.

C'en est donc fait: déjà la perfide espérance
Laisse de mes longs jours vaciller le flambeau;
A peine il luit encore, et la pâle indigence
M'entr'ouvre lentement les portes du tombeau.
Mon génie est vaincu: voyez ce mercenaire,
Qui marchant à pas lourds dans un sentier sca-
breux,
Tombe sous son fardeau; long-tems le malheureux
Se débat sous le poids, lutte, se désespère,
Cherchant au loin des yeux un bras compatissant:
Seul il soutient la masse à demi-soulevée;
Qu'on lui tende la main, et sa vie est sauvée.
Nul ne vient, il succombe, il meurt en fremissant,
Tel est mon sort. Bientôt je rejoindrai ma mère,
Et l'ombre de l'oubli va tous deux nous couvrir.

Стихотворецъ Французскій и Рос-
сійскій его, подражатель, кажешся, хо-
пѣли въ семь мѣсѣхъ возбудишь въ силь-
нѣйшей степени состраданіе чинашеля
и, шакъ сказашь нанесши, послѣдній у-

даръ его чувствительности. Какая печальная картина, видѣть человека съ чувствомъ изящнаго, съ пылкою склонностію къ добру—впадающаго въ опчаяніе отъ несправедливости счастья и холодности людей. Обращеніе къ отцу, сравненіе себя съ усшлымъ, согбеннымъ подъ ношею пупникомъ, который умираетъ, не видя сострадательной руки, могущей извлечь его изъ ужасной пущыни, довершающъ мрачное совершенство сей картины и приводящъ сердце въ невольное содроганіе. Здѣсь Милоновъ болѣе всего приближался къ подлиннику и соблюлъ всѣ красоты его, весьма искусно сократилъ уподобленія, которые въ подлинникѣ нѣсколько разшнупы. — Намъ остается выписать четыре стиха, которыми заключаема его стихотвореніе.

А ты, кошорой я, подъ игомъ скорби люшой,
 О дружба, мой кумиръ! всѣмъ жершвоваль
собой,

Гдѣ ты, жестокая? Пожершвуй мнѣ ми-
нушой...

Одръ смерти ешь алшаръ для дружества
свяшой.

Сии стихи изображаютъ благороднѣйшую спрасъ души чувствительна-

го Милонова, копорый словами и дѣломъ чшилъ дружество, какъ нѣчто священное, и былъ до конца жизни вѣрнымъ, нѣжнымъ другомъ друзей своихъ. — Спихи Жильбера и въ семь мѣстѣ опшзываются какою-то укоризною, даже какимъ-то желаніемъ, при самомъ концѣ своемъ, опмсписъ людямъ за ихъ холодность, избличисъ ихъ пороки.

Amis!.. vous me fuyez? cruels! je vous implore, Rendez-moi ces pinceaux échappés de ma main... Je meurs...ce que sens, je le veux peindre encore.

Милоновъ призываетъ дружбу, какъ человекъ, *почитавшій ее своимъ кумиромъ, жертвовавшій ей всею, даже самимъ собою, и желающій въ послѣдніе насладисъя взоромъ друзей своихъ.*

„Одръ смерти естъ алтарь для дружества свяшой.“

Сколько чувства въ семь превосходномъ спихѣ! Какъ живо напоминаетъ онъ Поэша; изъ души копората вылился! — Такъ, незабвенный другъ нашъ! въ семь спихѣ ты оставилъ намъ священный залогъ; и здѣсь, въ кругу людей, любившихъ тебя и нынѣ собравшихся чшисъ твою память, залогъ сей испол-

няешся. Воспоми́наніе о шебѣ и слезы—
вопѣ приношенія, возлагаемые нами на
алтарь дружбы.

О. Соловѣ.

~~~~~

О СОЧИНЕНІЯХЪ МИЛОНОВА.

Обязанъ будучи въ семь немногочи-
сленномъ, но избранномъ и дружесп-
венномъ собраніи, говорить въ воспо-
минаніе, недавно преспавившагося по-
варища и спутника нашего на поприщѣ
Словесности, *Михаила Васильевича Ми-
лонова*—я не предлагаю вамъ, Милоспи-
вые Государи, подробнаго описанія жи-
зни его: я не намѣренъ предспавлять
Милонова, какъ челоѣка обыкновенна-
го, принуждаемаго весьма часто бреч-
ною и пятгоспною оболочкою своею пре-
смыкашся во прахъ и принимашь свой-
сшва, совершенно прошивные высоко-
му его назначенію; хочу говорить о Ми-
лоновѣ, какъ о вдохновенномъ любим-
цѣ Аполлона.... И на чтожь болѣе? Не
заключаюшся ли въ семь послѣднемъ
названіи доказательствъ, никакому со-
мнѣнію неподверженныя, и учености
его, и познанія свѣта, и даже доброшты

сердца? Ибо безъ сихъ качествъ не возможно сдѣлаться Поэтомъ, имѣющимъ право на уваженіе современниковъ и пошомства.

Такъ, Милоновъ занимаетъ почетное мѣсто на Русскомъ Парнассѣ.

Не для убѣжденія васъ, М.м., Г.г. въ сей истинѣ—пошому что вы сами живо чувствуете, какими обладалъ онъ дарованіями—но единственно для тѣхъ соотечественниковъ нашихъ, которые, или не знали его лично, или не имѣли случая познакомиться съ его сочиненіями, или наконецъ, по какому либо пошудному предубѣжденію, не отдавали ему надлежащей справедливости, предпринялъ я сдѣлать краткій разборъ напечатанныхъ въ 1819 году стихотвореній его; и предварительно скажу, что буду хвалить Милонова, но вы не увидите въ шомъ ни малѣйшаго пристрастія.

Большая часть разсмаприваемыхъ мною сочиненій принадлежитъ или къ *Лирическому*, или къ *Сатирическому* роду; сверхъ оныхъ находится еще нѣсколько стихотвореній, относящихся,

по опредѣленію Бушпервека, къ роду *Дополнительному*, по еспь, немогущихъ бышь причисленными ни къ одному изъ главныхъ разрядовъ Поэзіи.

Лирическіе стихотворенія, копорыхъ, какъ вамъ извѣстно, первѣйшее достоинство состоитъ въ сильномъ и непринужденномъ изліяніи сердечныхъ чувствованій, совершенно отличны у Милонова отъ безчисленнаго множества нынѣшнихъ въ семь родѣ произведеній, исполненныхъ по бѣльшей части какой-то вишневашой безсмыслицы, или кажущихся сочиненными на заданные только слова, употребительнѣйшіе въ кругу ихъ сочинителей. У Милонова нигдѣ не найдете запутанности ни въ словахъ, ни въ мысляхъ, ни выисканныхъ выраженій, *) но что всего важнѣе — притворной чувствительности.

*) Въ стихахъ Милонова еспь не только *выисканные*, но даже не *точные* выраженія, а расположеніе мыслей, особенно словъ, не вездѣ правильно, отъ чего многія мѣста кажутся шемными. Милоновъ былъ отличный Поэтъ, но не исправный версификаторъ. *Прим. Изд.*

Могло ли, на примѣръ, сердце Милонова не ощущать дружбы, сей небесной посланницы для ушѣшенія насъ въ горестной нашей юдоли, когда говорилъ онъ о дружбѣ сими словами:

О Дружба, сердца услажденье! и проч. *)

Уже ли прищворно содрогнулось сердце Милонова, когда при извѣстїи о занятїи бывшими врагами нашими Смоленска, онъ воскликнулъ къ соотечественникамъ:

Цари въ плѣну—въ цѣпяхъ народы.
 Чась рабства, гибели приспѣлъ!
 Гдѣ вы, гдѣ вы сыны свободы?
 Иль нѣшь мечей и оспрыхъ спрѣлъ?
 Иль мужество въ груди оспыло?
 И мстись желѣзо позабыло?
 Въ Россїи врагъ...и спить нашъ громъ!
 Почшо не въ бой? Онъ намъ ли спрашенъ?
 Уже верхи Смоленскихъ башень
 Вьются пламеннымъ сполбомъ!

И далѣ:

Развѣйшесь, знамена побѣдны,
 Героевъ—предковъ даръ наследный!
 За ихъ могилы бишься намъ!
 На гибель злымъ и малодушнымъ,

---

*) См. стр. 213.

Самъ браней Богъ, вождемъ воздушнымъ
 Лепишь къ святымъ симъ знаменамъ!
 Ихъ Слава нарекла своими—
 И носимъ имя мы Славянъ!
 Впередъ, рядами—вмѣспъ съ ними
 Перуномъ грянемъ въ вражій шпанъ!
 Сразимъ, иль всякъ костями ляжешь...

И не видно ли истиннаго благоговѣнiя
 ко Всевышнему въ сихъ спихахъ, на-
 писанныхъ по случаю ниспосланнаго
 ему выздоровленiя?

Не презрѣлъ онъ моленiй слезныхъ,
 Роптанье грѣшнаго приялъ,
 Коснулся краемъ ризъ чудесныхъ,
 Опъ сердца муки опогналъ.....

— — — — —
 Я чиснымъ успъ моихъ хваленьемъ,
 Я пламенемъ души моей,
 Сердца подвигну сокрушеньемъ
 Забывшихъ о Тебѣ людей;
 Тебя познашь я ихъ заставлю,
 Исполню ихъ Твоей хвалой,
 Опкрою, вознесу, прославлю
 Надъ нами промысль Твой благой.

У Милонова нерѣдко встрѣчающся
 высокія, необыкновенныя мысли, какова
 на примѣръ, слѣдующая въ спихопворе-
 нiи на кончину Державина :

Ишь, Бардъ нашъ единый! прахъ скры-
ла гробница—

Но вѣчность надъ нею съ побой обнялась!
Вспрѣчаюшся и пакіе стихи, которые
по справедливости могутъ назваться
изрѣченіями, каковъ сей въ томъ же
сочиненіи:

Опчизна вѣщаетъ, швой гробъ обнимая,
Сб великъелб народа родится Поэтб.

Или въ другомъ мѣстѣ:

*Часб ветра вб поляхб — петальной жизни
видб.*

Или:

*Смерть менѣе страшна, коль думаелб
о ней.*

При такомъ стихѣ невольно остано-
новишься, и нечувствительно предашь-
ся размышленіямъ.—Конечно, разоуждая
о смерти, представляя часто въ вооб-
раженіи своемъ по мгновеніе, въ копо-
рое должны будемъ прекрапитъ всякое
сношеніе наше съ вещами временными,
и на крилахъ утѣшительной Вѣры воз-
неспись въ обитель неплѣннѣя, мы при-
выкаемъ къ смерти—привыкаемъ смо-
трѣть на нее, какъ на избавительницу
нашу отъ неминуемыхъ въ сей жизни

скорбей и спраданій, какъ на благодѣшельнаго друга, выводящаго насъ по по единому соспраданію изъ непроницаемаго мрака ко свѣту, никогда не мерцающему, къ солнцу незаходящему, къ вѣчному Воспоку—привыкаемъ, и не спашимся смерти.

Надѣюсь, М.м. Г.г., что вы проспите мнѣ сіе небольшое опсупленіе опъ моей цѣли. Мнѣ хопѣлось показать, что усопшіи поварищъ нашъ самъ имѣлъ всегда въ виду написанное имъ правило и, безъ сомнѣнія, самъ часто размышлялъ о смерти; ибо распавался съ жизнью въ совершенномъ спокойствіи духа.— —

Въ крапкихъ, или мѣлкихъ стихотвореніяхъ исполненъ Милоновъ и нѣжности и оспрошы; но Саширы болѣе приобрѣшутъ ему славы. У него шесть Саширъ; по болшей части подражательныхъ; но въ подражаніяхъ сохранилъ Милоновъ главныя шолько свойства своихъ оригиналовъ, примѣняя оныя къ нашимъ нравамъ. Онъ — силою и смѣлосшію мыслей — ближе, по мнѣнію моему, подходитъ къ Ювеналу,

нежели знаменитый Кантемиръ. Скажушь, можешъ бышь, что разность въ выраженіяхъ, разность въ размѣрѣ, или въ слогѣ, заставляешъ меня преклоняшься болѣе на сторону Милонова.—Согласенъ! только бы не приписывали сего приспращію и дружбѣ.

Никто не сомнѣвается, что мысли составляютъ главнѣйшее достоинство всякаго сочиненія; но выраженія оныхъ, но слогъ—также великое дѣло! Всѣ мы восхищаемся Телемакомъ, Фенелона, хотя *прозою* писаннымъ; но кто изъ насъ прочиталъ *Телемахиду* Тредіаковскаго, написанную *стихами*? Мысли, шамъ и здѣсь, однѣ и шѣ же.

Можно сказать, что въ Посланіи къ *Рубеллю*, названномъ Персіевою Сапирою, былъ бы видѣнъ самъ Персій, если бы только не остерегся Милоновъ ошъ чрезмѣрной сухости и краткости, дѣлающихъ сочиненія Лапинскаго Поэта едва вразумительными. Вотъ начало:

Царя коварный льстець, вельможа на-
пыщенный,
Въ сердечной глубинѣ паящій злѣбы ядъ,
Не доблестью души, пронырствомъ воз-
несенный;

Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ швой
 взглядъ!
 Почтуль вниманіе швое ко мнѣ хвалю?
 Унижуся ли шемъ, что униженъ шобою?
 Одно достоинство и счастье для меня,
 Что чувстввами души съ шобой не-
 равенъ я!—
 Что швой минушный блескъ? Что санъ
 швой горделивой?
 Стыдъ смершныхъ и укоръ судьбѣ не-
 справедливой!
 Спать лучше на ряду послѣднихъ Пле-
 беанъ,
 Чемъ высипься на смѣхъ, позоръ своихъ
 гражданъ.

Далѣе:

Рубеллій! шипла лишь съ достоинств-
 вомъ почтенны,
 Не блескомъ собственнымъ, сіяя имъ
 однимъ;
 Заставяшь ли меня дѣла швой презрѣнны
 Неправо освящать хваленіемъ моимъ?
 Лесть сыщешь, но хвалы, не купишь
 справедливой...
 — — — — —
 Равно презрѣнъ и лестъ внимающій и
 льстець;
 Наемная хвала—безславія вѣнецъ.
 Привожу и окончаніе:

Комедіи своей желаешь ли успѣха?

Зови друзей въ шапръ для хлопанья и
смѣха—

И слава о тебѣ промчишся въ шумный
рай.....

— — — — —

У насъ, кпо захопѣль — въ Поэты за-
писался!

Хоть новый рекрутъ сей съ Граммати-
кой не знался,

Нѣтъ нужды до того! Отвага, дерзость,
лесть,

Невѣждъ и подлецовъ нерѣдко вводяшь
въ честь.

Впрочемъ, осмѣивая Поэтовъ- само-
званцевъ, Милоновъ умѣлъ чувствовашъ
уваженіе къ Поэтамъ истиннымъ, дѣ-
лающимъ честь нашей словесности, и
приобрѣтшимъ неоднодневную славу,
но такую, которая пренесетъ имена ихъ
до позднѣйшаго потомства. Луказіи вы-
слушавъ ироническіе совѣты, говоришь:

Такими ли пушями

Державинъ, Дмитриевъ прославились
межъ нами?

Саширикъ отвѣспивуешь:

Что бы спяжашъ вѣнцы, которы ихъ
покрыли,

Имъ равныя, скажи, имѣешь ли пы
силы?

Цишаешь ли въ груди божественный
сей жаръ,
Который опъ небесъ немногимъ посланъ
въ даръ,
Сюю высокосщъ чувствъ и духа благо-
родство,
Достоинство людей, Поэтовъ превосход-
ство!—

Ипакъ, упомянувъ о главныхъ родахъ
Поэзіи, въ которыхъ Милоновъ наибо-
лѣе упражнялся, не могу умолчать и
о томъ, что во многихъ его сочиненіяхъ
находящся самыя живописныя каршины,
чему доказательствомъ служатъ стихо-
творенія подъ названіемъ: *Уныніе, Похва-
ла сельской жизни, Монастырь, и другія.*

Милоновъ! память швоя сохранишся
не только между друзьями и современ-
никами швоими, собравшимся въ сей
день для бесѣдованія о шебѣ самомъ, о
твореніяхъ швоихъ, и о безвременной
швоей кончинѣ: она сольется съ име-
нами лучшихъ нашихъ Поэтовъ и сдѣ-
лаешь шебя извѣстнымъ чрезъ многіе
поколѣнія.—Ты счастливъ! Покойся съ
миромъ!

Для насъ шы мало жилъ, но много для
себя!

Н.—ст.—вб.

НА КОНЧИНУ М. В. МИЛОНОВА.

Я помню, другъ, опъ насъ опъяшый!
 Я помню зимній вечеръ пошъ,
 Когда предчувствіемъ обяшый,
 Ты мнѣ сказала: “послѣдній годъ
 “Съ друзьями добрыми вспрѣчаю!...
 “Знай съ каждыѣмъ шагомъ все быспрѣѣ
 “Мой пушъ въ семь мѣрѣ совершаю!
 “Онъ близокъ жизни рубежей!...
 “Еще дождусь весны цвѣпущей
 “И лѣпа пышнаго красой,
 “Но первый снѣгъ зимы грядущей
 “Падешъ на холмъ могильный мой!,—
 Увы! сбывлося предсказанье!
 Тебя, Милоновъ, съ нами нѣшъ!
 Ты жадной смерпи доспоянѣ
 Во, цвѣшъ юношескихъ лѣшъ!
 И надъ пвоей могилой новой,
 Засыпанной рукой друзей,
 Уже посоль зимы суровой
 Ревешъ полуночный Борей!—

Пѣвецъ, безвременно сраженный.
 Пущъ мало пы для дружбы жилъ;
 На гибель Рокомъ обрѣченный,
 Далекъ опъ счасья въ жизни былъ;
 Пускай, исполненна осправы,
 Она уныло пропекла:
 Но пы довольно жилъ для славы!
 И лавры юнаго чела,

Рукою сорванцые смѣлой,
 Вѣщавъ себя въ замѣну благъ,
 Явили свѣшу' геній зрѣлый,
 Блеснувшій въ пламенныхъ чертахъ.

О жребій, зависши достойный!
 Онъ цѣлю былъ швоихъ надеждъ,
 Когда возвыся голосъ спройный,
 Надмѣнныхъ шы разиль негѣждъ;
 Или съ свирѣлю просшою,
 Блуждая въ мысляхъ средь могиль,
 Ты души наполняль шокою,
 Кошорую въ своей носиль;
 Иль дивной славой пораженный
 Благихъ Творца природы дѣль,
 Ему высокій, умиленный
 Гимнъ ошъ *избытка сердца пѣль*.
 Такъ! вспрѣшишь смёршь всегда гошовый,
 Предвидя близкій свой конецъ,
 Ты зналъ, что пророспешъ лавровый
 Сквозь крышку гроба швой вѣнецъ,
 И возвышаясь древомъ юнымъ,
 Твой мавзолей приосѣнишь;
 Вражды и зависши перуны
 Главою гордой опразипъ;
 То мѣсто пушнику укажешъ,
 Гдѣ спишь любимецъ Пьерридь,
 И пушникъ, преклоняясь, скажешъ:
 «Пѣвецъ младый! шы не забышь!»,

В. Панаевъ.

НАДГРОБІЯ М. В. МИЛОНОВУ.

1.

У Славы, у надеждъ Опчизны похищенной,
 Погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ Милоновъ здѣсь
 лежишь!
 Въ чью грудь доспуенъ огонь Поэзіи свя-
 щенной —
 Топь искренней слезой прахъ юноши по-
 чшишь.

В. Панаевъ.

2.

Любимъ былъ Музами ошъ самыхъ юныхъ
 лѣтъ,
 И дни его Судьба исполнила оправы;
 Для счастья мало жилъ—довольно жилъ для
 славы—
 Миръ праху швоему, о бѣднѣй нашъ Поэтъ!

А. Измайловъ.

~~~~~

РѢЧЬ ПОСЛѢДНЯЯ.

За годъ предъ симъ, въ сей самый
 день *) друзья, спекались мы, что бы
 торжесшвовашь учрежденіе Общесшва

*) 26 ч. Ноября 1820 года было торжесш-
 венное собраніе въ Общесшвѣ любителей
 Словесности, Наукъ и Художесшвъ.

нашего, дружествомъ и рвеніемъ къ пользѣ общей составленнаго, **МОНАРШИМЪ** соизволеніемъ освященнаго и уже многоразличные плоды принесшаго; нынѣ спеклись — что бы оплакашь поперю одного изъ достойнѣйшихъ сочленовъ его, одного изъ любезнѣйшихъ друзей нашихъ.

Милонова нѣпшъ! — всякъ изъ васъ глубоко чувствуешь всю цѣну поперя нашей; всякъ изъ васъ спарался уже показать чего лишились въ немъ друзья, сограждане, опечесиво. Но щепино всякое о немъ сѣпованіе: его уже нѣпшъ! На зарѣ жизни опдалъ онъ послѣдній долгъ природѣ, достигъ, хотя и преждевременно чреды, которая всѣхъ насъ ожидаетъ. Спранники въ мірѣ семь, всѣ мы печемъ однимъ цупемъ, къ одной цѣли — къ вѣчности. И благо намъ, когда мы находимъ на немъ двухъ благошворныхъ Геніевъ, посланныхъ Всевышнимъ для облегченія шрудовъ и горесшей въ прехожденіи сей колючей процы: когда Философія, сія крошкая подруга жизни

нашей, принимая насъ съ лона матерняго, идешь съ нами объ руку до послѣдней мезы, и открывая намъ истинное назначеніе наше въ семь мірѣ, съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ біеніемъ сердца приготавлиаешь насъ къ тому роковому *мгновенію*; когда ушѣшительная Вѣра, ожидая на концѣ нашего поприща, призываетъ насъ въ опверзстыя свои объащія и ободряетъ насъ, ушомленныхъ и унывающихъ, обѣщаніемъ другой, лучшей, вѣчной жизни, гдѣ получимъ воздаяніе за цонесенное нами, гдѣ соединимся съ пѣми, копорые намъ предшествовали.

Милонова уже нѣшь! Онъ окончилъ свое спранспивованіе. Онъ предупредилъ насъ въ спремленіи къ цѣли, предназначенной намъ природою. Но ушѣшимся: онъ оставилъ міръ сей не какъ чело-вѣкъ обыкновенный, копорого память исчезаетъ вмѣспѣ съ нимъ; онъ будетъ жить въ воспоминаніи признапельныхъ соопечеспвенниковъ, онъ живепъ въ сердцахъ друзей своихъ.

Такъ, пѣнь любезная! память о тебѣ неизгладимо нанечашлѣна въ душахъ нашихъ. Часто, часто будемъ мы спешаться или на твою могилу, или въ дружескіе круги, что бы усладить горькую нашу бесѣдою о тебѣ, размышлять о скоромъ съ тобою соединеніи и пипашъ духъ нашъ изліянїями твоего Гения. Никогда незабвенны останутся намъ слова твои, которые въ предчувствїи скорого съ нами разлученїа и въ увѣренїи сколь драгоцѣнна для насъ Муза твоя, изшорглись изъ твоего сердца. Ты пѣль:

„Друзьяжъ, хотя меня не будешь,
Но съ пѣснями вѣчно не забудешь,
Мои къ нимъ чувства и любовь.

*

Такъ! скромный и непозлащенный,
Ты перешь мою не бременя,
Проспой, но памятникъ безцѣнный,
О Муза, будешь для меня;
Сынамъ сыновъ моихъ незнаемъ,
Слезой лишь дружбы окропляемъ,
Поспавишься въ древесну пѣнь.
Я въ жизни не гремѣлъ хвалою;
Хочу, объашии смерти мглою,
Безвѣстности укрышься въ сѣнь.

*

Мнѣ удивленія не надо,
 Не я шворецъ великихъ дѣлъ;
 Пльнясь коль прежнихъ лѣшь опрадой,
 Друзья, для коихъ жилъ и пѣлъ,
 Воспомнивъ друга оплученье,
 Приидушъ на мое изплѣнье
 И окропяшъ его слезой,
 Живя въ ихъ памяти священной,
 Тогда, спокрашно награжденной,
 Мой духъ, возславишъ жребій свой.,,

*

Друзья! вы исполнили теперь сіе послѣднее завѣщаніе. Всякой изъ васъ почпилъ память усопшаго данью сердечной любви. Сколь охотно соединилъ бы и я гласъ мой съ вашими; сколь охотно излилъ бы предъ вами всѣ чувства, копорыхъ полна огорченная душа моя; но гдѣ возьму силъ, для того першребныхъ? Ахъ! еще не успѣли закрытьъся раны, нанесенныя ей смертію горячо любимаго сына, первенца нѣжности родительской—еще сердце мое не перешало обливаясь кровію, глаза наполняшъся слезами при малѣйшемъ опомъ напоминовеніи, и уже неумолимая похишила изъ объятій моихъ друга, и уже на помъ же самомъ! полѣ, гдѣ, нѣ-

счастнѣйшій отецъ, сокрыль я въ землю прелестнѣйшїя изъ надеждъ моихъ, изкопана могила, куда сокрышы мною, горестнымъ другомъ, бранные оспашки челоуѣка, котораго любилъ, уважалъ, почиталъ. Печаль подавляетъ всѣ душевныя мои способности, и я умолкаю, чтобъ шемъ сильнѣе чувствовашь.

Дл.....К-тб.

~~~~~

Отъ Издателя.

XXIII и XXIV N^o *Благонамѣреннаго* за *Декабрь* 1821 выходящъ въ началъ *Марта* 1822 года. Издатель просилъ у Г.г. подписавшихся на его *Журналъ* извиненїя въ столь неожиданномъ, но впрочемъ неумышленномъ съ его стороны промедленїи. По желанїю всѣхъ вообще друзей покойнаго *М. В. Милонова*, хотѣль онъ непременно приложитъ при сей послѣдней книжкѣ портретъ его, котораго однако несмотрѣя на всѣ старанїя нигдѣ отыскашь не могли. Наконецъ одинъ изъ приятелей Милонова, довольно удачно нарисовалъ на память портретъ его; но что бы придашь оному еще болѣе сходства, необходимо надобно было сдѣлать нѣсколько рисунковъ, и въ каждомъ изъ нихъ большїя, или меньшїя поправки. Написанный такимъ

образомъ и прилагаемый при семъ портретъ Милонова, если не имѣеть разительнаго съ нимъ сходства, но крайней мѣрѣ сохранены шущъ опличительныя и характерныя черты лица его. Здѣсь на портретѣ кажется онъ гораздо снарѣе, нежели въ какихъ лѣтахъ скончался: изнурительная болѣзнь и душевные страданія соснарѣли его прежде времени.

Объяснивъ причины, по которымъ послѣдніе два номера *Благонамѣреннаго* за 1821 годъ не могли выдти въ надлежащее время, Издашель не излишнимъ почитаетъ для прошлогонихъ своихъ подписчиковъ присовокупить здѣсь, что Журналъ его съ нынѣшняго 1822 года выходитъ со всевозможною исправностію въ назначенный срокъ, ш. е. каждый понедѣльникъ одинъ номеръ (отъ 2½ до 3 печатныхъ листовъ). Двѣнадцать, или тринадцать номеровъ, составляющъ часть, а 4 части годовое изданіе. При нѣкоторыхъ книжкахъ приложены будутъ, гравированныя изображенія, какъ то: чершежи, виды, и ш. п.

Подписка на Журналъ *Благонамѣренный*, принимается въ С. П. бургъ: въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію всѣхъ вообще журналовъ иногороднымъ подписчикамъ; у Издашеля Кол. Сов. А. Е. Измайлова, живущаго на Пе-

скалъ прошивъ Бассейна, въ домъ Моденова подь N° 283, въ среднемъ этажѣ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, а въ Москвѣ только у Коммиссіонера тамошняго Университета *А. С. Ширяева*. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 52 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ 30 р. за полугодное же, или 26 книжекъ 15 р. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 7 р. а за полгода 3 р. 50 к.

У Издашеля же *Благонамибренаго* можно получають Журналь сей за 1818, 1819, 1820 и 1821 годы, каждый годъ по 30 р. Для подписавшихся въ нынѣшнемъ 1822 году и для казенныхъ училищъ дѣлается опъ каждого годоваго экземпляра уступки 15 р., если обратиться съ требованіемъ къ самому Издашелю. На пересылку прилагается за каждый годъ по 5 р. У него же можно получають новое изданіе *Басень* его и *Сказокъ*. (Ч. I и II. Съ виньеткою. 1821) Цѣна въ бум. 8 р.; съ пересылкою же въ другіе города 10 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ XVI ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

*Стихотворенія:**Романсы и Пѣсни:*

	строк.
Пушешешшвенницы	3.
Къ печальной красавицѣ	11.
Веселись и пой, Дуняша	12.
Скажи мнѣ опъ чего въ груди моей волненье	109.
Мои умѣренные желанія	110.

Басни:

Къ немногимъ, или нерѣшителный Осель	13.
Пѣпхухъ и Алмазь	113.

Смѣсь.

Дочери моей Амаліи	6.
Къ Лилепѣ	7.
Призваніе	10.
Къ Р—чу	105.
Къ дѣшямъ	107.
В.. при посылкѣ бумаги	112.
Ей же	113.
На кончину М. В. Милонова	284.
Надгробія	114 и 284.
Шарады	103 и 200.
Анаграммы	104.

Проза:

Отрывки:

ешрав.

Изъ Романа: <i>Разлука на восемь дней, или</i> <i>востинница на горѣ Ценисѣ</i>	39.
Ночь въ Парижѣ	69.
Люди ночью	136.
Сцены изъ Трагедіи: <i>Донъ Карлосъ</i>	144.

Повѣсти и Анекдоты:

Любовники солдапы. <i>Анекдотъ</i>	15.
Софронимъ. <i>Повѣсть Гретеская</i>	118.

II. КРИТИКА.

Разборъ двухъ стихотвореній, предложенныхъ изъ Шиллера <i>В. А Жуковский</i> и <i>М. В. Милоновымъ</i>	217.
Разборъ стихотворенія <i>М. В. Милонова: Бѣдный Поэтъ</i>	246.
О сочиненіяхъ <i>Милонова</i>	272.

III. ТЕАТРЪ.

Трагедія: <i>Фингалъ</i> , и Опера-Водевиль: <i>Суженаго конемъ не оббѣдешъ</i>	84.
О вѣпоромъ дебюшѣ <i>Гжи Азаревичевой</i>	97.

IV. СМѢСЬ.

<i>Ваганьковское кладбище</i>	99.
<i>IV Письмо о Лунѣ</i>	115.

Описаніе войны между вольными городами: <i>Пуганцолѣ</i> и <i>Блицгаузенолѣ</i>	173.
Нѣчто о Желѣзной Маскѣ	190.
Анекдоты	167.
Въ альбомѣ <i>Н. Н. В.</i>	198.
Рѣчи на кончину <i>М. В. Милонова</i> 201 и 276.	

V. ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ XIX, XX, XXI и XXII N^o.

(Изъ помѣщенныхъ въ XXI и XXII N^o Ша-
радъ первая значишь: *я-ворѣ*, а послѣдняя —
порт-ерѣ.)

При сей книжкѣ литографированный пор-
шрешъ *М. В. Милонова*.

(9 Марша 1822.)